

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.

Предисловіе.

Авторъ предлагаемыхъ нынѣ читателямъ „Кіевской Старины“ автобіографическихъ записокъ, протоіерей *Николай Ивановичъ Соколовъ*, жилъ и дѣйствовалъ въ Одессѣ болѣе полувѣка (1838—1891 гг.) и въ продолженіе всего этого времени пользовался въ обществѣ репутаціею серіознѣйшаго и ревностнѣйшаго пастыря церкви—проповѣдника и законоучителя, и въ то же время—человѣка образованнѣйшаго, неизмѣнно—до конца жизни любившаго науку и литературу. Понятно, что автобіографическія записки его могутъ представить живой интересъ, почему мы и находимъ возможнымъ напечатать ихъ въ Кіевской Старинѣ, хотя начало ихъ касается мѣстности, не относящейся къ Украинѣ.

Для того, чтобы приготовить читателей къ чтенію „Воспоминаній и Автобіографіи“ протоіерея Н. И. Соколова, представимъ сначала краткій очеркъ его жизни, а затѣмъ сдѣлаемъ въ общихъ чертахъ очеркъ содержанія его записокъ.

Протоіерей Николай Ивановичъ Соколовъ родился въ 1805 году въ г. *Миценскѣ*, орловской губерніи, гдѣ отецъ его былъ діакономъ Соборной церкви. Дѣтство же свое онъ провелъ въ селѣ *Спаскомѣ*, мценскаго уѣзда, куда отецъ его поступилъ священникомъ въ 1807 году. На десятомъ году онъ опредѣленъ былъ отцемъ въ епархіальную семинарію, заключавшую тогда въ себѣ и низшіе—училищные—классы и находившуюся въ г. *Сѣвскѣ*, гдѣ была и кафедра орловскаго архіерея. Въ 1819 г. эта кафедра перенесена была въ г. Орель, и съ него перешла туда и духов-

ная семинарія изъ Сѣвска, такъ что Ник. Иван. Соколовъ окончилъ курсъ духовной семинаріи уже въ Орлѣ, въ 1827 г. Какъ лучшій изъ воспитанниковъ семинаріи, Соколовъ былъ посланъ на казенный счетъ для дальнѣйшаго образованія въ кievскую д. академію. Здѣсь онъ пробылъ 4 года—съ 1827 по 1831 г. Въ кievской академіи личность Соколова не прошла не замѣтною. На одну изъ темъ по исторіи русской церкви, предложенныхъ тогдашнимъ кievскимъ митрополитомъ Евгеніемъ, именно: „О времени крещенія Великой Княгини Россійской Ольги“, Соколовъ, еще будучи студентомъ, написалъ разсужденіе, которое тогда же было напечатано въ Кіевѣ на счетъ Академіи, при чемъ авторъ его удостоенъ румянцевской преміи, учрежденной при кievской академіи въ память митрополита Евгенія ¹⁾. По окончаніи академическаго курса со степенью Кандидата Богословія, Соколовъ былъ назначенъ въ г. *Херсонъ*—на должность смотрителя духовнаго училища. Херсонъ въ то время принадлежалъ еще къ епархіи Екатеринославской,—и Соколовъ долженъ былъ, прежде чѣмъ отправиться на мѣсто службы, заѣхать въ Епархіальный городъ—*Екатеринославъ* и представиться здѣсь какъ епархіальному архіерею, такъ и семинарскому начальству, въ вѣдѣніи котораго находилось тогда херсонское духовное училище. Въ бытность свою въ Екатеринославѣ Соколовъ познакомился съ семействомъ умершаго кафедральнаго протоіерея *Іоанна Станиславскаго*, бывшаго когда-то учителемъ екатеринославской д. семинаріи, когда послѣдняя находилась еще въ г. Полтавѣ (съ 1780—1797 гг.),—и здѣсь—въ средѣ этой старинной малорусской фамиліи—нашелъ себѣ невѣсту *Варвару Ивановну*, одну изъ дочерей упомянутаго протоіерея Станиславскаго, съ которою и прожилъ въ счастливомъ супружествѣ болѣе 50 лѣтъ. Въ г. Херсонѣ, вмѣстѣ съ должностію смотрителя духовнаго училища, Соколовъ вскорости занялъ и открывшуюся вакансію протоіерея Херсонскаго Успенскаго Собора, для чего и принялъ рукоположеніе въ священство въ 1832 г., 28 февраля.—Въ Херсонѣ Соколовъ оставался до 1838 г. Въ это время открыта была самостоятельная *Херсонская епархія*—

¹⁾ По завѣщанію государственнаго канцлера графа *Николая Петровича Румянцева*, большаго любителя русской старины и друга митроп. Евгенія,—внесенъ въ сохранную казну билетъ въ *три тысячи* рублей—съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы ежегодно выдаваемы были въ награжденіе „въ честь и имя преосвящ. митроп. Евгенія“ тому изъ воспитанниковъ кievской академіи, который лучше опредѣлитъ или объяснить какую-либо русскую древность.—

съ архіерейской кафедрой и семинаріей въ г. Одессѣ—и Соколовъ перешелъ въ Одессу и опредѣленъ былъ здѣсь наставникомъ духовной семинаріи по предметамъ Исторіи и Греческаго языка. вмѣстѣ съ этимъ—въ томъ же 1838 г.—онъ занялъ и должность законоучителя въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.—Въ 1851 г., по распоряженію архіепископа херсонскаго *Иннокентія Борисова*, протоіерей Соколовъ былъ назначенъ настоятелемъ Одесской Старо-Кладбищенской церкви, и членомъ херсонской духовной консисторіи,—и съ тѣхъ поръ, оставивши учебно-воспитательную службу, посвятилъ себя только приходской и епархіально-административной дѣятельности. Въ Старо-Кладбищенской церкви онъ настоятельствоваъ болѣе 37 лѣтъ; но въ концѣ 1888 года, по старости лѣтъ, вышелъ въ отставку и съ этихъ поръ жилъ *на покой*, окруженный попеченіями своего семейства. Скончался о. протоіерей Н. И. Соколовъ 4 марта 1891 года на 87 году своей жизни и погребенъ *внутри* Старо-Кладбищенской Одесской церкви, для которой онъ такъ долго и много потрудился.

Какъ христіанскій пастырь и законоучитель, какъ Богословъ съ философскимъ направленіемъ ума, какъ любитель науки и литературы,—протоіерей Соколовъ много работалъ на поприщѣ человѣческаго слова и оставилъ послѣ себя много произведеній и въ печати, и въ рукописяхъ ¹⁾.

¹⁾ Перечислимъ извѣстные намъ *печатные* его труды. А) *Вышедшіе отдѣльными изданіями*: 1) „Собраніе рѣчей, сказанныхъ по случаю выпуска воспитанницъ Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ“, Одесса 1851 г. 2) „Чтеніе изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“—въ 2-хъ частяхъ. Одесса, 1857 г. Этотъ трудъ вышелъ послѣ *вторымъ изданіемъ*—подъ заглавіемъ: „Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта“ въ 2-хъ частяхъ.—Б). *Помѣщенные въ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“*: 1) „Слово на Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы“ (1860 г. № 10). 2) „Изъ размышленій христіанина—мыслителя: *Солнце и цвѣты*“ (1860, № 11). 3) „Нѣчто о душѣ (*изъ вечерняго разговора*)“ (1861 г. ч. П). 4) „Благоговѣйныя размышленія о видимомъ и невидимомъ небѣ“ (1861 г., ч. Ш). 5) „Нелишній отзывъ“ (касательно устраненія безпорядковъ при причащеніи во святую четьредесятницу) (1861 г.). 6) „Мысли по поводу статьи: *Завѣдное Небо*“ (1861 г., ч. IV). 7) „Свѣдѣнія о протоіерѣ А. И. Логиновскомъ“ (1862 г., № 2-й). 8) „Татарское иго и подвиги Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго“ (1862 г.). 9) „Водвореніе церкви Христовой между славянскими племенами“ (1863 г., ч. IX). 10) „Взглядъ на вѣру и богослуженіе въ православной церкви“ (1863 г., ч. X). 11) „Трехголосное пѣніе въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ“ (1873 г.). 12) „Рѣчь при погребеніи Одесскаго кафедральнаго протіерея *Іоанна Знаменскаго*“ (1873 г.). 13) „Методъ обученія по методѣ вятскаго монаха“ (1874 г.). 14) „Рѣчь при погребеніи архіепископа Херсонскаго *Іоанникія*“ (1877 г.). 15) „Слово на Св. Пасху“ (1877 г.). 16) „Рѣчь къ ученикамъ Одесской Духовной Се-

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что протоіерей Н. И. Соколовъ, помимо своей профессиональной церковно-общественной дѣятельности, славился въ Одессѣ еще и какъ благоразумный, практическій и предусмотрительный домохозяинъ, и какъ заботливый и счастливый семьянинъ. Трудami, бережливостію и благоразумною распорядительностію онъ успѣлъ составить себѣ очень значительное состояніе. Дѣтямъ своимъ далъ прекрасное воспитаніе и образованіе. Трехъ дочерей своихъ выдалъ замужъ за людей, составившихъ себѣ имя въ исторіи Одессы и „Херсонской епархіи. Старшая дочь его *Любовь Николаевна* вышла замужъ за *Андрея Ивановича Логиновскаго*, магистра С.-Петербургской духовной академіи 1849 г. ¹⁾ Средняя дочь *Надежда Николаевна* вышла замужъ за *Гавріила Яковлевича Селецкаго*, кандидата Кіевской Духовной Академіи 1855 г., скончавшагося годъ тому назадъ (16 ноября 1904 г. въ должности кафедральнаго протоіерея Одесскаго собора. ²⁾ Наконецъ, младшая дочь протоіерея

минаріи въ день столѣтняго юбилея рожденія Императора Александра I (1878 г.). 17) „О живомъ общеніи между членами небесной церкви и церкви существующей на землѣ“ (1883 г.). 18) „Воспоминанія о частныхъ школахъ грамоты“ (1883 г.)—13) *Помѣщенныя въ газетѣ „Одесскій Вѣстникъ“*: 1) „Рѣчь преосвященнымъ, отправлявшимся на 50-лѣтній юбилей кіевской дух. академіи“ (1869 г., № 217-й). 2) „О Реймскомъ Евангеліи“ (1879 г. № 96).

¹⁾ А. И. Логиновскій былъ воспитанникъ Архіепископа Иннокентія Борисова, взятый имъ еще съ отроческихъ лѣтъ—въ Вологдѣ и благодаря его попеченіямъ прошедшій весь курсъ духовнаго образованія. Приглашенный преосв. Иннокентіемъ на епархіальную службу въ г. Одессу,—онъ много помогалъ знаменитому архипастырю въ его административной дѣятельности, часто ѣздилъ съ нимъ при обзорѣнн имъ епархіи и исполнялъ при этомъ различныя его порученія. Между прочимъ онъ сопровождалъ Иннокентія и въ послѣднюю поѣздку его въ Крымъ—весною 1857 года, во время которой знаменитый архипастырь простудился и приобрѣлъ себѣ предсмертную болѣзнь. Эту поѣздку и эту болѣзнь А. И. Логиновскій въпослѣдствіи подробно описалъ—и этотъ литературный трудъ его представляетъ драгоцѣнный источникъ для знакомства съ послѣдними днями жизни Иннокентія изъ „Херсонскихъ Епарх. Вѣдомостей“, гдѣ этотъ трудъ первоначально появился,—онъ перепечатанъ потомъ въ извѣстной книгѣ М. П. Погодина „Вѣнокъ на могилу Иннокентія“ (М. 1867 г) подъ заглавіемъ: „Послѣдняя поѣздка въ Крымъ, и послѣдніе дни жизни покойнаго Высокопреосвященнаго архіепископа Иннокентія).—Служа протоіереемъ при одесской Покровской церкви, А. И. Логиновскій приобрѣлъ себѣ особенное уваженіе прихожанъ ревностнымъ проповѣданіемъ слова Божія и усердіемъ при исповѣди ихъ въ Великій постъ. Протоіерей Логиновскій скончался въ 1859 г. тестъ его, протоіерей Н. И. Соколовъ посвятилъ статью его памяти, упомянутую нами выше.

²⁾ Протоіерей Г. Я. Селецкій займетъ видное мѣсто въ исторіи родной для него Херсонской епархіи, какъ администраторъ, отличавшійся неподкупною честностію и прямою, чуждаго кривыхъ путей.

Н. И. Соколова *Вѣра Николаевна* вышла замужъ за уроженца Подоліи *Мартирія Федоровича Чемена*.¹⁾ Вотъ какихъ зятѣй имѣлъ протоіерей Н. И. Соколовъ! Онъ по всей справедливости могъ любоваться ими, и ими славиться среди Одесскаго общества...

О протоіерей Н. И. Соколовъ, еще при жизни его, появлялись біографическіе отзывы, при чемъ перечислялись и его литературные труды. Въ первый разъ, сколько намъ извѣстно, біографическій очеркъ протоіер. Соколова помѣщенъ въ статьѣ протоіерея С. А. Серафимова—подъ заглавіемъ: „Историческое описаніе „Херсонскаго Успенскаго собора“, напечатанной въ „Херсонск. Епарх. Вѣдомостяхъ“ за 1881 г. Къ свѣдѣніямъ о литературныхъ трудахъ протоіерея Соколова, сообщеннымъ Серафимовымъ, редакторъ „Херс. Епарх. Вѣд.“ М. Θ. Чемена сдѣлалъ значительныя дополненія и въ заключеніе говорить: „Намъ извѣстно, что кромѣ этихъ небольшихъ статей, о. Н. И. Соколовъ писалъ цѣлыя изслѣдованія: „противъ матеріализма“, „о Глаголитскомъ или Готѣскомъ алфавитѣ“, „Взглядъ на исторію славянъ и грековъ Балканскаго полуострова“ и проч.; но эти изслѣдованія онъ не давалъ въ печать, а только читалъ ихъ по временамъ въ кругу друзей и сослуживцевъ. Какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ частныхъ бесѣдахъ сказалось разнообразіе его натуры: онъ и богословъ, и философъ, и поэтъ, и филологъ, и историкъ, и политико-экономистъ; онъ любитъ слѣдить за наукой въ самыхъ разнообразныхъ развѣтвленіяхъ ея, но никогда не былъ рабомъ ходячихъ въ извѣстное время ученій и относился къ нимъ критически. Ораторскія способности его были также замѣтны, особенно въ молодые годы его жизни. Въ настоящемъ (1881) году въ началѣ октября истекаетъ 50-лѣтіе службы этого почтеннаго протоіерея“.

¹⁾ Магистръ Кіевской дух. Академіи 1855 г., который оставилъ по себѣ неизгладимую память въ Одессѣ и во всей Херсонщинѣ и какъ пастырь—проповѣдникъ и законоучитель, и въ особенности какъ ректоръ Одесской Духовной семинаріи, занявшій эту послѣднюю должность *по выбору* преподавателей и представителей духовенства, проходившій ее непрерывно болѣе 30 лѣтъ и пріобрѣтшій себѣ всеобщую искреннюю любовь какъ сослуживцевъ по семинаріи, такъ и воспитанниковъ ея—за свой умъ, образованность и гуманнѣйшій характеръ. Въ то же время въ продолженіе всей своей ректорской службы въ Одесской д. семинаріи М. Θ. Чемена былъ редакторомъ „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и помѣстилъ въ нихъ много талантливыхъ, написанныхъ прекраснымъ языкомъ, статей по богословскимъ и церковно-практическимъ вопросамъ... М. Θ. Чемена скончался 8 января 1903 г. и былъ оплаканъ всей Одессой и Херсонской епархіей.

Дѣйствительно, въ октябрѣ 1881 года о Н. И. Соколовѣ праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей службы, и по этому поводу въ „Херсонск. Епарх. Вѣдомостяхъ“ того же года (№ 23-ій) помѣщено было описаніе подробностей этого праздника, ярко освѣтившихъ прошедшую разнообразную и многоплодную дѣятельность этого даровитаго пастыря и труженика.

По смерти протоіерея Н. И. Соколова, помѣщенъ былъ въ „Херсонск. Епарх. Вѣд.“ его *некрологъ* подъ заглавіемъ: „Поучительная кончина священнослужителя Божія“. Здѣсь сообщены нѣкоторыя очень интересныя свѣдѣнія для біографіи Соколова и для знакомства съ его литературною дѣятельностью. Такъ, о времени его школьной семинарской жизни говорится слѣдующее: „обучаясь въ Орловской семинаріи, онъ много читалъ книгъ духовнаго содержанія: „житія святыхъ“ производили на него сильное впечатлѣніе, а по прочтеніи св. Іоанна Лѣствичника и Печерскаго Патерика, у него сложилось мнѣніе, что *единственный* путь спасенія—монастырскіе подвиги. Объ этомъ за годъ до окончанія курса онъ объявилъ бывшему тогда ректору семинаріи, архимандриту *Гаврилу* (автору „исторіи философіи“) при-совокупивъ, что всякія познанія онъ почитаетъ теперь за *уметы* и готовъ оставить заведеніе. Ректоръ разъяснилъ ему, что этого вовсе нельзя сказать объ изученіи воли Божіей, изложенной въ Божественномъ Откровеніи и хранимой св. церковію, и убѣдилъ его остаться въ семинаріи до окончанія курса. Юный идеалистъ повиновался, но пѣшкомъ совершилъ во время каникулъ путешествіе въ Кіево-Печерскую лавру. Дорогою онъ питался однимъ хлѣбомъ и сухарями. Путешествіе это нѣсколько измѣнило его воззрѣнія, подъ впечатлѣніемъ картинъ мирныхъ и тяжелыхъ трудовъ въ страдную пору крестьянъ, въ потѣ лица добывавшихъ себѣ и другимъ хлѣбъ. Здѣсь онъ додумался, что если монастырскіе подвиги представляютъ собою *вѣрный* путь спасенія.—то и тяжелый, но честный трудъ во имя Господне для хлѣба насущнаго во благо ближнихъ не приведетъ челоуѣка къ погибели. Оставаясь еще годъ въ семинаріи, онъ утвердился въ этой мысли на основаніи твореній св. Іоанна Златоуста, особенно толкованій его на посланіе св. Апостола Павла. По окончаніи Кіевской Академіи, благоговѣя предъ высокимъ идеаломъ дѣвствен-ной жизни, онъ нашель болѣе соотвѣтствующимъ своимъ силамъ жизнь супружескую—*бракъ честенъ и ложе нескверно*. Но прямо съ академической семьи онъ принялъ санъ духовный и съ до-стоподражаемою честностію носилъ его до конца долгой жизни своей“.

Далѣ, въ некрологѣ сказано, что и въ старости Протоіерей Соколовъ не прерывалъ своихъ любимыхъ литературныхъ занятій. „Ослабѣвъ уже зрѣніемъ, онъ тѣмъ не менѣе много читалъ и интересовался всѣмъ, что печаталось по разнымъ отраслямъ наукъ, особенно по предметамъ св. вѣры. Въ часы досуга онъ обрабатывалъ свою философскую статью „о мірѣ невидимомъ“ и продолжалъ давно начатыя „записки о своихъ предкахъ, о жизни отца и собственной жизни“. Въ первомъ сочиненіи, посредствомъ 'твердаго и яснаго анализа душевныхъ явленій, искренно убѣжденный авторъ доказываетъ несомнѣнность бытія духовнаго, невидимаго міра. Во второмъ трудѣ, кромѣ воспоминаній личныхъ, дорогихъ для родныхъ лицъ сообщаются разныя, интересныя для всякаго, подробности изъ быта и условій жизни духовенства и общества прошедшихъ временъ. Тотъ и другой трудъ остаются въ рукописи.“—„Выйдя въ отставку, старецъ еще болѣе сталъ заниматься чтеніемъ книгъ, часто погружался въ глубокія размышленія о прошедшемъ и настоящемъ, дѣлился своими мыслями и наблюденіями съ часто посѣщавшими его лѣтораслями своего дома и рода—разныхъ возрастовъ и чистосердечно предавался тихимъ радостямъ родного круга.“

Затѣмъ, въ некрологѣ описывается предсмертная болѣзнь о. Николая Соколова, начавшаяся 1-го марта 1891 года—и послѣдніе часы и минуты его жизни: какъ молился старецъ на смертномъ одрѣ, какъ припоминалъ и пѣлъ ослабѣвшимъ голосомъ любимыя свои церковныя пѣсни и какъ наконецъ 4-го марта умирающій исповѣдывался и причастился Св. Таинъ Христовыхъ и и какъ стали читать ему „Послѣдованіе при исходѣ души изъ тѣла“. Послѣдній вздохъ старца совпалъ съ послѣднимъ словомъ молитвы на исходъ души!..“—

Послѣ описанія погребенія о. протоіерея Н. Соколова, въ некрологѣ наконецъ дѣлается перечень (хотя не полный) его сочиненій и въ заключеніе говорится слѣдующее: „Писалъ онъ сверхъ того много, но много писаннаго уничтожено имъ самимъ. Оставилъ онъ въ рукописи только вышеупомянутыя статьи „о мірѣ невидимомъ“—философскаго содержанія—и „Записки о предкахъ, о жизни отца и собственной жизни“ съ весьма цѣнными воспоминаніями, имѣющими и частный, и общій интересъ. Особенности его сочиненій—простота, легкость, ясность, какая то прозрачность изложенія, мирный успокоительный духъ православной вѣры, широты разумѣнія святыхъ истинъ ѳея, любовь по чело-

вѣчеству на всѣхъ степеняхъ его положенія, и чисто-сердечная-чуждая раздраженія, правда о людяхъ.“—

Для того, чтобы окончить біографическій очеркъ одесскаго протоіерея Н. И. Соколова, мнѣ остается только сказать о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ изъ личнаго своего знакомства съ этимъ достопочтеннымъ старцемъ... Я познакомился съ нимъ уже въ 1887 г., когда ему было болѣе 80 лѣтъ... Старческое лицо его было очень симпатичное, въ обращеніи былъ кротокъ, благодушенъ, доступенъ и ласковъ. Любилъ очень вести разговоръ о предметахъ философскихъ и историческихъ. Всякій разъ при свиданіи съ нимъ я съ величайшимъ интересомъ слушалъ его рѣчь и въ особенности его воспоминанія о прошломъ... Такъ какъ эти воспоминанія имѣютъ общій интересъ, то я здѣсь и передамъ то, о чемъ говорилъ со мною старецъ — въ каждое изъ моихъ съ нимъ свиданій. Въ первый разъ я увидѣлъ о. Николая Соколова 25 октября 1887 года—на именинахъ у его зятя—ректора одесской д. семинаріи протоіерея *Мартирія Ѳеодоровича Чемыни*. Познакомившись съ о. Николаемъ, я скоро съ нимъ разговаривался... Вотъ что сообщилъ онъ мнѣ въ этотъ разъ: „когда я былъ студентомъ Кіевской академіи, то тамъ еще не знали и не жаловали Пушкина... Больше господствовалъ Жуковскій. Въ Херсонѣ, будучи смотрителемъ духовнаго училища, я уже зналъ и любилъ Пушкина. У меня были его сочиненія. Въ Херсонѣ тогда былъ вице-губернаторъ *Брюхачевъ*. Я очень много потерялъ въ его мнѣніи, что читалъ Пушкина... Въ особенности онъ недоволенъ былъ, когда увидѣлъ у меня на столѣ томъ Пушкина съ раскрытыми страницами, гдѣ было помѣщено стихотвореніе *Гусаръ*...—Когда ректоръ Кіевской академіи *Иннокентій* ѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ *Неволинымъ*, ректоромъ Кіевского университета,—они заѣхали ко мнѣ—въ Херсонъ. Иннокентій былъ землякъ мой, и въ Академіи хорошо меня зналъ, и сочиненіе мое о княгинѣ Ольгѣ напечаталъ въ „Опытахъ упражненій воспитанниковъ Кіевской Академіи пятаго учебнаго курса“. Увидя у меня на стѣнѣ портретъ Пушкина, Иннокентій сказалъ: „А, у васъ Пушкинъ! да, это былъ феномень... Такихъ людей, какъ онъ, нельзя судить по ихъ жизни. У нихъ бываютъ минуты, когда они являются и дѣйствиельными, и чистыми, и высокими, и великими... Эти минуты стоятъ всей ихъ жизни!“—Въ Одессѣ я хорошо зналъ семью графа Воронцова. Воронцовъ мало читалъ Пушкина. При его административныхъ занятіяхъ, ему не было для этого времени. Но графиня Воронцова любила читать Пушкина. Особенно ей нравился

Бахчисарайскій фонтанъ. И въ самомъ дѣлѣ, прежде описывали сераль грязно; а тутъ вдругъ такіе стихи:

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился...

или эти:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣ дня, чернѣ ночи...

(И старецъ о. Николай сталъ декламировать цѣлые строфы изъ „Бахчисарайскаго фонтана“, который очевидно, онъ зналъ прекрасно...).—

Когда я былъ законоучителемъ института благородныхъ дѣвицъ,—то на экзаменахъ здѣсь часто бывалъ Преосвящ. Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Разъ онъ былъ на экзаменѣ по словесности. Учителемъ былъ Жуковъ, уже старый. Вызываютъ воспитанницу—и она стала между прочимъ читать начало поэмы Пушкина *Братья разбойники*. Здѣсь есть, какъ извѣстно, упоминаніе и о *монахахъ*:

„Изъ хать, *изъ келій*, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!..“

Иннокентію видимо это не понравилось.—„Да развѣ нѣтъ лучшаго у Пушкина?“ сказалъ онъ.—Да тутъ такъ живо все описано,—защищалъ учитель Жуковъ.—„Нѣтъ нѣтъ, это не такъ... А вотъ это—смотрите—какая прелесть... И Иннокентій началъ читать наизусть слѣдующее стихотвореніе Пушкина:

„Рѣдѣть облаковъ летучая гряда...
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!“

(и о. Николай продекламировалъ до конца эти стихи—такъ, какъ ихъ произносилъ Иннокентій...).—„Вотъ дѣвственно, вотъ чисто!“—воскликнулъ Иннокентій, окончивши стихотвореніе...“—

Въ другой разъ я увидѣлся съ о. Ник. Ив. Соколовымъ 9-го апрѣля 1889 г.—на Пасху—во время разговѣнь у того-же М. Ѳ. Чемсны. Мы все время проговорили съ о. Николаемъ—и предметомъ его рѣчи были преимущественно воспоминанія объ его наставникахъ въ Кіевской Академіи... Вотъ то достопримѣчательное,

что онъ говорилъ намъ: „1) ректора *Кирилла Куницкаго* митрополитъ Евгений любилъ за то, что тотъ хорошо зналъ французскій языкъ. 2) *Иннокентія* Борисова я зналъ еще изъ Сѣвска, когда онъ былъ въ богословскомъ классѣ Семинаріи, а я былъ еще въ училищныхъ классахъ. Тогда онъ былъ совсѣмъ бѣлокурый и зимою ходилъ въ *нагольномъ тулупѣ*. Тогда только философамъ и богословамъ дозволялось носить тулупъ *на опашку*. Тулупъ Борисова былъ бѣлый, замасляный. Тогда все это было можно... 3) Съ бакалавромъ іеромонахомъ *Рафаиломъ Шипулинскимъ* случилась печальная исторія. Когда женился бакалавръ *Шокотовъ*, то Рафаилъ былъ въ церкви—во время вѣнчанья, засмотрѣлся на невѣсту-красавицу и послѣ сталъ грустить... И вотъ когда посѣщалъ Братскій монастырь и академію великій князь Михаилъ Павловичъ, то Рафаилъ подалъ ему прошеніе, въ которомъ прописалъ, что начальство насильно постригло его въ монахи... Этотъ поступокъ сочли признакомъ сумашествія и бѣднаго Рафаила засадили въ Лавру. Тамъ онъ хотѣлъ наложить на себя руки. но его успѣли спасти—и потомъ заточили въ какой-то далекій монастырь... Послѣ онъ поправился и еще, кажется, служилъ по училищному вѣдомству... 4) Бакалавръ іеромонахъ *Мелитонъ Переверзевъ*—мой землякъ. Пошелъ въ монахи, чтобы получить магистра. Но потомъ почувствовалъ потребности чело-вѣческія, оглянулся—увидѣлъ, что возврата нѣтъ и—спился... Судьба его, какъ и Рафаила, тоже очень печальна. 5) Бакалавръ *Яковъ Кузьмичъ Амфитеатровъ*—былъ тоже мой землякъ. Онъ страдалъ запоемъ. Къ вечеру на него находила тоска—я къ нему хаживалъ, для того чтобы его развлекать. Но стали говорить, что я участвую съ нимъ въ пьянствѣ, и за это не дали мнѣ степени магистра, хотя мое сочиненіе о Великой Княгинѣ Ольгѣ, написанное на Румянцевскую премію, и было напечатано. Это сочиненіе много сократили: люди безъ вкуса,—какъ тогдашній инспекторъ *Нилъ Исаковичъ*...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ о Ник. Ив. Соколова, посѣтивши его въ Свѣтлую Субботу—въ ту же Пасху 1889 года... Старецъ прочелъ мнѣ цѣлую лекцію о *Кириллицѣ* и *Глаголицѣ*. Видно, что много и внимательно читалъ по этому предмету... Въ воспоминаніяхъ изъ прошлаго, между прочимъ, передавалъ фактъ, что митрополитъ Кіевскій Евгений часто ѣздилъ въ Кіевъ къ одному священнику, который усердно занимался физикой и астрономіей и имѣлъ у себя разныя машины для опытовъ. Этотъ священникъ скончался скоростижно.—Была также въ бесѣдѣ

нашей съ о. Николаемъ рѣчь о *безженствѣ Епископовъ*. На это безженство о. Николай смотрѣлъ скептически... Апостолъ Петръ и Павелъ, говорилъ онъ, имѣли женъ... Архіепископъ Иннокентій, по его словамъ, смотрѣлъ на отношенія къ женщинамъ очень свободно, съ чисто человѣческой точки зрѣнія...

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ *Автобіографіи* протоіерея Н. И. Соколова. Рукопись ея хранится, какъ драгоценность, у дочери его, вдовы упомянутого нами ректора Одесской д. семинаріи протоіерея М. Θ. Чемены, *Вѣры Николаевны Чемены*. Благодаря просвѣщенному вниманію досточтимой Вѣры Николаевны къ дѣлу литературы,—мы получили возможность на нѣкоторое время взять къ себѣ эту рукопись, снять съ нея копію и затѣмъ издать ее на страницахъ *Кіевской Старины*.

Рукопись *Автобіографіи* представляетъ довольно толстый переплетенный томъ (454 стран.) писчей бумаги—въ листъ, весь исписанный собственною рукою Протоіерея Н. И. Соколова. Рукопись не имѣетъ одного *общаго* заглавія, а прямо начинается со статьи: *Мои предки*. Но такъ какъ въ семействѣ о. Николая она слыветъ подъ именемъ *Автобіографіи*, и такъ какъ съ другой стороны въ ней, кромѣ автобіографіи о. Николая Соколова, заключаются и его *воспоминанія* о своихъ предкахъ, родственникахъ съ отцовской и материнской стороны, а также и о другихъ разныхъ лицахъ, съ которыми приходилось ему вступать въ соприкосновеніе въ продолженіе своей жизни,—то мы дали рукописи такое *общее* заглавіе: „*Воспоминанія и Автобіографія* Одесскаго протоіерея Николая Ивановича Соколова“.

Сдѣлаемъ краткое обзорѣніе печатаемой рукописи о. Николая Соколова. Авторъ сначала говоритъ о своихъ предкахъ по отцу и по матери, причемъ въ особенности много посвящаетъ мѣста воспоминаніямъ о своемъ дѣдѣ по отцу діаконѣ *Алексѣѣ Мироновичѣ Гороховѣ* и его семействѣ, а также и о своемъ отцѣ священникѣ *Іоаннѣ Алексѣевичѣ Соколовѣ*, который наслѣдовалъ фамилію не отца, а матери своей *Татіаны Ивановны*, урожденной *Соколовой*, по желанію послѣдней. Тогда такія перемѣны фамилій были въ обычаѣ и свободно допускались. Авторъ рассказываетъ, какъ этотъ о. *Іоаннъ Алексѣев. Соколовъ* былъ сначала діакономъ въ г. Мценскѣ, Орловской губ., а затѣмъ священникомъ въ селѣ *Снасскомѣ*, Мценскаго уѣзда, и какъ онъ наконецъ скончался въ 1839 г. въ Одессѣ, куда онъ, уже будучи въ отставкѣ, пріѣхалъ навѣстить своего сына, автора Автобіографіи, и пожить у него нѣкоторое время. Авторъ „Воспоминаній“ со-

общаетъ мно^{го} интересныхъ бытовыхъ подробностей и о тогдашней жизни въ г. Мценскѣ, а также и въ с. Спасскомъ. Подробности о селѣ Спасскомъ потому въ особенности могутъ имѣть интересъ, что относятся онѣ къ *тому самому с. Спасскому*, которое впослѣдствіи принадлежало матери знаменитаго русскаго писателя *Ивана Сергѣевича Тургенева*, а затѣмъ и самому Ивану Сергѣевичу.

Далѣе авторъ съ большими подробностями описываетъ свое *дѣтство* въ с. Спасскомъ и касается при этомъ нѣкоторыхъ бытовыхъ обычаевъ этого села. Затѣмъ, онъ рассказываетъ о поступленіи своемъ въ духовную семинарію въ г. *Сѣвскѣ* и подробно описываетъ жизнь свою *здѣсь*. Описаніе Сѣвской семинаріи можетъ имѣть интересъ въ особенности потому, что здѣсь о. Николай Соколовъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о школьной жизни одного тогдашняго Сѣвскаго семинариста *Ивана Борисова*, сдѣлавшагося впослѣдствіи знаменитымъ *Иннокентіемъ*, архіепископомъ Херсонскимъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о томъ, какъ онъ кончилъ курсъ семинаріи уже въ г. Орлѣ и какъ, будучи въ богословскомъ классѣ семинаріи, онъ вакаціями ходилъ въ г. Кіевъ на богомолье пѣшкомъ. Затѣмъ говоритъ объ обстоятельствахъ окончанія имъ семинарскаго курса и рассказываетъ о поступленіи своемъ въ Кіевскую духовную академію съ 1827 г. и о четырехъ-годичномъ пребываніи своемъ въ Кіевѣ—студентомъ академіи. Этотъ отдѣлъ автобіографіи автора имѣетъ значительный интересъ для исторіи Кіева и Кіевской духовной академіи. Затѣмъ авторъ говоритъ о назначеніи его на службу въ г. Херсонъ—на должность смотрителя духовнаго училища; описываетъ свое путешествіе въ г. Екатеринославъ, отъ котораго тогда зависѣлъ Херсонъ въ духовно-административномъ отношеніи; говоритъ о томъ, какъ при посредствѣ своего земляка, профессора Екатеринославской духовной семинаріи *Павла Ивановича Данкова*, женатаго на дочери умершаго кафедральнаго протоіерея *Станиславскаго*, онъ самъ познакомился съ семействомъ этого протоіерея и наконецъ женился на другой дочери его—*Варварѣ Ивановнѣ*. Затѣмъ авторъ описываетъ переѣздъ свой въ г. Херсонъ и послѣдующую жизнь свою въ немъ. Здѣсь онъ подробно рассказываетъ о Херсонскомъ духовномъ училищѣ, о своихъ сослуживцахъ училищныхъ, о духовенствѣ Херсона, о своихъ знакомыхъ и проч. Рассказываетъ далѣе о томъ, какъ онъ получилъ протоіерейское мѣсто въ Херсонскомъ Соборѣ, какъ его посѣтилъ въ 1836 г. ректоръ Кіевской духовной академіи *Иннокентій*—

на пути въ Крымъ. Много также мѣста посвящаетъ авторъ характеристикѣ тогдашняго своего епархіальнаго начальника архіепископа *Гавріила Розанова*, подѣ начальствомъ котораго ему пришлось послѣ служить и въ Одессѣ. Вообще, та часть его автобіографіи, гдѣ описывается его жизнь въ Херсонѣ, изобилуетъ многими интереснѣйшими бытовыми подробностями. Затѣмъ, авторъ рассказываетъ объ обстоятельствахъ перемѣщенія своего въ г. Одессу. Описываетъ далѣе свою одесскую жизнь со всѣхъ сторонъ—и служебную, и домашнюю-семейную. Много при этомъ посвящаетъ мѣста характеристикѣ тогдашняго главнаго начальника Новороссіи, имѣвшаго резиденцію въ Одессѣ, извѣстнаго графа (виосл. князя) *М. С. Воронцова*, а также характеристикѣ Епархіальныхъ Архіереевъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ Одессѣ: *Гавріила Розанова*, *Иннокентія Борисова*, *Димитрія Муретова*, *Леонтія Лебединскаго* и *Іоаннікія Горскаго*. Описаніемъ смерти и погребенія послѣдняго изъ нихъ (въ 1877 г.) и оканчивается рукопись нашего автора. Опять—и относительно описанія авторомъ своей одесской жизни—скажемъ, что бытовые подробности, сообщаемыя имъ, представляются очень любопытными и живо изложенными.

Вообще „Воспоминанія и Автобіографія“ одесскаго протоіерея Николая Ивановича Соколова представляютъ въ себѣ весьма много *самаго жизненнаго* историческаго матеріала,—и мы приносимъ глубокую благодарность досточтимой дочери автора *Вирѣ Николаевнѣ Чеченѣ* за то, что она дала намъ возможность сдѣлать этотъ важный литературный памятникъ общезвѣстнымъ при посредствѣ печати.

Издавая въ свѣтъ „Воспоминанія и Автобіографію“ протоіерея Н. И. Соколова,—мы въ редакціонномъ отношеніи сдѣлали вотъ что: во первыхъ, составили *отдѣльные подзаголовки* въ началѣ каждой статьи „Воспоминаній и Автобіографіи“, а во вторыхъ—сдѣлали по мѣстамъ къ тексту ихъ соотвѣтствующія *подстрочныя примѣчанія*.

Л. С. М.

27-е Декабря 1905 г.
Одесса, Слободка-Романовка.

Мои предки.

Дѣдъ автора діаконъ села Подчернева Алексѣй Мироновичъ Гороховъ; бабушка Татьяна Ивановна; ихъ дѣти.

Въ царствованіе Анны Ивановны и Елисаветы Петровны въ Мценской округѣ, въ селѣ *Гороховомъ* былъ священникъ *отецъ Миронъ*. Это—отецъ моего дѣда *діакона Алексѣя Мироновича Горохова*. Самъ отецъ Миронъ, по обычаю того времени, не носилъ фамиліи, и едва ли кто называлъ его по отчеству,—и сынъ его *Алексѣй* получилъ фамилію уже отъ села, въ которомъ родился. Село это находится въ 20 верстахъ отъ г. *Мценска*, по дорогѣ въ г. *Болховъ*. Въ 1828 г. я былъ въ с. *Гороховомъ*. Оно расположено по одной сторонѣ оврага; церковь и усадьба причта расположены на полу-горѣ; подъ горой течетъ ручей; вокругъ села нѣтъ лѣса и въ селѣ мало садовъ. Видъ села показался мнѣ слишкомъ угрюмымъ.

Дѣдъ мой *Алексѣй Мироновичъ*, за неимѣніемъ въ округѣ и намѣстничествѣ училищъ, воспитывался дома. Онъ былъ хорошій чтецъ и пѣвецъ. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и крѣпкаго сложенія. Въ 1760—1770-е годы онъ поступилъ діаконъ въ село *Калугино-Подчернево* тожъ. Для посвященія ѣздилъ въ Москву ¹⁾. Село Подчернево расположено на горѣ надъ ручьемъ, пересыхающимъ въ лѣтнее время. Но церковь и поповка расположены на особой горѣ, отдѣльно отъ села. Садовъ не было въ селѣ, но къ нему прилегали два яра, опушенные дубовымъ и березовымъ лѣсомъ. Видъ села—бѣдный.

Дѣдъ мой женился на дочери дьячка села *Рождественскаго*, отстоящаго отъ Подчернева въ 12-ти верстахъ, а отъ Горохова

¹⁾ До 1788 г. территория нынѣшней Орловской Епархіи принадлежала къ Московской митрополіи—Л. М.

въ 10-ти. Имя ея *Татьяна Ивановна*. Дѣдъ ея дьячекъ села Рождественскаго былъ убитъ въ сраженіи съ разбойниками мѣстныхъ лѣсовъ. Война ведена была самимъ Мценскимъ воеводою. Мѣсто убитаго заступилъ сынъ его *Иванъ Соколовъ* и вскорѣ за подвиги отца возведенъ былъ въ санъ дьякона. Бабушка моя—*Татьяна Ивановна Соколова* не знала грамоты, но была бойкая и умная; ей обязаны дѣти воспитаніемъ и пристройкою. Она слыла занимательною и плодovитою рассказчицею.

У дѣда моего было два сына: *Іоаннъ*—мой отецъ, и *Никаноръ*, и дочери *Евдосія*, *Анна*, *Анисія*, *Марія*, *Татьяна*, и *Акилина*.

Нѣчто о жизни дѣда моего—Алексѣя Мироновича.

Необычайное трудолюбіе дѣда и бабки и ихъ хозяйственность. — Практическая мудрость бабушки Татьяны Ивановны—сельскій продуктъ въ то время и обстановка домашней жизни.—Наѣздъ разбойниковъ на домъ дѣда.—Запуганность и робость въ характерѣ дѣда, сократившая его жизнь.—Печальная судьба послѣдней дочери его—красавицы *Акулины*.—Бѣгство Діакона—Мужа Акулины—къ раскольникамъ —Душевная болѣзнь дѣда.

Алексѣй Мироновичъ былъ неустанный труженикъ: съ ранней зари до ночи онъ работалъ за троихъ. Нужно было воспитать и пристроить столько дѣтей. Супруга его не уступала ему въ трудѣ; ей надо было одѣть и обуть cadaго изъ осьмерыхъ дѣтей. Покупать было не на что, все платье было своего издѣлія. Нужно было напрядь, покрасить, нашить, заготовить овчины на шубы,—и она сидѣла ночи на пролетъ. Кромѣ того надобно было присмотрѣть за скотомъ и другою живностью въ домѣ, сжать и обмолотить посѣвъ—и ея ставало на все. Только съ возрастомъ труженникамъ стали помогать дѣти ихъ—мальчки до поступленія въ училище, а дѣвочки—до выхода замужъ.—У Алексѣя Мироновича кромѣ дегтю и лыкъ, да платковъ дѣтямъ на голову и косынокъ,—кушечнаго были только сапоги и ряса, пошитые имъ въ Москвѣ, при посвященіи. И эти сапоги служили ему 28 лѣтъ, а ряса—до гроба.

Дѣдъ мой содержалъ въ училищѣ двухъ сыновей, возилъ ихъ за 200 верстъ въ г. *Сѣвскъ*. Но онъ не въ силахъ былъ доставить имъ средства окончить 12-лѣтній курсъ: одинъ уволился еще изъ первыхъ классовъ; другой (отецъ мой)—изъ риторики.—У него достало силъ пристроить дочерей. Старшую выдалъ за

купца, державнаго постоянный дворъ на нынѣшней станціи *Оптухъ*; Анну отдалъ за управляющаго селомъ—барскаго чело-вѣка, который, распившись удавился; Анисью за мѣщанина, занимавшагося извозомъ: Марьѣ уступилъ свое мѣсто, самъ оставшись за штатомъ, и когда зять его діаконъ *Фирсъ Харитоновичъ* сдѣлался священникомъ, тогда бабка ископотала мѣсто его для дочери своей Акулины. ¹⁾

Два года дѣдъ мой и бабка жили при дочери Акулинѣ; бабка цѣнячила дѣтей, а дѣдъ занимался хозяйствомъ. Тогда они жили, какъ выражались, въ полное свое удовольствіе. У нихъ была своя вѣтряная мельница и 12 десятинъ земли. Эта земля куплена въ 1795 году за 600 руб. Бабка умудрилась купить ее, не имѣя въ домѣ болѣе 2-хъ рублей... Какимъ же образомъ?—Ходя изъ двора во дворъ по всему селу, она просила у cadaго зажиточнаго мужика взаймы *только одинъ рубль*, не объявляя для чего, и когда собрала 600 р. и купила землю, тогда объявила имъ, на что занимала. Мужички только удивились ея мудрости и охотно отсрочили ей долгъ, дорожа ея привѣтливостью.

Алексѣй Мироновичъ жилъ 77 лѣтъ, умеръ въ 1825 году.—Трудовая жизнь его проходила въ царствованіе Екатерины II и Павла I, и далъ онъ свое мѣсто зятю Фирсу уже въ царствованіе Александра I въ 1809 г. Въ его время сельскіе продукты цѣнились очень дешево: рожь продавалась 1 р. 50 к.—2 руб. четверть; капусту, огурцы рѣдко кому приходилось продавать. Кто запоздалъ на рынокъ, тотъ вывозилъ обратно за городъ и во Мценскѣ подъ *холодный мостъ*. На мѣстѣ этого моста теперь насыпъ для рельсовъ желѣзной дороги. Екатерининскій серебряный рубль былъ за рѣдкость въ Подчерневомъ: имперіаловъ въ глаза не видали. Къ ассигнаціямъ съ трудомъ привыкали. Мужикъ убѣгалъ ихъ; хотя синенькая—5 р.—равнялась *пяти* серебряннымъ рублямъ. Въ деревню опѣ не заходили.—Дѣдъ рассказывалъ, что чай и сахаръ не были въ употребленіи и у помѣщиковъ. Сахаръ платили по 1 р. 20 к. за фунтъ. Не существовало и самоваровъ,—ихъ замѣняли мѣдные чайники; но въ нихъ варили не чай, а душистыя травы, сушенныя ягоды, вишни, землянику, малину — и варили на меду. Когда же къ взвару прибавлялась водка (сивуха), взваръ именовался *кавардакомъ*. Когда взваривались только травы съ медомъ, тогда горячій напи-

¹⁾ То есть, выдавъ ее замужъ за новаго діакона, о которомъ рассказъ будетъ ниже.—Л. М.

токъ назывался *сбитнемъ*.—Хлѣбъ тогда не шелъ за границу; имъ снабжали только свои города. Если жители города запасались имъ, и самъ городъ не имѣлъ судоходной рѣки, по которой сплавлялся хлѣбъ въ Москву, то цѣна на него такъ падала, что нечего было возить его въ городъ. Въ цѣнѣ тогда стояла конопля, пенька, макъ и медъ, какъ и воскъ; дѣдъ какъ и каждый мужичекъ, имѣлъ свой огородъ и коноплянникъ. Продажа пеньки и конопли выручала его изъ нужды. Но эту статью хозяйства эксплуатировали горожане.—Жителями тогдашнихъ захолустныхъ городовъ были мѣщане, помѣщики, имѣвшіе свои дома на зимній сезонъ, и два—три купца. Купецъ объявлялъ цѣну на вышеозначенные продукты, и когда хотѣлъ, мѣщане ѣздили по деревнямъ, покупали эти продукты, за что могли, и сдавали куцу. Тогда не было телеграфовъ, газета не доходила и до помѣщика и горизонтъ свѣдѣній о цѣнахъ мужичка ограничивался ближайшими городами.

Земская полиція существовала. Въ каждомъ селѣ жители—хозяева раздѣлялись на *десятки* и *сотни*. Каждымъ десяткомъ завѣдывалъ *десятскій*. Десятскіе были подчинены *сотскому*. Эти власти были изъ мужиковъ, но власть ихъ парализовалась дворянами. Десятскими и сотскими командовалъ *исправникъ* изъ дворянъ: исправники подчинены были *земскому суду*. Но артели разбойниковъ и грабителей существовали во множествѣ; онѣ грабили и убивали не на дорогахъ только, но и въ селахъ. Они наѣзжали ночью на села и поселки. Наканунѣ *наѣзда* они подкидывали достаточному хозяину письмо, которымъ предупреждали хозяина ожидать гостей. Такіе гости разъ посѣтили моего дѣда. Получивъ письмо ихъ, онъ не объявлялъ ни сотскому, ни десятскому, но велѣлъ семейству приготовить угощеніе и даже раздобылся водкою. Въ часъ ночи нагрянули двѣ тройки и кричали отпереть ворота. Дѣдъ встрѣтилъ гостей съ поклонами. Шесть человѣкъ, вооруженные кистенями и топорами на двухъ аршинныхъ рукояткахъ, вошли въ избу. Лица ихъ до половины были завѣшаны платками. Всѣ были въ синихъ домашней работы кафтанахъ. Потребовали денегъ. На это время въ домѣ было 7 рублей мѣдью. Деньги были вынуты изъ сундука и дѣдъ Христомъ и Богомъ увѣрялъ ихъ, что больше нѣту, и просилъ откушать хлѣба и соли. Разбойники не вѣрили и говорили: „ты на 3-хъ саяхъ возилъ хлѣбъ въ Мценскъ и получилъ 15 рублей. Но дѣдъ почтовою роспискою доказалъ имъ, что онъ десять руб. послалъ сыновьямъ въ Сѣвскъ. Тогда только сѣли

за столъ, пили водку, подчивали его самого хозяина. Они изъ своего запаса вынули паусную икру и стали ѣсть. Бабка и дѣти никогда не видѣвшія икры, подумали что это черное вещество изъ рѣчныхъ раковинъ, называемое *лягушьимъ гнѣздомъ*. У нихъ поднялись сильные рвоты. Это смѣшило негодаевъ, они хохотали и почти не ѣли заготовленныхъ кушаній. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „вода“—и вдругъ всѣ поднялись и поспѣшно стали выходить изъ дома. Дѣдъ съ поклонами провожалъ ихъ. Вышедши за ворота, не нашли лошадей, вдругъ закричали: „измѣна“ и схватили дѣда. Къ счастію, лошади заржали. Кучера съ тройками заѣхали въ переулочъ и въ тѣни, бросаемой отъ дома, при лунной ночи, стояли. Разбойники распрощались, пожелавъ хозяину жить—поживать, добра наживать и ихъ не забывать. „Что же вы не объявили письма сотскому, когда получили его; можетъ быть дали бы ночныхъ караульныхъ“?—Замѣтилъ кто-то дѣду.—„Конечно дали бы, но тогда гости не пожаловали бы; они обыкновенно посылали развѣдчика въ одеждѣ нищаго. Есть карауль,—ихъ нѣтъ, нѣтъ караула,—тутъ и нагрянуть. Не вѣкъ же караулу стоять при домѣ... Одну ночь покараулятъ — другую, а тамъ и перестанутъ.“ — Кто же это были разбойники? Мценскіе мѣщане — изъ тѣхъ, которые ѣздили закупать пеньку и коноплю.

Алексѣй Мироновичъ, этотъ великанъ и силачъ былъ кроткаго характера. Въ теченіе долгодѣтней жизни своей онъ ни съ кѣмъ не ссорился и не судился. Предъ помѣщикомъ или дворяниномъ онъ всегда стоялъ безъ шапки. Особенно трусилъ передъ своимъ священникомъ—*отцемъ Ефимомъ*. Этотъ священникъ корчилъ рожу помѣщика, и дѣйствительно былъ помѣщикомъ. Онъ не хотѣлъ жить на усадьбѣ церковной, а имѣлъ свою усадьбу и семь душъ крестьянъ. Бывало рассказывалъ отецъ мой,—явится крестьянинъ отца Ефима. Дѣдъ уже зналъ, что его требуетъ священникъ, и накинувъ кафтанъ и схвативъ подпояску и шапку, бѣжитъ опроретью, расчесываясь и подпоясываясь на пути.

Излишнее уваженіе къ старшимъ и робость погубили Алексѣя Мироновича. Желая пристроить 4-ю дочь *Марью*, онъ сдалъ свое мѣсто мужу ея, студенту философіи *Фирсу Харитоновичу*, а самъ остался за штатомъ и занимался хлѣбопашествомъ и мельницею. Но вотъ достигла совершеннолѣтія послѣдняя дочь его—красавица *Акулина*. Къ этому времени умираетъ отецъ Евфимъ, дьяконъ Фирсъ поступаетъ на его мѣсто, а дьяконское

мѣсто остается празднымъ. Бабка беретъ Акулину и пѣшкомъ идетъ съ нею въ Сѣвскъ—за 200 верстъ—просить у архіерея *Досифея* ¹⁾ жениха на дьяконское мѣсто. Она—ли живыми разказами о долгомъ пути и приключеніяхъ на немъ, или дочь ея своею красотою—такъ подѣйствовали на архіерея—старика, что онъ тотчасъ предоставилъ за дѣвицею мѣсто и освободилъ ее отъ хожденія по среднимъ классамъ семинаріи для вызова жениха, самъ указалъ его въ средѣ своихъ пѣвчихъ. Женихъ былъ артистъ, живописецъ и музыкантъ. На другой день онъ былъ повѣнчанъ съ Акулиною; а на третій—Акулина съ матерію должна была съ котомками на плечахъ отправиться въ путь. У нихъ не было средствъ дождать посвященія артиста въ дьяконы и окончанія имъ нѣкоторыхъ работъ по иконописанію. Но самъ архіерей распорядился, чтобы женщины не одни были въ дорогѣ, отпустивъ съ ними до срока общихъ распусковъ студента *Василія Лукича Персверзева*, сосѣда ихъ по родинѣ. Это было въ началѣ іюля. Въ августѣ возвратился и новопосвященный дьяконъ.

Успѣхъ бабки Татьяны Ивановны былъ принятъ дѣдомъ и родными съ восторгомъ. Дѣдъ купилъ усадьбу у дьячка и перестроилъ домъ заново. Усадьба и домъ были рядомъ съ усадьбою и домомъ, которые вмѣстѣ съ дьяконствомъ онъ передалъ *Фирсу*, теперь священнику. Дворъ, огородъ, токи съ овинами и конопляники отдѣлялись только межею.

Черезъ 9-ть мѣсяцевъ Акулина родила сына *Илью*. Дѣдъ и бабка, жившіе въ домѣ ея, были въ восторгѣ; но отецъ не хотѣлъ и взглянуть на ребенка. Еще въ Сѣвскѣ, провожая въ дорогу жеву и тещу, онъ изъ подлобья смотрѣлъ на спутника ихъ—студента *Василія Лукича*. Теперь открыто говорилъ, что ребенокъ прижитъ съ *Василіемъ Лукичемъ*—въ дорогѣ. Напрасно бабка увѣряла его, что дочь ея каждую ночь въ дорогѣ спала съ нею и спала отъ утомленія и молодости мертвецкимъ сномъ, что студентъ всегда спалъ отдѣльно,—ревнивецъ не хотѣлъ слушать.

Всякій, кто встрѣчался съ Акулиной, не могъ налюбоваться ею. Особенно находилъ удовольствіе видѣть и говорить съ нею сосѣдъ—священникъ *Фирсъ*, на глазахъ котораго она расцвѣтала. Онъ же обучилъ ее и всему, что самъ зналъ, кромѣ латыни.

¹⁾ Прессв. *Досифей Ильинъ*—былъ вторымъ архіереемъ самостоятельной Орловской и Сѣвской Епархіи—съ 1798 г. по 1817-й; а первымъ ея архіереемъ былъ *Антонъ Байбаковъ*—съ 1788 г. по 1798 г.—Л. М.

Дьяконъ сердился. Бабка запретила имъ даже видѣться. Но разъ Акулина вышла на огородъ. Вышелъ на огородъ свой и Фирсь. Фирсь издали сталъ нѣжно говорить съ нею, выражая участіе къ страданіямъ ея отъ ревности мужа. Но когда разговоръ принялъ игривый тонъ, вдругъ является мужъ Акулины. Фирсь имѣлъ неблагорозуміе прекратить разговоръ и удалиться въ свой дворъ. Этого было довольно для ревнивца. Онъ началъ пытать жену, употребляя всѣ орудія—веревки, кнутъ, пуки розогъ—и эту пытку производилъ не одинъ день. Отецъ и мать видѣли страданія дочери и, по обычаю того времени, считали себя не въ правѣ заступиться дѣятельнымъ образомъ, а только плакали и рыдали. Тиранъ требовалъ признанія и обѣщалъ не только прекратить истязанія, но и возвратить любовь. Что жъ? на третій день, избѣгая страданій, красавица, будучи невинной, признала себя виновною и наговорила на себя много небылицъ. Тиранъ прекратилъ истязанія, обнялъ жену и поцѣловалъ ее; но въ тотъ же день исчезъ изъ дому. Проходитъ недѣля, другая, какъ вдругъ прилетаетъ онъ на двухъ тройкахъ съ двумя бородачами—старобрядцами. Беретъ жену и имущество, а сына бросаетъ.—„Куда, куда ты ѣдешь, несчастный?“—говорили ему съ воплемъ и рыданіями. Сбѣжалась вся поповка. Всѣ плакали и задавали тотъ же вопросъ. Отвѣта не было. Тройки полетѣли и скрылись за противоположною горою, только звонъ колокольчиковъ долго слышанъ былъ издали. Бабка плакала съ причитаніями, а дѣдъ стоялъ молча, не двигаясь съ мѣста; неподвижные взоры его обращены были въ даль—по направленію дороги. Насталъ вечеръ, пришла ночь, а дѣдъ все не сходилъ съ мѣста. Только къ полночи втащили его въ домъ.

Фирсь репортовалъ о побѣгѣ дьякона благочинному, благочинный—въ мценское духовное правленіе, правленіе—архіерею. Это было въ 1822 году. Архіереемъ былъ *Гавріилъ Розановъ*—и уже жилъ въ Орлѣ ¹⁾. Бабка настояла, чтобы дѣдъ просить разрѣшенія служить за діакона до возраста брошеннаго ребенка.

Дѣдъ, со дня посвященія его—50 лѣтъ невидѣвшій архіерея, явился въ архіерейскій домъ, вмѣстѣ съ другими просителями. Въ корридорѣ сталъ на колѣни, держа просьбу на головѣ. Принявъ прошеніе и взглянувъ на содержаніе его, Гавріилъ вскри-

¹⁾ Преосв. *Гавріилъ Розановъ* правилъ Орловскою епархіею съ 1821 г. по 1828 г. Но кафедра ея перенесена изъ Сѣвска въ Орелъ еще въ 1819 г.—при предшественникѣ Гавріилѣ—преосв. *Іонѣ Павинскомъ*. (1817—1821 гг.).—Л. М.

чалъ: „Это ты, старый плутъ, проводилъ зятка въ старообрядческіе слободы? Въ цѣпь его!“ Засадилъ несчастнаго въ цѣпь. Долго ли онъ сидѣлъ въ цѣпи, неизвѣстно; но скоро замѣчено было, что онъ тронулся умомъ. Архіерей возвратилъ его къ моему отцу—съ тѣмъ сторожемъ, который вывелъ отъ него дѣда въ консисторію—для заключенія въ цѣпь.

Дѣдъ былъ только ипохондрикъ. Каждую ночь ходилъ по улицѣ, оберегалъ домъ нашъ—то отъ пожара, то отъ наѣзда разбойниковъ. Трудно было убѣдить его въ отсутствіи этихъ опасностей. На всѣ слова у него былъ одинъ отвѣтъ: *все возможно!*

Не задолго до этой болѣзни дѣдъ мой перенесъ тяжелое горе. Зять его, управляющій села Подчернева, крѣпостной чело-вѣкъ, тиранъ мужиковъ, при сборѣ подушнаго, муча ихъ розгами и обливая на морозѣ холодною водою, получилъ самъ *запой*, послѣ котораго находила на него тоска; какъ говорили тогда, ему *поддали* мужики, *испортили* его. Въ одинъ изъ припадковъ запоя, онъ повѣсился. Дѣти его должны были оставаться крѣпостными. Мой отецъ выкупилъ ихъ, уложивъ на то всѣ свои сбереженія.—Спустя пять лѣтъ послѣ того, какъ впалъ въ ипохондрію, Алексѣй Мироновичъ скончался на рукахъ моей матери и погребенъ въ с. Спасскомъ. Но бабка, потерявъ зрѣніе послѣ того, жила у Фирса—въ Подчерневомъ, и дожила до 90 лѣтъ. Она погребена въ Подчерневомъ.—

Мои предки по матери.

Дѣдъ автора по матери—дьячекъ г. Мценска *Василій Никифоровичъ Оболенскій* и его жена, бабушка автора, *Елена Васильевна*.—Какъ бабушка, овдовѣвши, выдала дочь свою *Евдокію* замужъ за *Ивана Алексѣевича Соколова* (отца автора „Воспоминаній“), сдѣлавшагося сначала дьячкомъ Никитской церкви г. Мценска, на мѣстѣ тестя, а потомъ посвященнаго во діакона къ Мценскому собору.—Своякъ Ивана Алексѣевича Соколова, діаконъ *Стефанъ Федоровичъ Троицкій*, утвердившійся въ домѣ тестя—при Никитской церкви—и его упражненія въ медицинской практикѣ.—Его суетворіе.—Жена его—тетка автора—*Пелагея* имѣла школу *грамотности* и сама была въ ней *мастерицей*. Ходъ занятій въ этой школѣ.—Уваженіе прихожанъ къ духовенству г. Мценска и доходы духовенства.—Дешевизна жизненныхъ продуктовъ.—Дороговизна строительныхъ матеріаловъ.—Домашній бытъ жителей г. Мценска.

Отецъ мой ничего не говорилъ о предкахъ матери моей—и мать ничего о нихъ не рассказывала. Но находясь цѣлое лѣто 1813 года въ г. Мценскѣ въ томъ домѣ, гдѣ родилась и воспитывалась моя мать, я слышалъ кой-что. Я даже засталъ въ жи-

выхъ ея мать, а мою бабушку—*Елену Васильевну*. Она ходила въ синемъ *хобенькѣ* на помочахъ, или сарафанѣ; на головѣ носила *повойникъ*, сверху надѣвала *шанечку*. Фамилія ея *Оболенская*; у ней была родная сестра, старушка; ее мы называли *бабушка Луша* (Лукерья). Рядомъ съ домомъ ея былъ домъ протоіерея Никитской церкви, и впоследствии—Мценскаго собора—тоже по фамиліи *Оболенскаго*.—Кто жъ была моя бабушка по матерѣ?—Гор. Мценска, Никитской церкви вдова, жена дьячка *Василія Никифоровича Оболенскаго*. Этотъ дѣдъ мой—*Василій Оболенскій* былъ по тому времени просвѣщенный человѣкъ. Но какъ двоеженецъ, остался на всегда дьячкомъ. Онъ имѣлъ при домѣ маслобойню, баню, садъ и огородъ. У него была своя барка или стругъ на рѣкѣ *Зушитъ*. По этой рѣкѣ, впадающей въ Оку, онъ отправлялъ масло и разнаго рода зерна въ Москву. Отецъ протоіерея Оболенскаго должно быть былъ младшій братъ моего дѣда, потому что дѣти протоіерея назывались троюродными въ отношеніи ко мнѣ.

Дѣдъ мой—Василій Никифоровичъ Об—ій умеръ въ 1798 г. Онъ успѣлъ образовать сына въ семинаріи и опредѣлить чиновникомъ въ Москву и онъ уже былъ надворнымъ совѣтникомъ: успѣлъ дѣдъ выдать двухъ дочерей: одну *Марью*—за магистратскаго чиновника, другую—*Лукерью* за мѣстнаго мѣщанина—кузнеца. По смерти его остались не пристроенными двѣ: *Евдокія*—19 л. и *Пелагея*—16-ти л. Бабушка, взявъ Евдокію, отправилась съ нею въ *Сытскъ*. Тогда, послѣ злого *Аполлоса*, только что поступилъ благостный архіерей *Досифей*. Просьба о предоставленіи за сиротою дьячковскаго мѣста была уважена. Евдокія, въ сопровожденіи матери, водима была по среднимъ классамъ семинаріи. Вызывались желающіе поступить въ дьячки къ Никитской церкви г. Мценска и жениться на сиротѣ. Въ классѣ *ниитики* никто не вызывался, въ классѣ *младшей риторики* тожъ; но когда введена была мать моя въ классъ *старшей риторики*, поднялъ руку отецъ мой—*Иванъ Алексѣевичъ Соколовъ*, сынъ Алексѣя Мироновича Горохова, дьякона села Подчернева, носившій фамилію не отца, а матери, по настоянію послѣдней. Алексѣй Мироновичъ не въ состояніи былъ содержать *Ивана* далѣе въ семинаріи, потому что въ тотъ годъ поступилъ въ училище другой его сынъ—*Никаноръ*. Немного дней нужно было, чтобы обвѣнчаться, получить стихарь и указъ. Немного дней нужно было, чтобы пріѣхать въ Мценскъ. Дьячекъ *Иванъ Соколовъ*, по совѣту жены и тещи, поспѣшилъ увѣдомить шурина—*Авванасія Васильевича Оболенскаго* о своемъ счастіи и поступленіи хозяиномъ въ домъ отца его.

Дьячекъ Соколовъ имѣлъ отличный почеркъ и выражался просто, но правильно и прилично. Аѳанасій Васильевичъ написалъ о совершенствахъ дьячка Ивана Соколова, какъ старшаго ритора, архіерею и можетъ быть, препроводилъ хорошее письмо его (т. е. *почеркъ*); просилъ не оставлять его на дьячковской должности. Архіерей вызвалъ дьячка указомъ, чтобы произвести его діакономъ куда-нибудь, а тутъ опростилось дьяконское мѣсто при Мценскомъ соборѣ. Соколовъ, къ удовольствію родныхъ, посвященъ во діакона къ собору. Соборъ отстоялъ отъ дому тещи болѣе чѣмъ на версту. Но черезъ годъ опросталось дьяконское мѣсто при Никитской церкви. Отецъ мой хотѣлъ перемѣститься къ этому мѣсту; но за голосъ, необыкновенно звучный и пріятный контрабасъ, изъ собора его не пустили. Мѣсто при Никитской церкви досталось, по ходатайству Аѳанасія Васильевича, *Пелагеѣ*. На ней женился студентъ философіи *Стенанъ Ѳеодоровичъ Троицкій*. Отецъ мой долженъ былъ оставить домъ тещи и черезъ годъ сталъ строить свой домъ недалеко отъ собора.

Въ 1813 г. бабушка Елена Васильевна была жива и здорова. Я тогда цѣлое лѣто жилъ въ ея домѣ, во Мценскѣ, или точнѣе—у послѣдняго зятя ея Стефана Ѳеодор. Троицкаго. Бабушка съ своею сестрою Лушею не опускала ни одного изъ церковныхъ богослуженій и рѣдко обѣдала дома. Стефанъ Ѳеодоровичъ въ запальчивости относился къ ней не совсѣмъ учтиво; разъ назвалъ ее *кривою сурою* (бабушка была слѣпа на одинъ глазъ), чѣмъ и привелъ въ слезы жену свою *Пелагею Васильевну*.—Домъ бабушки былъ ужепреобразованъ. Стефанъ Ѳеодоровичъ выстроилъ новый барскій домъ на улицу, новые ворота; выстроилъ новые конюшни и саран. Увеличилъ садъ, отгородивъ его отъ двора прекрасною рѣшеткою и обогативъ рѣдкихъ сортовъ яблоками и грушами. Устроилъ предъ домомъ цвѣтникъ, въ которомъ особенно нравились мнѣ *рожи—мальвин*.—Стефанъ Ѳеодоровичъ выдавалъ себя за медика. Позаимствовавъ отъ брата своего *Адріана Ѳеодоровича Троицкаго*, полкового медика, кой-какія свѣдѣнія объ аптекарскихъ лѣкарствахъ и полный невѣжда въ знаніи организма и обыкновенныхъ условій его жизни, онъ брался лечить всякую болѣзнь. Такъ—взялся онъ вылечить рану, бывшую у меня надъ лѣвымъ глазомъ и образовавшуюся вслѣдствіе золотухи. Рана гнила до того, что выпала маленькая косточка. Съ этою раню возился онъ цѣлое лѣто,—однако вылечилъ. Онъ ничего не дѣлалъ съ раню, кромѣ того, что закрывалъ пластыремъ; можетъ быть, тутъ помогла сила развивающагося организма.

Но онъ много повредилъ здоровью сыновей своихъ, давая имъ то слабительныя, то крѣпительныя—и они—бѣдные, особенно старшіе два, не долго жили; но дочери, производить опыты надъ которыми не позволяла жена, жили долго, и одна изъ нихъ жива была въ 1871 году. Не смотря на занятія свои медициною, Стефанъ Ѳедоровичъ, какъ теперь соображаю, былъ большой суевѣръ. Такъ, онъ досталъ у одного мужичка *приворотный порошокъ*. Опредѣляя старшаго сына своего *Ивана* въ семинарію, онъ старался помѣстить его въ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ—и для этого поручилъ ему разсыпать порошокъ при входѣ архіерея въ церковь. Не знаю, успѣлъ ли Иванъ это сдѣлать; но жизнь его въ пѣвческой не позволяла ему хорошо учиться и, когда онъ спалъ съ голоса, исключенъ былъ изъ семинаріи. Былъ дьякономъ; но не имѣя для того голоса, впалъ въ чахотку и черезъ годъ дьяконства своего умеръ.

Стефанъ Ѳедоровичъ удостоился въ своемъ великолѣпномъ домѣ принимать архіерея *Досифея*—и однако все оставался дьякономъ. Ему хотѣлось быть священникомъ не въ другомъ мѣстѣ, какъ въ городѣ, и дождался наконецъ кладбищенскаго мѣста. Онъ умеръ въ 30-хъ годахъ.

У Стефана Ѳедоровича, или правильнѣе—у тетки Пелагеи была *школа грамотности*, гдѣ учились читать, писать и цыфри. Учениковъ было отъ 30 до 40 душъ мужскаго пола; дѣвочекъ почему-то не было. Содержателями школъ были тогда всѣ дьякона и дьячки города. Такую же школу имѣла и мать моя, когда отецъ мой былъ при соборѣ, и тетка *Марья*, бывшая за магистратскимъ чиновникомъ. Школы тогда существовали безъ разрѣшенія и надзора начальства. Во всѣхъ школахъ была одна цѣна и одинъ порядокъ. За *азбуку* полагалось 1 р., за *Часословъ*—2 р., за *Псалтирь*—3 рубля, за письмо и цыфирь 4 р. Собирались ученики въ 7 часовъ утра, принося съ собою *запасъ* завтрака—хлѣбъ ржаной, пироги, лепешки, калачи. Въ 9 часовъ съ запасами завтрака каждый подходилъ къ *мастерицѣ*,—такъ обыкновенно называлась учительница. Мастерница отрѣзывала *пятую* часть себѣ, остальное возвращала ученику. Въ 10 или 11 часовъ ученики распускались на обѣдъ по домамъ. Въ 2 часа по полудни ученики опять собирались и опять съ *запасомъ полдника*; въ 6 и 7 часовъ оканчивалось ученіе. Куски отъ запасовъ завтрака и полдника сушились и дѣлали большую экономію въ домѣ.—Утромъ ученіе начиналось съ *зодовъ*; ученики читали все пройденное. Если кто прошелъ много или оканчивалъ книжку, мастерница дѣ-

лила зады его на двѣ—на три части. Всѣ читали вслухъ и громко. Но въ этомъ кагалѣ мастерица хорошо различала ошибки и поправляла. Она подмѣчала и исправляла ошибки и тогда, когда повидимому спала. За шалости, драки и упорную лѣнь наказывались не лишеніемъ мѣстъ или стояніемъ па колѣняхъ, а все — розгою, которая въ этомъ разѣ или ходила по плечамъ, или по голому тѣлу. Я помню тетку Полю, какъ она была молода и хороша собою, какъ она была добра и нѣжна,—но должна была работать и розгою. Бывало, мальчугана 10 или 11 лѣтъ выведетъ изъ за ученическаго стола, наклоняетъ голову его книзу, сжимаетъ ее между своими ногами и обпачивъ его задницу, сѣчетъ маленькимъ пучкомъ березовыхъ розогъ. Но не было того, чтобы она дѣлала эту операцію съ злостію, и не давала болѣе десяти ударовъ.—

Боже мой! въ какомъ уваженіи тогда было духовенство въ г. Мценскѣ! Стефанъ Ѳедоровичъ жаловался, что шляпа не вынашиваетъ двухъ мѣсяцевъ, чтобы не обломались крылья, и все отъ того, что ежеминутно приходилось снимать ее, отвѣчая прихожанамъ на поклоны. Не смотря на множество церквей (4) и штатовъ въ маленькомъ городѣ, каждый священникъ, каждый дьяконъ и дьячекъ имѣлъ свой домикъ съ садомъ и огородомъ и коровою, а иной имѣлъ у себя баню и лошадь. Какіе же у духовенства были источники доходовъ?— Копѣйки и гроши *проскомидійные*, копѣйки и денежки *подкатильные*. Въ то время въ деревняхъ за крестины брали 10 копѣекъ, за молебенъ 15 к., за погребеніе малаго 10 к., большаго—50 к., свадьбу 2 рубля. Положимъ, что въ городѣ жертвовали при этихъ требахъ вдвое. Но въдь этихъ требъ немного въ малыхъ приходахъ; а въ Мценскѣ не было большихъ. Стало быть, главнѣйшимъ источникомъ служилъ копѣечный сборъ при хожденіи народа и при проскомидіи. Священникъ получалъ въ годъ всего 300 руб., дьяконъ—половину того, дьячекъ четверть. Но при тогдашней дешевизнѣ придовольствіи и изъ этихъ денегъ уэкономливали на постройку дома; платья и содержаніе дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, какіе тогда были цѣны на продовольствіе?— Я былъ 9-ти лѣтъ, но изъ разговоровъ окружающихъ понималъ цѣну многихъ предметовъ продовольствія. Такъ, мясо платилось отъ 1½ до 2 коп. фунтъ; сало свиное — 6 коп. фунтъ. Мука ржаная 20 коп. за пудъ; пшеничная — 50 к., крупчатая — 1 рубль — 1 р. 20 к., мѣрка крупъ — 40 к., овса — 10 к. мѣрка; сѣно — 1½ р. возъ. Но масло коровье и конопляное были очень дороги: коровье — 30 к. фунтъ; конопляное — штофъ 1 р. — Одежда тогда была очень дорога: узкій ситецъ 40 к.,

демиткудонъ — 50 к.; шелковыя матеріи — 4 и 5 р. аршинъ; платки шелковые на голову — 10 и 15 р.; штофная юбка обходилась 50 р.; парчевая — 60 и 80 р., бывали золотой парчи душегрѣйки въ 100 и 150 руб.; флѣровыя рукава обходились въ 5 р.; кисейная рубашка до половины ея состава — 5 и 6 р. Что стоили *сборники* и *кокошники* на голову, — не замѣтилъ; но эти головные наряды дорого стоили. Сборники были штофные и парчевые разнаго цвѣта; кокошники же всегда изъ бѣлой шелковой матеріи. — Башмаки женскіе бывали или шелковые, шитые золотомъ, или парчевые и штофные. Они были безъ задниковъ на высокихъ каблукахъ. Нога скатывалась въ головку, оттого головка башмака удерживалась на пальцахъ, а задняя часть башмака при каждомъ шагѣ отставала отъ пятки и ударяла въ нее, такъ что отъ каждыхъ двухъ шаговъ слышались четыре стука. Было тогда особое искусство ходить въ нихъ и при тихой ходьбѣ производить дробь. Только *такую* обувь называли *башмаками*, а пынѣшніе башмаки называли *черевиками*. —

Строя деревянный домъ въ г. Мценскѣ въ 1803 г., отецъ мой записывалъ тогда же цѣны на матеріалы и работу. Удивительно, какъ велики были тогда цѣны на тотъ и другой предметъ! Вотъ выписка изъ его тетради. Домъ былъ 6 саж. въ ширину и 7 саж. въ длину. Фундаментъ былъ каменный; первый *вѣнецъ* строился изъ дубоваго лѣсу; прочее до потолка изъ еловаго. На первый вѣнецъ пошло дубоваго лѣсу на 16 руб. 20 к. Бревна еловаго лѣсу платились 1 р. 10 к. За 50 *достокъ* заплочено было 35 р. Сотня *тесницъ* стоила 28 р. *Лѣсная* отстояла отъ мѣста постройки на 200 сажень, и за перевозку дубоваго лѣсу на 16 р., 60 бревень еловыхъ, 50 достокъ и 200 тесницъ взято было 4 р. 50 к. За два воза моху заплочено 7 р. Скласть фундаментъ — взято за работу 7 р. 50 к., гвозди двутесные платились по 6 р. 50 к. тысяча. 15 кастылей — 45 коп., сотня гвоздей однотесныхъ — 40 коп., шеколда — 40 к., петля — 20 к. 14 петель на ставни стоили 3 р. 80 к., вьюшка съ приборомъ — 1 р., петли на двери и большіе гвозди — все это, вѣсившее 1 пудъ 22 ф., куплено за 6 р., петли на ворота и калитку стоили 7 р., — За постройку только дома плотники взяли 115 р.; а работали вдвоемъ съ 15 іюня по 3 сентября. —

И жилъ еще будучи 8 лѣтъ въ г. Мценскѣ у тетки *Марьи*, бывшей замужемъ за магистратскимъ чиновникомъ. Домъ ихъ находился недалеко отъ рѣки Зуши и мельницы *Боборыкина* о 20-ти жерновахъ. Сзади огорода находился уже выгонъ, на которомъ работали канаты. Улицы въ этихъ кварталахъ покрыты

были зеленою травкою; но ненавистные солдаты полицейскіе, особенно предъ проѣздомъ губернатора, или другого важнаго лица, требовали, чтобы муравку скапывали — казалось для того, чтобы была пыль больше. Но тутъ же недалеко отъ дома, на берегу рѣки былъ *смѣтникъ* всего города и кучи навоза, которыя я засталъ и въ 1870 г.?.. О, какъ любилъ я ходить по этому смѣтнику и собирать черепки поливленной посуды и другія бездѣлушки! Зачѣмъ я жилъ у тетки? Учиться въ школѣ, которую она держала? Тамъ я не учился.

Въ Мценскѣ тогда не было музыки, не пѣли пѣсенъ, а только *псалмы* — и то при пирушкахъ. На музыку смотрѣли какъ на скоморошество. Танцевъ и плясокъ не позволялось даже на свадьбѣ. Вѣнчались всегда послѣ обѣдни. Жениха и невѣсту велъ священникъ въ ризахъ со крестомъ до самаго дома. Здѣсь начинался обѣдъ самый чинный. Молодые обѣдали за особымъ столикомъ. Гости расходились въ полдень. Оставались однѣ свахи и дружки. Только на другой день молодые садились за обѣдъ вмѣстѣ съ гостями и за этимъ обѣдомъ пѣлись псалмы. — Предъ свадьбой былъ *сговоръ, рукобитье и дѣвишникъ*, продолжавшіеся недѣлю и двѣ. Дѣвицы обшивали невѣсту, приглашали опытныхъ женщинъ — закройщицъ. На этихъ дѣвишникахъ пѣлись и пѣсни — особенно вечеромъ, когда приходили и молодые мужчины. Этими пѣснями величали не только жениха и невѣсту, но часто и посѣтителей, если узнавали кого, потому что каждый изъ нихъ былъ въ шляпѣ, изъ подъ которой свѣшивался платокъ и закрывалъ лицо. Послѣ провѣщанія (*sic*) посѣтителя одна изъ дѣвицъ выходила изъ-за стола, за которымъ шили, подносила ему тарелку, на которой онъ клалъ деньги. Кому изъ посѣтителей нравилась какаѣ дѣвица, онъ обыкновенно стоявшую на столѣ свѣчу переставлялъ и ставилъ противъ избранной и это считалось честью и выборомъ въ невѣсты. Между посѣтителями возникали ссоры, но не прежде окончанія вечера и внѣ дома — на улицѣ, гдѣ выхватывали скрытые подъ платьемъ кнстени. Часто бывали и смертоубійства. — Какъ ни тупъ я былъ на ученъе, но псалмы и величальныя пѣсни врѣзались въ мою память. Вотъ часто употреблявшіеся псалмы: „О, кто—кто Николая любитъ“; — 2) „Здѣсь ваи отъ финика, по нимъ грядетъ владыка, владыка, владыка“ и проч.; 3) „Кому повѣмъ печаль тою, кого призову ко рыданію“ — Плачъ Іосифа прекраснаго; 4) „Ужаснися, человекѣ“, гдѣ упоминается царь Сарденапаль; 5) „О, горе мнѣ, грѣшнику сущу“. — А вотъ *величальныя пѣсни*: 1) „Ты ль зоря моя, зорюшка, зорюшка вечерняя.

Высоко звѣзда возшла, далеко посвѣтила, черезъ лѣсъ, черезъ горы, черезъ синее море“ — и проч. — 2) „Груша, яблонь садовая, кора золотая, тамъ шла-прошла красна дѣвица Прасковья Андреевна, или Анна Николаевна“. — Псалмы теперь затерялись въ среднихъ губерніяхъ, но сохранились въ Подоліи и другихъ западныхъ губерніяхъ, — некому собрать ихъ... — Во Мценскѣ купцы съ сѣдою бороною пускали бумажные змѣи съ трещетками, сидя у окна, держа змѣя за конецъ нитки. Во тоже время отправляли по ниткѣ почту, т. е. кружочекъ изъ бумаги. По дворамъ стараются перехватить нить, на которой летаетъ змѣй, перебрасывая чрезъ нее другую нить съ камешкомъ, чтобы завладѣть нитками. Если оборвется нить, тогда старъ и малъ бѣжитъ на улицу, хватаетъ нитки какъ какое-либо сокровище. Иногда самъ хозяинъ выпускаетъ изъ рукъ нить, чтобъ потѣшиться суматохою на сосѣднихъ кварталахъ, а иногда и дракою....

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.¹⁾

Жизнь моего отца—Іоанна Алексѣевича Горохова-Соколова.

Выдержки изъ дневника о. Іоанна, заключающія авто-біографическія свѣдѣнія. — Доходы его въ Мценскомъ соборѣ. — Перемѣщеніе его на должность священника въ с. Спасское. — Постройка здѣсь новаго дома. Доходы о. Іоанна — отъ церковной земли и отъ церковныхъ службъ. — Событія 1812 года. — Дьячокъ *Матвій Васильевичъ Поповъ*, его болѣзнь и дурной нравъ. — Выдача замужъ дочери *Анастасіи*. — Впечатлѣнія отъ нашествія французовъ. — Приѣздъ въ с. Спасское его помѣщиковъ, братьевъ *Евграфъ* и *Александра Гриневыхъ*. Ихъ характеристика. — Постройка новой каменной церкви помѣщиками и ея неудача. — Моръ и голодъ въ 1813 году. — Начало падучей болѣзни у о. Іоанна. — Пономарь *Акимъ Петровичъ* и его большой авторитетъ въ приходѣ. — Бѣсноватыя и кликуши въ с. Спасскомъ. — Выдача замужъ другой дочери — *Екатерины*. — Братъ о. Іоанна — *Никаноръ Алексѣевичъ*. — Бурмистръ *Іванъ Дементьевичъ*. — Прикащикъ *Николай Павловичъ Черкасовъ* — и сестра его *Пелагея Павловна*. — Смерть матери автора — *Авдотьи Васильевны*. — О. Іоаннъ уступаетъ свой приходъ младшей дочери своей *Варварѣ*, вышедшей замужъ за священника *Оранжева*, — а самъ выходитъ въ отставку и ведетъ подвижническую жизнь. — Священникъ *Оранжевъ* изъявляетъ согласіе быть миссіонеромъ въ Алеутской Епархіи. — Трагическая смерть жены его *Варвары Ивановны*. — Самоотверженіе *Пелагеи Павловны Черкасовой*. — Приѣздъ о. Іоанна Соколова въ Одессу — къ сыну — и кончина его здѣсь. —

Составляя замѣтки въ тетради, переплетенной въ холстъ, отецъ мой мало въ нихъ говоритъ о себѣ. Вотъ только что замѣтилъ онъ о жизни своей и поступленіи на должность.

„1792 г., ноября 30 дня — я, будучи 10 лѣтъ, записанъ въ семинарію въ г. Орлѣ, гдѣ продолжалъ ученіе до пѣтики. Въ 1797 г. въ октябрѣ перевели въ классъ риторикіи — въ г. Сѣвскъ.

¹⁾ См. Кіевск. Стар., № 1

1799 г. іюня 3 дня я вступилъ въ бракъ—г. Мценска Мироносицкой (Никитской тожъ) церкви умершаго дьячка Василя Никифоровича съ дочерію Евдокією. Авг. 6-го того же года произведенъ во дьячка къ Мироносицкой церкви; 18-го числа того же мѣсяца вступилъ въ должность.—Въ томъ же году 8 ноября указомъ потребованъ къ преосвященному *Досіею*. Досіеѣй приказалъ подать прошеніе на діаконское мѣсто къ Мценскому собору, и я тогда же произведенъ былъ во діакона, вступилъ въ должность 24 декабря; но грамота выслана мнѣ 1800 года января 4 дня. На этой должности и нынѣ нахожусь.“ — „3 года и 3 мѣсяца служилъ дьякономъ въ Соборѣ одинъ. 1803 года марта 28 прибылъ дьяконъ другой; а 1807 года августа въ 30 день произведенъ я во священника въ село *Спасское*, гдѣ и нынѣ нахожусь“.—

Я уже говорилъ выше, по чьему ходатайству Досіеѣй вызвалъ къ себѣ отца моего и далъ ему мѣсто при соборѣ. Необъяснимымъ остается, откуда отецъ мой могъ взять средства чрезъ три года построить домъ, стоившій, по его вычисленію, до 700 р. Доходъ, получавшійся съ мѣста соборнаго діакона, по замѣткамъ его въ памятной книжкѣ, былъ обыкновенный. Въ 1800 г. онъ получилъ 150 р.; въ 1801 г. — 192 р.; въ 1802 г. — 211 р.; въ 1803 г. — 214 р.; въ 1804 г. — 194 р.; въ 1805 г. — 192 р.; въ 1806 г. — 190 р.—Вѣроятно, покойный тестъ оставилъ приданое, или Степанъ Ѳедоровичъ, поселившись въ домѣ тестя на мѣсто моего отца, что-нибудь сплотилъ ему. Развѣ школа, которую держала мать моя, приносила значительный доходъ. А у ней, какъ впослѣдствіи говорила она, постоянно бывало около 40 человѣкъ учениковъ.

Отецъ, мой, какъ рассказывали мнѣ, любимъ былъ гражданами. Протоіерей собора *Дмитрій Алексѣевичъ Алексѣевъ* дорожилъ имъ, какъ хорошимъ писцемъ и, какъ рассказывалъ отецъ, слишкомъ обременялъ его писаніемъ какъ по церкви, такъ особенно по духовному правленію. Едва чрезъ 7-мъ лѣтъ позволилъ ему проситься во священника. Во время нахождения отца при соборѣ—въ 1800 г. родилась у него дочь *Настасья*; въ 1802 г. — другая дочь—*Екатерина*; въ 1805 году февраля 12-го въ полночь родился я.

Въ село *Спасское* въ 25 верстахъ отъ Мценска по дорогѣ въ Орелъ—отецъ мой поступилъ на мѣсто священника, уволившагося по преклонности лѣтъ за штатъ. Долженъ былъ помѣститься съ нимъ въ одномъ домѣ. Съ священникомъ жилъ

сынъ 40 лѣтъ, мѣщанинъ, и дочь 30 лѣтъ. Домъ ихъ ничѣмъ не отличался отъ поселянскихъ. Это была изба, впрочемъ не курная,—съ сѣнными и небольшою холодною клѣткою, окруженная сараями. Отецъ мой спѣшилъ построить черезъ дорогу въ концѣ коноплянника и огорода свой домъ; но для того нужно было продать тотъ, который оставался во Мценскѣ. Покупщиковъ было много; стоялъ онъ не на церковной усадьбѣ; но нужно было въ тогдaшнее время испрашивать разрѣшенія на то у архіерея. Два раза подавалъ онъ прошеніе въ 1808 г., но не получилъ разрѣшенія. Наконецъ въ 1809 г. вышло это разрѣшеніе. „1809 г. мая 2, домъ въ г. Мценскѣ продалъ я за 500 р., а въ селѣ Спасскомъ выстроилъ въ томъ же саду другой и перешелъ въ него 23 сентября того же года“—замѣчено въ памятной книжкѣ. Домъ былъ построенъ окнами на улицу. Это была изба и горница, раздѣленная сѣнными безъ потолка и съ крыльцомъ на улицу. Изба и горница были по три сажени въ длину, сѣни — 2 саж. Потолокъ въ горницѣ доставаемъ былъ рукою возрастнаго. Въ горницѣ было 2 окна на улицу и 2 во дворъ. Въ избѣ—одно на улицу и одно во дворъ. Внутренность горницы раздѣлялась вдоль на двѣ неровныя части печью, почему-то называвшеюся *голландскою*, и достаточно глухою перегородкою—съ дверью. Въ малой половинѣ за перегородкою помѣщалась кровать большая и лежанка печки. Въ большой половинѣ помѣщались въ углу столъ въ аршинъ съ четвертью ширины и въ два аршина длины. Между 2-мя окнами на улицу висѣло небольшое зеркало; по стѣнамъ—кожаныя стулья. Въ сѣняхъ былъ чуланъ или кладовая и дверь на дворъ.—Въ избѣ, какъ и у всякаго поселянина того села, отъ входа направо—*коникъ* и лавка, къ нимъ прилегалъ дубовый столъ; передъ столомъ—скамья; на лѣвой—верхній коникъ, подиолъ, надъ нимъ палати. Далѣе—чаристая большая печь. Вотъ фасадъ дома ¹⁾.

Священникъ заштатный скоро померъ. Домъ его проданъ на сломъ; дѣти выселились въ городъ. Новопостроенный домъ еще не высохъ, какъ родители мои заняли его. Отецъ и мать болѣли—первый въ ноябрѣ, послѣдняя въ мартѣ 1810 г.; сестра страдала зубами. Только я и сестра Екатерина не болѣли.

¹⁾ Въ подлинной рукописи слѣдуетъ дальше рисунокъ ново-построеннаго дома въ с. Спасскомъ.—Л. М.

Деньги, какія получены за Мценскій домъ, изъ которыхъ только малая часть употреблена на деревенскій, скоро прошли между руками. 200 р. отецъ употребилъ на выкупъ изъ крѣпостнаго состоянія дѣтей своей сестры, мужъ которой удавился; а 200 р. далъ взаймы одному мелкому помѣщику *Осипу Петровичу*. Эти деньги хотя и возвращены были, но—по новому курсу. Пятирублевая ассигнація прежде стоила 5 серебряныхъ рублей; но послѣ 1812 года ходила за 1 р. 25 коп. серебромъ.

Отецъ мой купилъ дорогихъ лошадей, но ихъ украли въ тотъ же мѣсяцъ. Съ тѣхъ поръ онъ держалъ самыхъ дешевыхъ лошадей и обрабатывалъ ими землю. Подцерковной земли числилось 49 десятинъ, въ томъ числѣ было много лѣсу. Вокругъ церкви росла сотня—другая старыхъ березъ. Далѣе—чрезъ двѣ десятины начиналась *ярушка* сначала березнякомъ, потомъ тянулся дубовый лѣсъ, далѣе орѣшникъ, и затѣмъ она развѣтвлялась на два луга съ лѣсными пригорками. Такая земля, такой лѣсъ у другого послужилъ бы источникомъ большаго хозяйства; но отецъ мой, избалованный 8-лѣтнею городскою жизнію, не былъ расположенъ къ расширенію хозяйства. Часть земли и часть сѣнокоса онъ отдавалъ въ наемъ. Замѣчательно, земля тогда еще нанималась дорого, 8 и 10 рубл. десятина. Можетъ быть не было и досуга отцу самому обрабатывать всю землю: приходъ былъ большой и, пока не вымерли люди въ 1813 году, многолюдный. Исправленіе требъ давало ему обезпеченіе. Вотъ его доходы съ прихода и церкви, по памятной книжкѣ:

„Въ 1808 г. въ 1-ю недѣлю Велик. поста получилъ 8 р.; во 2-ю, 3-ю, 4 и 5-ю—по 4 р.; всего 24 рубля. За Страстную, Святую и родительскую—40 р.

1809 г. За страстную, святую и проводы вмѣстѣ и за постъ—50 р.—Сверхъ того—на святой недѣлѣ 2 мѣшка ржи и 2 мѣшка гречихи; къ Благовѣщенію на просфоры 7 осьминъ муки.—

Въ 1809-мъ же году за молитву предъ Рождествомъ, въ рождественскую и крещенскую недѣли—15 р.; за свадьбы—10 р.; еще за свадьбы—15 р.

Въ 1816 г. всего деньгами получено 200 р.“

Полагая, что отецъ мой въ предшествующіе года получалъ съ прихода по 200 р. деньгами, не считая хлѣба,—онъ тратилъ больше. Такъ подъ 1810-мъ годомъ у него записано расхода на 240 р.

Замѣчательны слѣдующія статьи прихода и расхода въ 1815 г. Конопля продавалась за 20 р. четверть.— Въ 1817 г.—16 р.

четверть—и ея продано на 120 р.; вмѣстѣ съ тѣмъ продано овса и гречихи на 34 р. Продавалась рожь и пенька,—только отецъ не отмѣчалъ цѣны. Только цѣна вина или водки и сапогъ показывалась ясно. Такъ, ведро вина стоило 6 р.—Сапоги 5 р. 50 к.

Надобно полагать, что отецъ мой отъ экономіи своей получалъ 200 р., да съ прихода на 200 р. Въ то время это были большія деньги, особенно для сельскаго священника, у котораго, кромѣ водки, дегтя и верхняго платья, все было не купленное. Кромѣ истраченныхъ моею матерью на наряды въ Мценскѣ 28 р. и отцемъ 10 р. въ Орлѣ, „еще дано матери въ Коренную ярмонку 50 р.“ (ужь, конечно, на наряды), замѣчено въ памятной книжкѣ.

О событіяхъ 1812 года одна замѣтка отца моего: „получено извѣстіе: 8 сентября Москва занята французами.“—Въ 1813 г. былъ такой моръ, что изъ числа 120 дворовъ села Спасскаго 4 вовсе запустили. Въ томъ же году поступилъ въ Спасское дьячкомъ *Матвей Васильевичъ Поповъ*—18 лѣтъ. Отецъ помѣстилъ его въ своемъ семействѣ. Но скоро онъ оказался зараженнымъ *французскою* болѣзнію, какъ тогда называли *сифилисъ*. Объ этомъ узнали уже тогда, когда заразились отъ него всѣ дѣти семейства, двѣ сестры и я. Признаками этой болѣзни являлись на языкѣ бѣлыя пятна. Дьячекъ отпавленъ былъ куда-то на излечѣніе, а насъ лѣчили дома. Чѣмъ же лѣчили? Мы пили *декохтъ*, не ѣли ничего, кромѣ прѣсныхъ лепешекъ, держались въ теплѣ; сверхъ того употребляли во внутрь купоросное масло, разведенное водою, поль-рюмки, и чѣмъ-то еще насъ окуривали. При употребленіи послѣдняго способа сажали больного надъ раскаленными угольями въ горшкѣ, бросали въ него такой порошокъ, который горѣлъ зеленымъ огнемъ, затѣмъ окутывали одѣялами. Всѣ мы освободились такимъ образомъ отъ страшной болѣзни. Освободился отъ нея и дьячекъ. Отецъ говорилъ, будто болѣзнь занесена въ село проходившими черезъ него войсками. Мать утверждала, будто дьячекъ съ нею и поступилъ въ нашу семью. Не смотря на это, мой дѣдъ и бабка заинтересовались дьячкомъ и выдали за него предпослѣднюю свою дочь *Татьяну*. Она была бѣлокурая—съ большими глазами, личико ея было овальное. Да, это было въ 1809, или въ 1810 году, когда мнѣ было 5 лѣтъ. Послѣ того какъ женихъ и невѣста обвѣнчались и сидѣли въ малой половинѣ горницы на кровати

моихъ родителей, я все подбѣгалъ къ невѣстѣ и цѣловалъ руки ея, и когда женихъ вышелъ куда-то, я вскочилъ на постель, обнялъ ее и цѣловалъ въ шею, въ щеки и зубы.—Отецъ мой построилъ имъ домъ; но скоро изъ этой ненаглядной красавицы остался одинъ скелетъ, покрытый блѣдною кожею. Она часто прибѣгала къ намъ и пряталась отъ побоевъ мужа. *Матвій* возненавидѣлъ ее за то, будто, какъ ему объяснили люди, что отецъ мой для того и держалъ его при своемъ домѣ, чтобы навязать ему свою сестру. Несчастливая, забитая и замученная до чахотки. чрезъ 2 года умерла. Дьячокъ женился на другой, лицомъ пыганкѣ, и жилъ съ нею лучше. Но все остался звѣремъ, особенно въ пьяномъ видѣ.

Отецъ мой, по кротости и трусости характера, терпѣлъ дьячка-негодая даже послѣ того, какъ онъ едва не убилъ его. Однажды отецъ и мать мои были на храмовомъ праздникѣ въ селѣ *Сычевомъ*, въ 12 верстахъ отъ с. Спасскаго. Послѣ обѣда гости вышли на улицу. Тутъ дьякона начали выказывать силу свою. Явился дьячокъ *Матвій*, гостившій у мѣстнаго дьячка; схвативши отца моего сзади въ охабку, ударилъ его объ-земь. Отецъ мой 3 или 4 минуты лежалъ мертвый. Дьячекъ извинялся ненамѣренностію и желаніемъ пошутить. Вскорѣ послѣ этого открылась у отца на груди рана, съ которой онъ возился лѣтъ нѣсколько. Этого ли случая послѣдствіемъ была рана, или другого, о которомъ скажу при описаніи моей собственной жизни,—но замѣчательно: когда закрылась на груди рана, отецъ сталъ подверженъ нервной падучей болѣзни, которая вызвана была питьемъ воды въ разгоряченномъ состояніи.—Дьячекъ *Матвій* женился и на *третьей*, кажется—вдовѣ; подъ старость ослѣпъ и умеръ недавно 77 лѣтъ. Въ 1870 г., когда я заглянулъ въ Спасское, я нашелъ дочь его отъ второй жены за пьяницею—сапожникомъ и подалъ ей милостыню.

Отецъ и мать испытали на вѣку своемъ счастье видѣть первую дочь *Анастасію* хорошо пристроенною и жить съ нею вмѣстѣ. У священника села *Сычева* былъ внукъ, бѣлокурый красавецъ 19 лѣтъ—*Поликарпъ Сильвестровичъ Сильвестровъ*, жившій при дѣдѣ дьячкомъ. Онъ женился на Анастасіи и скоро поступилъ въ Спасское дьячкомъ. Производство его стоило 200 руб. По прошествіи 5 лѣтъ, дѣдъ сдалъ ему свое мѣсто. Производство обошлось въ 700 р. Все это было при Гавріилѣ епископѣ. Сестра моя Анастасія не долго жила: послѣ родовъ простудилась и умерла, оставивъ двухъ мальчиковъ и дѣвочку. Поликарпъ

всѣхъ воспитать и пристроилъ. Онъ еще живъ; въ 'сентябрѣ въ 1876 г. онъ жилъ у младшаго сына—священника; во время пожара едва спасенъ былъ людьми,—лицо его сильно обгорѣло. Долго ли проживетъ онъ? Ему уже 78 лѣтъ.

1812-й годъ отецъ мой провелъ безъ страха; однако приготовился оставить домъ. Онъ не зналъ географіи, но зналъ французовъ изъ прежнихъ манифестовъ, которые не разъ читалъ въ Мценскомъ соборѣ. Мать безпрестанно плакала; мы, маленькіе, боялись темной комнаты, пугая другъ друга французомъ. Тогда по церквямъ читали манифестъ или, можетъ быть, указы синода, въ которыхъ Бонапарте именовался *Антихристомъ*. На молебнахъ пѣли жалобнымъ тономъ: *Господи, покори враги подъ ноги наша!* Эта пѣснь особенно наводила на всѣхъ уныніе. Прежде наша деревня почему-то не видѣла войска, хотя отъ большой дороги находилась въ 9 верстахъ; а теперь и конные, и пѣшіе часто останавливались въ Спасскомъ, и начальники всегда квартировали у моего отца. Отецъ угощалъ ихъ, чѣмъ только могъ, и отъ нихъ узнавалъ новости войны. Отецъ мой часто повторялъ фамиліи вождей: *Барклай-де-Толли, Багратионъ, Кутузовъ*. Село каждую недѣлю съ плачемъ и причитаньями провожало своихъ ратниковъ—съ 25-ти одного и сверхъ того наряженныхъ подъ сухари. Тогда вся деревня занята была печеніемъ сухарей изъ 'своего хлѣба и на своихъ подводахъ отправляла ихъ къ войску. Мать видѣла во снѣ, что солнце превратилось въ мѣсяцъ. Сонъ объяснился тѣмъ, что черезъ три дня получено извѣстіе о взятіи Москвы. За двѣ недѣли передъ этимъ въ село наше переходили помѣщики его изъ Дорогобура. Сперва вступила въ село стая собакъ въ 50 штукъ борзыхъ собакъ съ охотниками на лошадахъ. Потомъ прибылъ баринъ *Евграфъ Ивановичъ Гриневъ* и братъ его *Александръ Ивановичъ*. Первый былъ чиномъ штыкьюнкеръ, другой—портупей-прапорщикъ. Оба старики и не женатые. Ихъ имѣнія (четыре села) достались по наслѣдству *Теленеву*, тогда молодому человѣку. Младшій Гриневъ скоро оставилъ наше село, а Евграфъ Ивановичъ долгонько жилъ въ Спасскомъ. Онъ полюбилъ отца моего и далъ приказъ отпускать отцу соломы, половы и березы на лучину, сколько понадобится. По воскресеньямъ бывалъ въ церкви; послѣ обѣдни приглашалъ отца къ обѣду. У него было огромное пузо. У него былъ камердинеръ *Терентій Михайловичъ*—одинъ съ нимъ лѣтъ и почти съ такимъ же пузомъ, также—неженатый. Эту разряженную особу, которую такъ уважали, Евграфъ Ивановичъ кликалъ: *Тереника!*...

Отецъ иногда бралъ на обѣдъ меня. Я со страхомъ смотрѣлъ на барина, и когда онъ крикнулъ: *Терешка!*, а явился на зовъ Терентій Михайловичъ, я сталъ смотрѣть на вельможу съ благоговѣйнымъ ужасомъ, тѣмъ болѣе, что Терентія Михайловича принимали въ нашемъ домѣ съ уваженіемъ.—Баринъ ни разу не былъ въ домѣ отца, но за то отецъ съ удовольствіемъ и уваженіемъ принималъ людей его. Молодые изъ нихъ, прекрасно одѣтые, мяѣ и сестрамъ моимъ казались людьми просвѣщенными и образованными; они многое разясняли нашимъ родителямъ, которые съ удовольствіемъ слушали ихъ.—Терентій Михайловичъ, во время посѣщенія своего, рассказывалъ о богатствѣ, характерѣ и жизни своихъ господъ. По его рассказамъ, Гриневы имѣли одну деревню—*Спасское*, гдѣ они родились и гдѣ погребены родители ихъ. Но три другія деревни будто-бы выиграли они въ карты и послѣ, уволенные изъ службы, въ руки не брали картъ. Имѣли огромную псарню, хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ, свой театръ. Дворни у нихъ было до 200 человѣкъ съ псарями, охотниками, кучерами, птичниками. Не довольствуясь этими людьми, по большимъ праздникамъ собирали бабъ и мужиковъ со всего села на барскій дворъ, выкатывали бочку вина и заставляли играть и веселиться, какъ умѣли. Зиму проживали въ Москвѣ.

Отецъ мой склонилъ Евграфа Ивановича построить вмѣсто деревянной каменную церковь. Начали строить огромную 3-хъ престольную церковь. Крѣпостные его архитекторы составили планъ и фасадъ. Это былъ 4-хъ-угольный сарай съ куполомъ на 4-хъ колоннахъ. Въ 1817 г. она была вчернѣ почти окончена. Рабочіе сошли съ постройки, два человѣка были на половинѣ купола, а 8 человѣкъ—на самомъ верху забивали, какъ говорили, *замокъ*. Вдругъ куполъ падаетъ, разсыпается и распираетъ стѣны. Страшный и глухой громъ и столбъ пыли возвѣстили селу паденіе церкви... два человѣка задавлены, восемь человѣкъ разбились, но остались живы; ихъ высвободили изъ-подъ лѣсовъ и камней.—Это было въ Августѣ. Въ 1818 г. вновь началась строиться церковь—по тому же плану и фасаду, только подъ надзоромъ техника. Сколько прежде богачъ былъ щедръ, столько потомъ сталъ скупъ. Колокольня построена уже была ниже церкви. Богачъ померъ,—братъ его приказалъ отдѣлывать внутренность церкви; но какъ онъ наслушался Волтеріанскихъ мыслей, то иконостасъ пришлось додѣлывать отцу моему, и ему много было хлопотъ.

Въ 1813 г. былъ въ селѣ, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ, близкихъ къ театру минувшей войны, моръ: изъ 120 дворовъ четыре двора опустѣли. Во всемъ селѣ померло болѣе 200 душъ. Отцу не давали покоя ни днемъ, ни ночью, и я помню, какъ въ теченіи одной ночи его три раза поднимали съ постели причащать умирающихъ. Но въ нашемъ домѣ, хотя и была горячка, но никто не померъ. Теперь объясняется причина мороваго повѣтрія: тѣла на поляхъ сраженій оставались долго неубранными, особенно на полѣ Бородинскомъ и Тарутинскомъ, а весною кучи французовъ, погребенныхъ въ снѣгу—на пути отступленія, долго тлѣли непогребенными.

Весною 1813 года горожане испытали голодъ. Рожь была 12 р. четверть, овесъ—9 р.—Въ 1818 г. былъ повсемѣстный голодъ. Во Мценскѣ рожь продавалась 16 р. четверть, мука—2 р. пудъ, гречиха—10 р. четверть... Въ с. Спасскомъ пекли хлѣбъ съ лебедю и съ половиной. Мужички охотно и такой хлѣбъ ѣли, только жаловались, что „на малыхъ и большихъ напущень *льдуны*: сколько ни ѣшь, все хочется ѣсть“.—Въ 1821 г. была рожь въ одно время 21 р. четверть. По моимъ теперешнимъ соображеніямъ, неурожай былъ мѣстный; но недостатки путей быстрого сообщенія и умноженіе ассигнацій съ 1812 года были причиною дороговизны и голода въ городахъ.

Въ 1816 г. отецъ повезъ меня въ училище—въ г. Сѣвскъ—съ провизіей на цѣлый годъ. Замѣчаетъ онъ въ *запискахъ* своихъ, что на меня истрачено въ этотъ годъ 50 р., считая, вѣроятно, въ томъ числѣ и цѣну провизіи. Только-что мы выѣхали изъ села, какъ шворень подъ возомъ сломался, а отецъ грудью упалъ на переднюю ось. Долго онъ катался по землѣ отъ боли, но не воротился домой. Можетъ быть, отъ этого ушиба послѣ появилась у него на груди рана, съ которой онъ долго возился.

„1815 г.,—замѣчаетъ отецъ мой въ своей *памятной книгѣ*,—іюня 18 была встрѣча Архирея въ с. Подчерневомъ, и я тамъ былъ, но только буду помнить пріѣздъ его“. Что съ отцемъ случилось? Вѣроятно, пріѣзжалъ отецъ къ храмовому празднику Казанской Богоматери 8 Іюля и тамъ долго прогостилъ, а Досиѣй замѣтилъ ему это.—А можетъ быть и что-другое.

Въ-1820 г. замѣчаетъ отецъ мой о себѣ: „со мною сдѣлался припадокъ на току и въ первый день повторился 3 раза.—1821 г. прибылъ на епископію архіерей *Гавріилъ*“.

Припадки падучей болѣзни у отца моего повторялись довольно часто, и два раза во время служенія литургіи. Что было

дѣлать? Итти за штатъ? Но вѣдь оставались непристроенными еще двѣ дочери; на его содержаніи учились я—въ семинаріи—и братъ *Евграфъ* въ училищѣ. Но прихожане любили отца. Причтъ не доносилъ даже благочинному, потому что боялся перемѣны священника. Да и кто-бы сталъ доносить?—Скоро дѣчкомъ поступилъ въ Спасское зять *Полжаръ*. Дѣчекъ *Матвей*, забивъ мою тетку и женившись на другой, часто напивался и дрался съ мужиками въ приходѣ; онъ боялся, чтобы на него не донесли. Пономарь *Акимъ Петровичъ*?—Это былъ авторитетъ между причтомъ въ приходѣ—по милости отца моего. Отецъ объявилъ его знатокомъ во всѣхъ дѣлахъ. Явилась передъ 1812 годомъ *комета*,—Акимъ Петровичъ сталъ предрекать жестокою войну и сбылось предреченіе. Акимъ Петровичъ—маленькій, рыженькій, съ рѣзкимъ хриповатымъ голосомъ, съ длиннымъ лицомъ и кучерявою красною головою и маленькою клиномъ бородою, никогда не смѣющийся, вѣчно серьезный—былъ страшный бичъ при обыскѣ свадебномъ. Какъ давній на приходѣ, онъ зналъ родство мужиковъ и въ каждой четѣ видѣлъ родню. По природной, можно сказать—наслѣдственно переданной отъ отца робости характера, отецъ мой всегда посылалъ сватовъ къ Акиму Петровичу, отказывавшемуся итти въ церковь, и ему кой-что перепало—хлѣбомъ, деньгами, или же водкою. Мужики и безъ того считали пономаря знатокомъ погоды и всѣ приходили совѣтоваться къ нему, пора-ли сѣять. Многіе въ приходѣ считали его *знахаремъ* и *колдуномъ*. Кто выведетъ червей у скотины? Акимъ Петровичъ! кто заговоритъ кровь, прогонитъ чужого *домоваго* изъ конюшни? Акимъ Петровичъ. Кто у чорта былъ на рогахъ, кто видѣлъ русалку?—все Акимъ Петровичъ. Отецъ шутилъ иногда надъ нимъ; но, кажется, и самъ вѣрилъ многому. Какъ же теперь было Акиму Петровичу мѣнять священника?!

Вотъ первый примѣръ легковѣрія моего отца, которымъ пользовался Акимъ Петровичъ къ увеличенію своего авторитета въ народѣ. Однажды отецъ поѣхалъ съ Акимомъ Петровичемъ на храмовой праздникъ въ с. *Карповку*—въ 5 верстахъ отъ Спасскаго. Въ пристяжкѣ была кобыла Акима Петровича. На возвратномъ пути ночью отецъ дремалъ. Акимъ П—чъ правилъ лошадьми. Передавъ возжи отцу, пономарь спрыгиваетъ съ повозки. Отецъ продолжаетъ ѣхать тихонько. Акимъ П—чъ не возвращается. Отецъ остановился. Вдругъ слышитъ крикъ пономаря уже далѣе—впереді: „Отче Іоанне, спаси, спаси молитвою!“ Отецъ поѣхалъ на голосъ рысцою. Чтожъ? Акимъ Петро-

вичъ стоитъ надъ оврагомъ.— „Что съ тобою?“— „Послѣ разскажу, а теперь благослови и помолись о мнѣ.“— Когда Акимъ П—чъ сѣлъ въ телѣгу, отецъ опять спросилъ: что съ тобою? какимъ образомъ ты очутился впереди?— Акимъ П—чъ долго молчалъ и только подѣхавъ къ церкви и крестясь на нее, началъ такъ объяснять случай: „Когда я слѣзъ съ телѣги и ты шажкомъ поѣхалъ впереди,—говорилъ онъ,—вдругъ увидѣлъ я свою кобылу подлѣ себя. Я выругалъ тебя, прости отче Іоанне, чортомъ, полагая, что ты задремалъ и не видалъ, какъ отетягнулась кобыла. Я вскочилъ на нее, ищу на головѣ узду, и ощупываю роги; я перекрестился, кобылы не стало, а предо мною—оврагъ. Тогда я началъ кричать и звать тебя!“— Послѣ того Акимъ Петровичъ по всему селу рассказывалъ, какъ онъ былъ у чорта на рогахъ,—и отецъ мой волей—неволей долженъ былъ въ нѣкоторыхъ частяхъ подтверждать разсказъ его.

Не столько привязанность причта и любовь прихожанъ удерживали отца моего на должности, сколько особый взглядъ на болѣзнь его, образовавшійся въ средѣ окружавшихъ его. На отца смотрѣли какъ на *святаго*, преслѣдуемаго злымъ духомъ.— По желанію помѣщика Евграфа Ивановича, отецъ долженъ былъ отчитывать бѣсноватыхъ и кропить ихъ водою, въ которую погруженъ камень отъ Гроба Господня, купленный помѣщикомъ у захожихъ монаховъ. Около ста человекъ со всѣхъ имѣній Евграфа Ивановича свезено было въ Спасское—кликушъ. Тутъ были не одни жепщины, но и старикъ 60 лѣтъ и дѣвочка 12 лѣтъ. Когда они были проводимы въ церковь—во время херувимской пѣсни, они падали и кричали, ругая отца моего. Ихъ держали приставленные къ нимъ мужики. Этотъ крикъ, этотъ гамъ продолжался до конца обѣдни. Помѣщикъ рѣдко когда присутствовалъ и уѣзжалъ изъ деревни въ Вязьму или Дорогобужъ. Отецъ по его просьбѣ продолжалъ дѣло отчитыванья. Когда случился припадокъ съ отцомъ на току, никто въ деревнѣ не зналъ объ этомъ. Но въ первое же служеніе—на литургіи бѣсноватые начали кричать: „Шелуганъ, шелуганъ! А что тебѣ было на току?“—Въ другой разъ—ночью отецъ схватился съ постели и бѣжалъ вонъ изъ горницы; онъ былъ въ бреду и ему представилось, что схватили его разбойники и тащатъ вонъ изъ дому. Мать едва удержала его и привела въ сознаніе. Что-жъ? Въ первое же служеніе литургіи кликуши кричали объ этомъ домашнемъ случаѣ съ отцемъ—и грозили, предсказывая, что онъ не долго будетъ бороться съ ними. Эти припадки кликушъ, соединенные

съ такимъ ясновидѣніемъ, поражали всѣхъ. Всѣ съ участіемъ стали относиться къ отцу—и никому не приходило на мысль считать отца моего неспособнымъ къ продолженію служенія.— Каково было матери моей, которая одна ухаживала за отцемъ во время припадковъ его! Но она, женщина здоровая, не изнемогала. Впрочемъ не долго жила; въ 5 часовъ пополудни августа 27 дня 1832 г. она скончалась отъ поноса, сопровождавшагося икотюю.—

„1823 г. февр. 14 дня,—дѣлаетъ замѣтку въ своей *памятн. книжкѣ* отецъ мой, — совершился бракъ любезной дочери моей *Екатерины*, которая выдана была за пономаря *Ивана*—Болховской округи села *Насѣдкина*,—дѣло, которое вѣкъ буду помнить—до самаго гроба.“

Дьяконъ села *Везилокъ* Болховской округи (уѣзда), достигши 60 лѣтъ, рѣшилъ сдѣлать свое мѣсто единственному своему сыну *Ивану Владиміръцеву*, который только мнѣ былъ извѣстенъ, какъ одноклассникъ по училищу; силачъ, лѣнивый ученикъ, но добрый парень. Онъ то явился женихомъ для Екатерины. Женихъ слишкомъ не интересный, малоученый и лицомъ не пригожій, къ тому же безголосый. Онъ не понравился ни роднымъ моимъ, ни сестрѣ. Но родители рѣшились выдать дочь, такъ какъ она уже была 21 года, и дѣвица слишкомъ бойкая. Она перечитала всѣ книги, какія были въ домѣ и церкви, даже *Сіонскій Вѣстникъ*. Она хотѣла самоучкою выучиться писать, но у ней отнимали перо и чернила. Мать моя, обучившая на вѣку своемъ до 500 душъ, тоже не умѣла писать. Въ то время духовные и купцы не учили дѣвицъ писать, чтобы лишить ихъ возможности писать любовныя письма. Съ другой стороны, кромѣ разныхъ рукодѣлій—пряжи, тканья, плетенія кружевъ и шитья по танбуру, отецъ мой пріучалъ дочерей къ сельскимъ работамъ: онъ посылалъ ихъ даже жать.— Послѣ свадьбы Иванъ поѣхалъ проситься на мѣсто отца своего, на экзаменъ онъ оказался безголосымъ. Однако ему велѣно было ходить на клиросъ въ домовую Архіерейскую церковь. Разъ онъ проспалъ утреню; іеромонахъ донесъ архіерею Гавріилу. Гавріиль, тогда писавшій резолюціи текстами, написалъ на прошеніи, принятомъ отъ старика, отца нашего зятя: „да будетъ домъ его пустъ, Епископство же приметъ инъ.“ Консисторія предписала указомъ черезъ духовное Правленіе діакона уволить за штатъ, а сыну его въ дьяконскомъ мѣстѣ отказать и впредь въ этотъ санъ не проситься.

Послѣ сего началась трудовая жизнь для сестры моей Екатерины и супруга ея *Ивана Николаевича*. Не долго они оставались

въ с. *Насѣдкиномѣ*, перешли въ с. *Бакланово*, Орловскаго уѣзда, и заняли избу ветхую, безъ двора. Тутъ родивши дитя, Екатерина едва не умерла отъ холода и сырости. Тутъ пошли частыя дѣти. Супруги трудились, не давая себѣ покою, воспитали дѣтей. Одинъ изъ сыновей ихъ былъ даже священникомъ; другой померъ отъ чахотки; дочерей выдали въ городъ: одну—за мѣщанина, другую—за канцелярскаго служителя. Они до сихъ поръ еще живы. Екатеринѣ 74 года, а Ивану 76 лѣтъ. Живутъ при внука. Но получаютъ отъ меня пособіе. Внукъ по временамъ бросаетъ ихъ, отдаетъ землю въ наемъ, самъ живетъ въ церковной караулкѣ.—Сынъ ихъ—священникъ померъ, тоже отъ чахотки, оставивъ сиротъ безпомощныхъ.

Отецъ и мать мои перенесли еще одно горе. Въ 1828 или въ 1829 г., по Высочайшему повелѣнію, потребовали въ военную службу дьячковъ и пономарей, и учениковъ духовныхъ училищъ и семинаріи, замѣченныхъ въ худомъ поведеніи. Братъ отца моего *Никаноръ Алексѣевичъ*, служившій дьячкомъ во Мценскѣ при Пятницкой церкви, и зять *Иванъ Николаевичъ* оказались худо отмѣченными по формулярамъ: первый—не всегда трезвымъ, послѣдній—непочтительнымъ къ старшимъ. Ихъ вытребовали въ Консисторію. Никаноръ оставилъ жену и трехъ дѣтей, а Иванъ—жену и двоихъ дѣтей. Никанору тотчасъ забрили лобъ, и онъ отъ тоски и побоевъ при ученіи не пережилъ и двухъ мѣсяцевъ. Ивана отстояли, но чего это стоило? Все, что было у отца моего, употреблено на хожденіе въ домъ архіерея Гавріила. Говорили, что этотъ архіерей отличился предъ всѣми доставленіемъ большого количества рекрутъ изъ своей Епархіи, думая за это получить благодарность.—

Отецъ мой не читалъ книгъ, кромѣ Четинхъ-Миней; но онъ любилъ проводить досужее время съ людьми, выходившими изъ ряду мужиковъ. Таковы были два управляющихъ: бурмистръ *Гриневыхъ Иванъ Дементьевичъ* и прикащикъ *Бибиковыхъ—Николай Павловичъ*. (1.) Первый былъ безграмотный, но мушина видный, доставлявшій *Евграфу* Ивановичу *Гриневу* 90 тысячъ съ деревень!—*Евграфъ* Ивановича не было ужъ въ живыхъ; деревни

1) Изъ дальнѣйшаго разсказа оказывается, что одна изъ деревень, приписанныхъ къ приходу села Спасскаго, принадлежала помѣщикамъ *Бибиковымъ*.—Л. М.

принадлежали брату его Александру. Смолоду Иванъ Дементьевичъ былъ каменщикомъ въ Петербургѣ, послѣ съ братьями занимался извозомъ. Какъ онъ былъ бездѣтнымъ, не пьяницей, то помѣщикъ поставилъ его управляющимъ въ селѣ. Съ 1817 года помѣщикъ его безвыѣздно жилъ близъ Вязьмы,—по этому Бурмистръ занималъ его хоромы. У него-то отецъ мой проводилъ время и знакомился съ разными странами—*Таганрогомъ, Одессою, Нижнимъ-Новгородомъ, Казанью*. Бурмистръ, по совѣту отца, обучилъ крестьянскаго мальчика грамотѣ и письму и ведевію прихода и расхода, женилъ его на вольноотпущенной красавицѣ. Но этотъ писарь сдѣлалъ доносъ на Ивана Дементьевича. *Александръ Исановичъ Гриневъ* потребовалъ его къ отвѣту въ Вязьму и послѣ истязаній, по тогдашнему праву помѣщиковъ, сослалъ его на поселеніе въ Сибирь. Проѣзжалъ село Спасское Иванъ Дементьевичъ уже въ сопровожденіи караула; полъ-головы и бороды у него было обрито; полное лицо его осунулось. За чаемъ онъ рассказывалъ, какъ его истязали, какъ во время сѣченія его нѣсколько разъ отливали водою... Мать и отецъ мои навзрыдъ плакали... Онъ утѣшалъ ихъ тѣмъ, что онъ теперь свободенъ и, какъ ремесленникъ, онъ лучше будетъ жить на поселеніи, чѣмъ жилъ подъ такою властію.—Доносчикъ получилъ вольную, занялъ его мѣсто въ селѣ: но отецъ не часто бывалъ у него, а только по должности.

Николай Павловичъ Черкасовъ, остроумный лакей Бибиковыхъ, прозванный „*Господиномъ фонъ-Бокомъ*“, потому что онъ былъ кривобокъ. Какъ грамотный и бойкій, онъ завѣдывалъ порядкомъ въ кабинетѣ Бибикова. Съ нимъ шутили и любовались остроуміемъ его многіе вельможи Екатерининскаго времени, посѣщавшіе Бибикова. Лицо его было длинное, голова—большая, словомъ—фигура Езопы. Бибиковъ разодѣвалъ его какъ вельможу и называлъ всегда „господиномъ фонъ-Бокомъ“. Николай Павловичъ говорилъ по французски, хотя не читалъ и не зналъ французскаго алфавита. Бибиковъ объявилъ его вольноотпущеннымъ, сдѣлалъ его прикащикомъ деревни своей въ нашемъ селѣ. Но не успѣвъ выдать ему документы на освобожденіе отъ крестьянства, умеръ. Наслѣдники продали деревню одному изъ *Шеншиныхъ*. Шеншинъ лишилъ Черкасова мѣста управляющаго, и тогда Черкасовъ снялъ постоянный дворъ на Отрадѣ и прожилъ въ немъ свое состояніе.

Бибикову нравились въ Черкасовѣ честность, безкорыстіе, прямота слуги, особенно гордое обращеніе съ господиномъ и по-

сѣтителями его. Бибиковъ женилъ Езопѣ своего на первой красавицѣ, сѣнной дѣвушкѣ дочери своей—*Матрени Львовнѣ*. Черкасовы не имѣли дѣтей.—Когда Бибикова деревня, сосѣдняя съ церковію и Поповкою, была внѣ управленія ихъ и тогда они были въ дружбѣ съ моими родителями. У нихъ былъ старикъ высокій и сугорбенный—отецъ Матрены Львовны, и пожилыхъ лѣтъ дѣвушка, сестра Николая Павловича—*Пелагея Павловна*. Не знаю почему, въ 1810 г. родители мои посылали сестеръ моихъ учиться грамотѣ къ старику, который часто сѣкалъ ихъ розгами. Старикъ скоро померъ. *Пелагея Павловнѣ* отецъ мой позволилъ построить келью на церковной землѣ. Какъ она была пожилая, ходила въ черномъ, не ѣла мяса,—отецъ поручилъ ей продавать церковныя свѣчи, кому изъ поселянъ понадобятся онѣ въ теченіе недѣли, потому что староста въ церкви могъ продавать ихъ только по воскресеньямъ. Потерявши свое состояніе на содержаніи постоялаго двора, къ Палагеѣ Павловнѣ перешли жить и Черкасовы. Теперь-же Черкасовы стали вѣрными друзьями и совѣтниками дома нашего. Каждый день бывали они у насъ. Не было замѣтно, чтобы отецъ помогалъ имъ въ чемъ-либо. Матрена Львовна занималась шитьемъ, а Николай Павловичъ писалъ мужичкамъ письма. Мужики любили ихъ. Николай Павловичъ хвалился, что, во время управительства своего, ни одного не наказалъ тѣлесно. И можно было вѣрить ему. Онъ зналъ всѣ афоризмы Руссо, всѣ выходки Вольтера, былъ либераль и гуманистъ XVIII вѣка. Кажется, онъ собиралъ новину, потому что у него было зерно всякаго рода; держалъ только куръ, одну свинью и корову. Былъ у него и огородецъ маленькій; но вообще онъ неспособенъ ни къ какому труду. Относительно пищи онъ свободенъ былъ отъ всякихъ предразсудковъ. Такъ, весною у него всегда была яичница изъ вороньихъ яицъ и жаркое изъ вороньяго мяса; зимою онъ отбиралъ у мужиковъ ободранныхъ зайцевъ, которыхъ они не ѣли, а бросали собакамъ, и не только дѣлалъ изъ нихъ жаркое, но и солонину. Онъ рѣдко когда ходилъ въ церковь и молился къ небу. Онъ безпрестанно отпускалъ афоризмы противъ внѣшняго богослуженія. Не смотря на это, отецъ мой любилъ его и проводилъ съ нимъ время. Черкасовы говорили языкомъ тогдашняго высшаго круга, перемѣшивая русскія слова съ иностранными, знали вдоль и поперекъ Екатерининскихъ вельможъ, рассказывали обычаи, происхожденія и оргіи ихъ.—Послѣднюю мою сестру *Варвару* онъ взяли къ себѣ изъ пеленокъ. Пелагея Павловна воспитывала ее въ духѣ благочестія: Мат-

рена Львовна учила ее разнымъ мастерствамъ и обращенію. Сестра только обѣдала дома; съ 14 лѣтъ впрочемъ стала и ночевать дома. Черкасовы, хотя были бѣдняки, но держали себя независимо и вели себя такъ, что родители мои не могли жить безъ нихъ.—Николай Павловичъ въ 1829 г. умеръ отъ потрясенія и горя. Къ нему явился одинъ изъ наслѣдниковъ Бибиковыхъ и требовалъ документовъ на увольненіе его изъ крестьянства, или 250 рублей. А у Черкасова не было никакого формальнаго документа. Только Пелагея Павловна имѣла отпускную. Это обстоятельство такъ поразило Черкасовыхъ, что Николай Павловичъ заболѣлъ и умеръ. Отецъ мой уговорилъ барина—прохвоста оставить жену Черкасова въ покоѣ; можетъ быть произошла сдѣлка эта не безъ денегъ...

Въ 1832 г., августа 27 дня, умерла мать моя—*Авдотья Васильевна*—отъ поноса, сопровождавшагося икотой. Отецъ мой упалъ духомъ, опустился. И прежде онъ любилъ пить, не смотря на падучую болѣзнь свою, но только по воскреснымъ днямъ—въ приходѣ. Но смерти жены сталъ залучать къ себѣ встрѣчнаго и поперечнаго, чтобы раздѣлить горькую чарку... Я былъ уже на должности; братъ Евграфъ поступилъ въ Академію. Родные склоняли отца скорѣе устроить послѣднюю дочь. Я послалъ на выдачу ея замужъ свои призовыя деньги, полученные за разсужденіе „*О крещеніи Вел. Княгини Ольги*.”¹⁾ Но что и тогда значили эти деньги? Отецъ рѣшился въ пользу дочери пожертвовать своимъ священническимъ мѣстомъ,—а самъ, вышедши за штатъ, хотѣлъ поступить въ монахи. Архіерей оставилъ его при своемъ домѣ духовникомъ. Съ этихъ поръ отецъ мой погрузился въ свято-отеческія творенія, и выписками изъ нихъ наполнена вся *памятная книжка* его. Онъ даже писалъ ихъ между строками написаннаго прежде—въ теченіе жизни. Онъ уже не пилъ водки. Но вдругъ постигаетъ его несчастіе. Въ банѣ, когда онъ парился, сдѣлался съ нимъ припадокъ: когда онъ пришелъ въ себя, потерялъ языкъ, или правильнѣе—память словъ и рѣчи. Онъ не могъ припомнить названія вещи, на которую указывалъ. Если послѣ и возвратилась память словъ, то онъ не могъ распредѣ-

1) Будучи студентомъ Кіевской Академіи, авторъ сихъ „записокъ“ Ник. Ив. Соколовъ написалъ сочиненіе на премію Митрополита Кіевского Евгенія—подъ заглавіемъ: „*О времени крещенія Велик. Княгини Ольги*“—Изъ какой суммы состояла премія и когда она получена была авторомъ,—съ этомъ подробно говорится въ этихъ *запискахъ* ниже—Л. М.

лить ихъ по вещамъ и предметамъ.—Отецъ былъ отданъ на пропитаніе роднымъ Сестра моя *Варвара* и мужъ ея—*Оранжевъ*, занявшій мѣсто моего отца, пріютили больного. Съ ними тогда жила и Матрена Львовна. Отцу возвратилась полная память: но онъ хотѣлъ быть *схимникомъ*. Онъ давно не пилъ водки, не ѣлъ мяса; но для уединеннаго чтенія молитвъ уклонялся въ богадѣльню, построенную изъ кирпича, по его внушенію, еще Евграфомъ Ивановичемъ, когда строилась церковь. Въ этой богадѣльнѣ никого не было: мужики своихъ калѣкъ держали при себѣ. Лѣтомъ даже ночевалъ тамъ отецъ. По временамъ онъ пѣшіи ходилъ верстъ за 20 къ несчастной дочери своей *Екатеринѣ*—въ село *Бакланово*. Порывался онъ и ко мнѣ; но *Оранжевы* не пускали.—Примѣръ воздержанія и непрестанной молитвы моего отца сильно дѣйствовалъ на сестру Варвару Оранжеву и мужа ея. Они перестали ѣсть мясное и рѣшились посвятить себя исключительно служенію Богу и человѣчеству. А тутъ въ 1837 году послѣдовалъ вызовъ священника на дѣло распространенія вѣры между Алеутскими язычниками. Въ 1838 г. въ Орловской губерніи былъ страшный голодъ. Въ это время священникъ Оранжевъ изъявилъ согласіе на миссіонерство, и отца моего отправилъ ко мнѣ—въ Одессу. Оставивъ его въ 1831 году, во время тогдашняго посѣщенія мною родины, сильнымъ и безъ малѣйшей сѣдины, я видѣлъ теперь хилаго и сѣдого старика, развалину, и едва по голосу узналъ его. Онъ меня видѣлъ безъ бороды и въ свѣтской одеждѣ,—теперь и онъ едва могъ узнать меня—въ рясѣ и съ широкою бородою... Когда узналъ меня, онъ долго любовался мною... Привезъ онъ 10 рублей мѣдью и, подавая ихъ мнѣ, промолвилъ, что ничего изъ нихъ не истратилъ, а питался только хлѣбомъ, взятымъ на дорогу. Квартира моя была просторна, но сыра, и я помѣстилъ его въ самой сухой и теплой комнатѣ. Оранжевы писали, что отправляя отца, они только исполнили непреодолимое желаніе его—видѣть меня, но умолчали о свирѣпствовавшемъ голодѣ и о томъ, что подписались на вызовъ правительства въ Алеутскую епархію.

Спустя годъ или полтора присланы были деньги на подъемъ и на дорогу до Иркутска съ предписаніемъ всѣмъ подписавшимся немедленно отправляться. Оранжевъ не колебался; продалъ домъ поступившему на его мѣсто въ с. Спасское священнику. Сестра тоже рѣшилась. Пріѣхала къ нимъ сестра Екатерина. Съ нею сестра Варвара поѣхала въ Орелъ купить нужное на дорогу. Тамъ они слышали, что до мѣста, куда надо было

ѣхать, 6 тысячъ верстъ. Но не вѣрили. Они не знали географіи. Когда возвратились въ Спасское, Оранжевъ не сталъ скрывать отъ нихъ истины,—и Варвара упала въ обморокъ съ конвульсіями... Этотъ обморокъ повторился и въ церкви—во время молебна напутственнаго. Екатерина стала развлекать ее пѣсенками, Варвара вторила ей. Когда, уложившись на дорогу, стала прощаться съ сестрой, съ нею послѣдовалъ третій припадокъ, окончившійся въ тотъ же часъ смертію... Послѣдовали похороны, остановившіе выѣздъ Оранжева на недѣлю, но нисколько не воспрепятствовавшіе ему. — *Матрена Львовна Черкасова* умерла незадолго предъ этимъ. Но оставалась *Пелагея Павловна*. Эта самоувѣренная старушка приняла на руки дѣтей покойницы—мальчика и дѣвочку—и, бросивъ свою келлію или домикъ, отправилась съ Оранжевымъ въ Алеутскую епархію. Мальчикъ не вынесъ дороги, умеръ и погребенъ за 20 верстъ не доѣзжая до Иркутска... Пелагея Павловна съ дѣвочкою оставлена въ Иркутскѣ въ женскомъ монастырѣ, а Оранжевъ отправленъ къ Алеутамъ. Что съ нимъ послѣдовало, не знаю; слышно было, что Оранжевъ возвратился и теперь настоятельствуетъ въ какомъ-то монастырѣ...

Отецъ мой не перемѣнилъ жизни въ моемъ домѣ. Онъ не ѣлъ мяса, не пилъ водки, часто молился вслухъ; и это продолжительное и частое чтеніе молитвъ и акаѳистовъ наскучивало нѣкоторымъ лицамъ моего семейства. Онъ не выжилъ и года... Сталъ слабѣть и когда ослабѣлъ, просилъ напутствовать его причащеніемъ св. таинъ. Смерть его была не тяжелая. Сперва охладѣли ноги и руки, потомъ животъ: оставалась жизнь только въ груди и въ головѣ. Чувствуя холодъ, онъ просилъ *олигу*... Насилу понялъ я, что онъ просить водки. Я далъ ему рюмку. Вскорѣ онъ не въ состояніи былъ откашливать мокроты и цѣлые сутки храпѣлъ. Промочивъ чаемъ глотку его, я спрашивалъ *гдѣ* чувствуетъ боль?—И получилъ отвѣтъ: „нигдѣ,—пріятно сонъ, не буди меня“!—Скончался тихо...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.

Жизнь моя.

Рожденіе и крещеніе автора въ г. Мценскѣ.—Воспоминанія о первыхъ впечатлѣніяхъ бытія.—Переѣздъ въ с. Спасское.—Работница старушка *Угариха*. — Еще факты изъ дѣтской жизни автора.—Переходъ въ новый домъ и болѣзни автора и его сестеръ.—Простота и грубость ихъ воспитанія—Хозяйственныя хлопоты родителей.—Отроческія шалости автора и его игры со своими сверстниками — зимою, весною, лѣтомъ. — Повѣрья о вербѣ—въ Вербное воскресенье.—Пасха и хожденіе причта съ иконами по приходу.—Какъ авторъ началъ учиться грамотѣ.—Послѣднее лѣто въ с. Спасскомъ—предъ поступленіемъ автора въ Сѣвское духовное училище.—„Завиваніе вѣнковъ“ на Троицынъ день. Повѣрья о „русалкахъ“, „Опахиваніе“ дворовъ во время падежа на рогатый скотъ.—Какъ автору пришлось испытать жизнь и трудъ пастуха сельскаго стада. —

Я родился въ полночь 12 февраля 1805 года въ г. Мценскѣ, при Николаевскомъ соборѣ. Родители мои—діаконъ этого собора *Іоаннъ* и *Авдотья Васильевна* были цвѣтущаго здоровья и въ возрастѣ самомъ благопріятномъ для моего рожденія: отцу было 26 лѣтъ, а матери 22 года. Послѣ двухъ сестеръ, *Анастасіи*, родившейся въ 1800 г., и *Екатерины*—въ 1802 г., рожденіе мое встрѣчено родителями моими, ихъ родственниками, друзьями и покровителями не безъ удовольствія. Мнѣ наречено имя *Николай*—въ честь Святителя Николая, чудотворный образъ котораго — *въ видѣ статуи — съ мечемъ въ правой рукѣ и съ церковію въ левой*—находится и теперь въ Мценскомъ соборѣ. ¹⁾ Крестилъ ме-

¹⁾ Объ этой *статуѣ святителя Николая*—въ г. Мценскѣ, Орловской губ.,—авторъ воспоминаній сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія ниже въ другомъ отдѣлѣ своей автобіографіи.—Л. М.

ня протоіерей соборный *Димитрій*; воспріемницею была жена его. При воцерковленіи и каждый разъ, какъ приносили въ соборъ, полагали меня на нѣсколько секундъ у подножія св. Николая

Я вскормленъ былъ молокомъ здоровой матери—и, какъ ни занята была моя мать школою въ 40 учениковъ, она сама вынящчила меня, почти не спуская съ рукъ. Если я избѣжалъ увѣчья въ дѣтскомъ возрастѣ, то этимъ обязанъ бдительности матери.

Я съ двухъ съ половиною лѣтъ началъ помнить себя. Помню внутреннее расположеніе комнатъ въ домѣ. Большая комната съ длиннымъ столомъ для учениковъ и широкими лавками съ двухъ сторонъ стола. По этимъ лавкамъ я бѣгалъ, и въ параллель за мною бѣгала мать, ограждая меня отъ паденія. Въ большую комнату зеркаломъ изъ зеленыхъ кафель выходила печь: подлѣ печи была дверь, которая вела въ другую—меньшую—комнату, которую называли *топлюшкою*; тамъ была лежанка. Черезъ сѣни отъ этого отдѣленія было другое отдѣленіе, раздѣлявшееся на двѣ комнаты: въ малой была кухня, въ большой—лежанка. Въ этой послѣдней комнатѣ я ловилъ цыплятъ, только-что вышедшихъ изъ яицъ; я купалъ ихъ въ водѣ, какъ меня купали, и когда они засыпали, клалъ ихъ на лежанкѣ. Помню, какъ застали меня за этою работою и какъ я испугался и смутился, когда на меня кричали—и я не вдругъ понималъ, что цыплята померли. Я тогда не могъ понимать смерти, но чувствовалъ, что они не будутъ уже бѣгать, не будутъ клевать корму изъ раскрашеннаго печенаго яйца; я видѣлъ, какъ ихъ выкинули на дворъ—и мнѣ было очень жаль ихъ.—Всѣ другія впечатлѣнія дѣтской моей жизни во Мценскѣ изгладилась...

30 Августа 1807 года отецъ мой посвященъ былъ во священника въ село *Спасское*. Въ это село переѣздъ нашего семейства происходилъ осенью. Я, должно быть, переведенъ былъ на время въ с. *Калугино*. *Подчернѣвъ* тожъ. Я помню, какъ я, окутанный въ шубу, сидѣлъ въ саняхъ; дѣдъ сидѣлъ на облучкѣ и правилъ лошадыю; мелькали деревья, одѣтыя инеемъ, поля, покрытыя снѣгомъ. Голова моя едва видна была изъ саней. Мнѣ хотѣлось видѣть новые для меня предметы; я приподнимался и высовывался изъ шубы, а дѣдъ кричалъ: „сиди смирно!“—Не знаю, долго ли я жилъ у дѣда, и не помню, какъ очутился въ *Спасскомъ*.—Два года семейство наше жило въ домѣ вышедшаго за штатъ священника *Алексѣя*— вмѣстѣ съ его семействомъ. Впрочемъ семейство его было не большое: онъ, тридцатилѣтняя дочь его, вышедшая потомъ замужъ за фершала, и сынъ *Іванъ* 40 лѣтъ, мѣщанинъ, набѣзжавшій изъ города. Впрочемъ первую зиму я и

сестры провели у родныхъ: я и *Екатерина* въ *Подчернево*—у бабки, а *Анастасія*—въ Мценскѣ у кого-то изъ сестеръ матери. Изъ пребыванія моего у бабки только и осталось въ памяти, что я и сестра спали съ бабкой и спорили за обладаніе поянными грудьми и нѣжились около нихъ, заставляя бабку лежать на спинѣ пока не засыпали.—Въ 1808 г. мать моя съ своею сестрою *Пелагеею* лѣтомъ отправились въ Москву, гдѣ пробыли у брата *Афанасія Васильевича Оболенскаго* долженько. Я и сестра Катя оставались въ Спасскомъ на попеченіи работницы старушки *Угарихи*.—Не помню, живъ ли былъ отецъ Алексѣй, который такъ любилъ меня, на которомъ, когда онъ лежалъ на печи, я ѣздилъ, сѣвъ на животъ, какъ на сѣдло лошади. Только помню, что я и сестра, играя на дворѣ, боялись войти въ избу и напередъ кричали: „бабушка, ты тутъ?“ И когда она откликнулась, смѣло отворяли дверь, бросаясь къ ней на шею, и просили по обычаю молока съ творогомъ. О, какъ я привязался къ этой старушкѣ, какъ мнѣ нравилось морщинистое лицо ея! Возвратилась изъ Москвы мать, но я не помню, чтобы я былъ радъ ей,—дѣтская привязанность моя всецѣло принадлежала *Угарихѣ*.—Съ матерью пріѣхала дѣвочка 8 лѣтъ, хорошенькая. Это была сестра моя *Анастасія*. Она мнѣ очень понравилась. Мнѣ, можетъ быть, толковали, что это сестра моя; но тогда я не понималъ, что такое сестра. Когда Настя сидѣла на лавкѣ, я взлѣзалъ на лавку, ласкался къ пей и цѣловалъ ее, все спрашивая: „дѣвочка, а будешь съ нами кашу ѣсть?“

Дворъ о. Алексѣя былъ обнесенъ сараями. Около воротъ стоялъ дубовый амбаръ. Изба стояла во дворѣ—на одной сторонѣ его. Изба была не курная, и труба выходила не прямо надъ печкой (*загнеткой*), а тянулась боровомъ отъ печи до двери въ уровень съ полатыми, и близъ дверей выходила наружу. Я помню, какъ доски, поддерживавшія боровъ, стали тлѣть, на нихъ и на боровъ лили воду; я понималъ, что можетъ загорѣться домъ, но былъ спокоенъ.—Подлѣ воротъ была собака на цѣпи; кто-то далъ ей хлѣбъ съ иглою: игла остановилась въ глоткѣ. Призванъ былъ лекаръ изъ мужиковъ; онъ старался прогнать иглу далѣе и для этого помазкомъ съ дегтемъ совалъ собакѣ въ горло. Я помню, какъ собака металась и мучилась, пока не окопѣла. Это меня сильно тронуло—и я со страхомъ смотрѣлъ на ветеринара-мужика. Еще одно впечатлѣніе поразило меня и неизгладимо залегло въ памяти. Сивая корова, которую въ присутствіи моемъ и сестры Кати—всегда доила бабушка *Угариха*, приговаривая: „вотъ сивка дастъ вамъ молочко, будетъ творогъ и

сметана“,—стояла подѣ сарасмѣ, вѣроятно привязанная къ столбу. Сынъ заштатнаго священника Иванъ съ топоромъ въ рукахъ на кого-то кричалъ: вдругъ подбѣгаетъ къ коровѣ, ударяетъ ее топоромъ, и сивка упала. Я испугался; но когда увидѣлъ, какъ кровь ручьемъ потекла изъ шеи, я бѣжалъ со слезами, и послѣ этого не могъ видѣть разбойника Ивана; да и не помню, чтобы послѣ этого я видѣлъ его.—Куда дѣлся домъ о. Алексѣя и дворъ колыбомъ и куда дѣлся самъ о. Алексѣй,—не знаю: говорили—померъ; а отъ двора остался дубовый амбаръ, который безъ починки служилъ отцу моему на всю его жизнь.

Въ 1809 г. отстроился домъ нашъ противъ дома о. Алексѣя черезъ улицу. Онъ былъ на каменномъ фундаментѣ. Этотъ фундаментъ, лежавшій подѣ стѣнами всего дома, не былъ подѣ крыльцемъ, и я, залѣзши подѣ домъ, любилъ тамъ проводить время. Тамъ была со мною и собака. Я потянулъ ее за хвостъ. Собака бросилась на меня и впиалась мнѣ въ глаза; изъ глубокихъ ранъ надѣ лѣвою бровью и подѣ лѣвымъ глазомъ полилась кровь. Собаку не наказывали, а только взяли часть ея шерсти и, сожегши въ порошокъ, присыпали мнѣ раны.—

Въ томъ же 1809 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, какъ видно изъ памятной книжки отца, перешли въ новый домъ. И эту осень и эту зиму отецъ болѣлъ два раза, а мать—однажды. И немудрено; домъ еще не успѣлъ высохнуть; диво, что никто изъ семейства не умеръ, а то сказали бы, что плотники заложили домъ на чью либо голову, какъ вѣрили тогда. Можетъ быть и мы, дѣти, побаливали—и какъ было не болѣть? Подѣ поломъ не было насыпи: фундаментъ не вездѣ былъ сплошной, какъ выше говорилъ я, и вѣтеръ свободно ходилъ подѣ нимъ. Мы же, дѣти, не имѣли кроватей, а спали на войлокахъ, на полу. Помню, я часто заболѣвалъ отъ простуды; но болѣзнь всегда приписывали недоброму глазу, и вылѣчили меня тѣмъ, что spryskivali меня водою, въ которую предварительно клали маленькій кусокъ глины отъ варистой печи и уголь.—Помню, сестра Настасья болѣла зубами и ее лечили вотъ какъ: насыпали въ горшокъ конопли, наливали горячую воду и, опуская туда раскаленные камни, сажали надѣ паромъ страдавшую отъ зубной боли, укрывали ее одѣяломъ. Бѣдная—сидѣла надѣ паромъ нѣсколько минутъ, раскрывши ротъ,—боль унималась. Говорили тогда, будто изъ зубовъ выходили червячки, которыхъ и находили въ горшкѣ, принимая за нихъ бѣлое содержаніе конопляныхъ зеренъ, выходившихъ изъ разварившейся скорлупы ихъ.—Каковы бы ни были морозы, но дѣти для естественной нужды должны были вы-

ходить на дворъ. Не помню, чтобы послѣ парной ванны освобождалась отъ того сестра. И мы выросли и до того закалились, что знали только холодъ, но не простуду. Мы ходили босыми и безъ верхняго платья не только весною и осенью, но и зимою. Перезябали на дворѣ и отогрѣвались на варистой печкѣ. Нашею пищею былъ ржаной черствый хлѣбъ, лакомствомъ гречневая каша—только лѣтомъ съ молокомъ, а зимою—въ скоромные дни—съ малымъ количествомъ коровьяго масла, а въ постные—съ масломъ коноплянымъ, которое было очень дорого—1 р. 20 коп. кварта.—Тяжелы были посты, отъ которыхъ не освобождались дѣти съ 2-хъ лѣтняго возраста. Кислая капуста, рѣдька, хрѣнъ и щи изъ кислой капусты намъ не нравились, и потому мы исключительно питались хлѣбомъ и кашею. Въ Филипповъ постъ у насъ не было молока: коровы телились послѣ Рождества. Для груднаго ребенка посылали искать молока во всей деревнѣ и часто не находили. Брата *Евграфа* кормили рожкомъ; я помню, какъ иногда онъ оставался вовсе безъ молока, и какъ иногда кормили его молокомъ прокислымъ. Сосокъ на рожкѣ постоянно былъ покрытъ молочною кислотой, а другого соска достать было трудно. Хорошо дѣлали нѣкоторыя матери, что кормили грудью дѣтей до двухъ съ половиною лѣтъ. Въ великій постъ, хотя было и много молока, но его не давали и 3-хъ—лѣтнимъ дѣтямъ. Однажды 4-хъ—лѣтняя сестра моя *Аннушка*, увидя остатки молочной каши, которою кормили грудное дитя, громко спросила мать: „вотъ каша, я поѣмъ ее, мама!“—„Вѣшь, когда хочешь“, разсѣянно отвѣчала мать, роясь въ кухнѣ между бѣльемъ. Сестра поѣла и, неся горшокъ въ кухню, говорила: „ахъ, мама, какъ хороша каша!“—Мать, увидѣвши горшокъ, ахнула и зарыдала. Прибѣжалъ отецъ и нисколько не успокаивалъ ее, а напротивъ въ свою очередь поднялъ шумъ. Это было около 1812 года—въ великій Постъ.—Въ слѣдующую зиму—въ Филипповъ постъ Аннушка умерла; но не помню, чтобы больше въ постъ давали скоромное...

Горницу отопливали соломой; грубка скоро остывала. Изба была не курная, и оттого сырая и холодная. Зимою стѣны покрывались инеемъ, а окна—массами льда. Зимой коровъ доили въ избѣ,—здѣсь жили и ягнята, а въ подпольѣ поросная свинья. Въ такую избу мы приходили грѣться на печи и обѣдать; дубовый столъ, на которомъ обѣдали, стоялъ предъ оледенѣвшимъ окномъ. Обѣдали безъ скатерти, потому что столъ мыли и скоблили ежедневно и два раза. Ъли изъ одного блюда деревянными ложками—въ одно время съ работникомъ и работницей. О, какъ

въ постные дни были не по вкусу дѣтямъ квасъ съ квашеной капустой и хрѣномъ или рѣдкою, щи и тоже съ кислую капустою! Но насъ принуждали ѣсть и угрожали не дать послѣдняго кушанья—каши... Иногда подавали саламать или вареное ложенное тѣсто, калину, и масленки, которые приготавливали такъ: толкли въ ступѣ конопляное сѣмя съ лукомъ, сжимали въ комки и подавали на столъ.—

Я обыкновенно, какъ здоровый ребенокъ, спалъ крѣпко и долго; меня никакъ нельзя было разбудить; отъ того постель и рубахи всегда были не только мокрыми, но и замаранными. Не знаю, принимали ли какія мѣры, чтобы во-время разбудить меня; пняекъ и горничныхъ не было; работникъ и работница цѣлый день были въ работѣ. До свѣта должны были молотить, въ 8 часовъ утра давать кормъ скоту, свиньямъ и птицамъ; въ обѣдъ—поить скотъ, послѣ обѣда—опять кормить всю живность на дворѣ. А было этой живности не мало: пара лошадей, 2 коровы, 5 свиней, 12 овецъ, 20 куръ, 3 индюшки, 2 гуся, 2 утки. Каждый видъ живности требовалъ особеннаго ухода. Мать занята была уходомъ за грудными дѣтьми и обшиваньемъ семьи. Мыли насъ на полу,—парились въ варистой печи.

Я развивался тупо; физическая сторона всегда перевѣшивала душевную. Однажды я забрался на огородъ. Тамъ посажены были между грядками прививки фруктовыхъ деревьевъ. Не знаю, для чего ихъ я выдергивалъ изъ земли, но отецъ засталъ меня за этою работою. Отецъ остановилъ меня, но оставилъ безъ наказанія.—На пятомъ году я обѣлся ягодъ отъ вишневки и со мной сдѣлался припадокъ. Долго ли я находился въ конвульсіяхъ и въ безсознательномъ состояніи,—не знаю; но когда я очнулся, мнѣ дали поцѣловать мѣдный крестъ. Крестъ этотъ прыгалъ предо мною. Меня вынесли на крыльцо, и я помню, какъ все предо мною прыгало... Мнѣ указывали на предметы, но я не могъ говорить отъ крайняго заиканья, — заикою остался я до 13-тилѣтнаго возраста.

По селу протекалъ ручей, источникомъ котораго былъ ключъ воды, съ шумомъ вытекавшій изъ-подъ горы въ полу-верстномъ разстояніи отъ нашего дома. Тогда ручей былъ запруженъ плотиною при водяной мельницѣ; предъ нашимъ домомъ онъ былъ рѣчкою—съ малымъ едва замѣтнымъ теченіемъ. Въ этой рѣчкѣ я купался съ сельскими сосѣдними дѣтьми и научился плавать. Но лучшимъ удовольствіемъ было катанье съ берега въ рѣку. Покатистый берегъ смачивался водою и смазывался грязью. Выбѣгая изъ воды одинъ за другимъ, мы садились на эту покати-

стую дорожку и быстро скатывались въ воду; дорожка почему-то называлась *таланомъ*.—Въ этой рѣкѣ мочили пуки конопляныхъ стеблей, соединяя ихъ въ плоты. Эти плоты, прежде чѣмъ погружались въ воду—отъ насыпи на нихъ потребнаго количества земли—двигались по рѣкѣ при помощи шеста. Я любилъ смотрѣть на движеніе плота и правящаго на немъ работника. Я еще тогда не видалъ ни лодки, ни барки...

Въ одну весну плотину прорвало, мельницу сняли и вмѣсто рѣки явился ручей—шириною въ сажень. Съ дьяконовымъ сыномъ я любилъ ходить по этому ручью, ловить *голыцовъ* (маленькая рыбка безъ чешуи), собирать раковины, похожія на мидіи *), и разсматривать ихъ внутренность, а также ловить и анатомировать лягушекъ. Однажды мы нашли дохлую собаку, взяли на веревку, стащили на рѣчку и возили ее по водѣ, отчего сильно испортилась вода. За это я въ первый разъ испыталъ боль отъ сѣченія хворостиною; хворостина была взята изъ вѣтника; меня не клали на землю, а просто подняли рубаху (тогда я ходилъ еще безъ портокъ) и дали 7 или 10 ударовъ по голому тѣлу. Боль показала мнѣ адскимъ мученіемъ...

Меня не водили въ модныхъ и роскошныхъ костюмахъ. У меня былъ затрапезный халатъ и сапоги, но позволяли надѣвать ихъ только для церкви. Для зимы была овчинная шуба, покрытая самодѣлковымъ сукномъ синяго цвѣта, подпояска и шапка. Но обувь—всегда не по ногъ; сапоги покупались въ городѣ, но неудачно снятой мѣркѣ, на угадъ, тѣсные и короткіе,—принуждали разношивать. Этотъ трудъ разношиванья сапогъ оставилъ слѣды у меня на ножныхъ пальцахъ, перешедшіе и къ дѣтямъ моимъ... Это—кривизна и сгорбленность пальцевъ.

Лѣтомъ я не носилъ ни обуви, ни верхней одежды, и никакого покрова на головѣ, а ходилъ только въ длинной рубахѣ, кажется, до 8-ми лѣтъ. До сего возраста самымъ любимымъ моимъ удовольствіемъ было—вмѣстѣ съ другими дѣтьми—или полоскаться въ рѣчкѣ (ручѣй—шириною гдѣ въ сажень, гдѣ въ полтора), или копаться въ пыли, сгребая пыль въ кучки и дѣлая городки. Я не помню, чтобы кто-либо изъ компаньоновъ—моихъ сверстниковъ—имѣлъ что на головѣ, чтобы тяготился зноемъ солнечнымъ и искалъ тѣни. Мы всѣ любили полуденный свѣтъ

*) Авторъ упоминаетъ о *мидіяхъ*, какъ одесситъ—приморскій житель. *Мидіи*—это устрицы въ черепашкахъ (въ „скопкахъ“). При морскомъ волненіи, ихъ собираютъ на берегу цѣлыми тысячами. Изъ нихъ готовится кушанье—*тилавъ*, особенно любимое греками и молдаванами.—Л. М.

и жаръ солнца. Когда солнце на время закрывалось небольшимъ облакомъ,—всѣ мы вскакивали на ноги и, прыгая, кричали:

Солнышко ведрушко (*ясное*),
Твои дѣти плачутъ,
По бережку скачутъ.
Выглянь—покажися,
Дѣтямъ осябнися (*осклябнися, улыбнися*)!

Кто научилъ насъ такъ обращаться къ солнцу, мы не знали, равно не понимали словъ: *ведрушко* и *ослябнися*. Малыя дѣти заимствовали это отъ болѣе взрослыхъ, и какъ улица никогда не бѣднѣла дѣтьми—тѣми и другими,—то припѣвъ сохранялся въ уличномъ дѣтскомъ преданіи отъ временъ глубокой древности.

Зимой—въ трескучіе морозы—я рѣдко показывался на улицѣ, и то на короткое время. Въ мягкую погоду я выходилъ на улицу съ салазками (санками) и катался подъ горку; но холодъ и недостатокъ теплой обуви скоро загоняли меня домой.

Проходила зима... Уже великій постъ переломился на двое, и трескъ многіе слышали въ полночь—въ среду на кресто-поклонной недѣлѣ... Уже переѣли жаворонки, которые пекли изъ тѣста въ день 40 мучениковъ... Уже—съ дня *Алексѣя*—*Божьяго человека* показывались съ горъ потоки. Снѣгъ, почти вездѣ лежавшій на полъ сажени глубины, сталъ влажнымъ. На выгонѣ порывы въ снѣгу колодези съ свѣтлою кристальною водою. Стали появляться проталинки съ зеленою травою... Тогда трудно было удержать меня дома. Я любилъ смотрѣть на воду въ снѣговыхъ колодезяхъ, прыгать на проталинкахъ. Чрезъ недѣлю обнажали огородъ и конопляники. На нихъ я любилъ собирать поливальные черепочки—отъ изразцовыхъ печей, поливальной посуды и фарфоровыхъ чашекъ. Еще недѣля и на конопляникѣ появлялись желтенькіе цвѣточки; березы начали распускаться. Тогда вырубали въ березкахъ лунки, которые чрезъ нѣсколько минутъ наполнялись сладкимъ сокомъ. Съ какимъ наслажденіемъ я пилъ этотъ сокъ посредствомъ *дудочки*—изъ конопляныхъ стеблей! Тогда то я простуживалъ ноги и руки до ломоты; но болѣзнь проходила скоро и безъ послѣдствій...

Наступало *Вербное Воскресеніе*. Раздавали въ церкви вербу. Эта верба въ видѣ палочки сажалась въ землю и вырастала безъ поливки. Этою вербою выгоняли въ первый разъ скотъ въ поле, хотя бы на немъ было болѣе снѣгу, чѣмъ травъ. Съ этой вербою,—

говорили, — можно приобрести шапку — невидимку. Для этого надобно черную кошку въ завязанномъ мѣшкѣ понести къ церкви во время утрени первого дня Пасхи, а вербу спрятать подъ полу. Тебя непременно встрѣтитъ человекъ въ шапкѣ странной формы и спроситъ: „что въ мѣшкѣ?“ Отвѣчай: *барашекъ*. Онъ станетъ покупать барана съ мѣшкомъ, будетъ предлагать серебра и золота; но ты не бери, а проси за него шапку съ головы. Когда онъ подастъ тебѣ шапку, — ты поспѣши надѣть ее на себя, отдай ему мѣшокъ и, выхвативъ вербу, ударь его. Онъ тотчасъ исчезнетъ. Это чертъ; подъ шапкой — невидимкой онъ не будетъ видѣть тебя — и ты спѣши домой. — Та-же шапка посредствомъ вербы добывается еще такъ: палочку изъ вербы, принесенной изъ церкви, втыкають въ змѣиную головку и сажаютъ ее въ землю. Когда вырастутъ листья на вербѣ, срѣзываютъ ее у корня. Съ этою вѣткою идутъ встрѣчать стадо. Какъ свиньи бѣжатъ впереди, то на самой передней изъ нихъ усматриваютъ домового. Тогда припманываютъ къ себѣ свинью, схватываютъ съ домового шапку, а его прогоняють вербою. И какое благо эта шапка! И чего — чего нельзя добыть съ нею!..

Настала св. Пасха. По окончаніи утрени и обѣдни, которая служилась съ разсвѣтомъ и восходомъ солнца, — весь причтъ съ крестомъ, евангеліемъ и запрестольными иконами, съ женами и дѣтьми мужескаго пола — отправлялся въ приходъ и ходилъ съ двора на дворъ, не минуя ни одного дома. Въ каждомъ домѣ служился молебень, а въ иномъ — два: первый — всегда посреди двора, другой — въ конюшнѣ. — Инымъ хозяевамъ приходилось принимать св. иконы передъ вечеромъ, и они, какъ и семейства ихъ, цѣлый день принуждены были ничего не ѣсть, чтобы встрѣтить святыню и помолиться натошакъ.

И сказать, что молебны служились не въ домѣ, а среди двора. Для этого ставилась среди двора телѣга безъ оглоблей. На нее полагали двери, снятыя съ петель, или конюшенныя ворота, и покрывались скатертями. На столѣ, такимъ образомъ приготовленномъ, ставились двѣ кадочки — одна съ рожью или овсомъ, а другая — съ гречихою; въ ту и другую зарывали по десятку печеныхъ яицъ и ставились домашніе иконы. Предъ кадками клали ковригу хлѣба съ солью и куличъ. Грязный дворъ выстилали соломой, а проходъ черезъ ворота, болѣе грязный, выстилали снопами жита. Зерно и хлѣбъ назначались причту, а яйца — *оброшникамъ*.

Кто жъ это *оброшники*? — Это — дѣвки и парни, давшіе обѣтъ носить св. иконы цѣлую недѣлю и непременно натошакъ; не

рѣдко между ними бывали женщины и мужчины: имъ приходилось голодовать до самаго вечера. При переносѣ иконъ изъ одной деревни въ другую, имъ позволялось пѣть во все горло: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*.—Входя во дворъ, священникъ шелъ со крестомъ въ ризахъ, за нимъ—причтъ, за причтомъ—*оброшники* съ иконами, далѣе—толпы народа. Оброшники съ иконами становились вокругъ стола,—и начинался молебенъ.—По окончаніи молебна, на уготованномъ мѣстѣ хозяинъ, всегда старикъ, заворачивалъ полу и изъ кармана вынималъ деньги и платилъ священнику за молебенъ. Тутъ подставляли руки жены и дѣти причта, и хозяинъ одѣлялъ ихъ мѣдными монетами. Старшимъ давалъ по пятаку и по грошу, а дѣтямъ—по копѣйкѣ. А старуха—хозяйка одѣляла всѣхъ яйцами, каждый разъ лазя за ними въ пазуху рубашки.

Расквитавшись со всѣми, хозяинъ приглашалъ причтъ и хозяевъ, уже отбывшихъ пріемъ св. иконъ, въ избу—на хлѣбъ и соль. Тутъ приготовленъ былъ столъ во всю длину избы. Первымъ кушаньемъ на столѣ красовалась *свиная голова*, облитая сметаною съ хрѣномъ. На первое мѣсто подъ иконами садился священникъ и благословлялъ трапезу, по лѣвую руку отъ него—дьяконъ, далѣе—дьячекъ и пономарь, далѣе—староста церковный и просфорня, наконецъ—сосѣдніе хозяева. Послѣ свинины, слѣдовали жирныя щи, пареная баранина, молочная каша, или же молочная лапша, наконецъ жаренныя куры. У пасѣчника столъ оканчивался *кавардакомъ*, т. е. *варянухою*. Хозяинъ за каждымъ кушаньемъ обносилъ гостей водкою въ малой рюмкѣ.—Естественно священникъ съ причтомъ при 20-ти обѣдахъ не могъ ни пить, ни ѣсть; но каждую трапезу долженъ былъ благословлять и хотя губами прикоснуться къ рюмкѣ водки.—Когда священникъ ослабѣвалъ,—то, благословивъ трапезу, удалялся въ клѣтъ и отдыхалъ, и трапеза оканчивалась безъ него.

На ночь иконы не возвращались въ церковь, а поставлялись у хозяина, имѣвшаго противъ избы черезъ сѣни горенку. Сюда собирались старухи и проводили цѣлую ночь въ поклонахъ. Причтъ возвращался домой и дѣлилъ хлѣбъ и деньги. — Цѣлую недѣлю продолжалось это хожденіе съ иконами и даже въ Фомино воскресенье. — Вотъ на это-то хожденіе родители начали брать меня съ шестилѣтняго моего возраста, и я собиралъ болѣе рубля денегъ.

Послѣ Пасхи продолжались еще холода и особенно холодные вѣтры. Послѣдніе — или для того, чтобы земля обсохла, или для того, чтобы дубъ развернулся. Но къ Троицѣ лѣса покрывались густою листовою, поля—цвѣтами. Еще съ конца апрѣля я

обращался въ травоядное животное. Сперва мы, уличная компанія, собирали *баранчики* и ѣли. Это — желтые цвѣточки на стебелькахъ сочныхъ и сладкаго вкуса — рвали и ѣли полевой чеснокъ, свиргибусъ, стволы котораго имѣли рѣдичный вкусъ, — стволы лебеды, вонюки или цикуты, снѣдку, салдерей лѣсной. Потомъ выкапывали въ лѣсу корни растеній, которые называли *маслѣнами*; они имѣли форму луковицы, раздѣлявшейся на зубчики, были желтоватаго цвѣта и маслянистаго свойства. Наконецъ — щавель и налившіеся орѣхи, когда скорлупа еще не отвердѣла, а ядро такъ было мягко, какъ творогъ.

Когда наконецъ наступало лѣто, меня трудно было загнать домой. Запасшись скибою хлѣба, я цѣлый день проводилъ на воздухѣ. Отыскиваніе и разореніе птичьихъ гнѣздъ, лазанье за ними на деревья, охота за змѣями (*козюльками, гадюками*) — доставляли мнѣ удовольствіе отваги. Земляника и клубника — наслажденіе. Подъ конецъ лѣта — хожденіе по грибы, собираніе малины по лугамъ было самымъ пріятнымъ занятіемъ. Бывало — воспользуешься отсутствіемъ родителей или занятіемъ съ гостями — и бѣжишь въ лѣсъ. Тамъ ляжешь навзничъ между кустами, или на днѣ оврага, опушеннаго орѣшникомъ, и цѣлые часы смотришь на голубое небо... Что въ немъ занимало меня, — и доселѣ не могу дать отчета.. Это бывало со мною, когда я былъ 10 и 11 лѣтъ и когда не давалась мнѣ грамота.

Кажется, меня начали учить грамотѣ съ 7-ми лѣтъ — и я до 10-ти лѣтняго возраста не могъ понять. Меня *заучилъ* ¹⁾ дѣдъ. Сдѣлавъ указку, онъ усадилъ меня за славянскій букварь. Тогда другихъ азбукъ не было; первымъ урокомъ моимъ было не алфавитъ, а молитва, напечатанная предъ алфавитомъ: „Боже, въ помощь мою вонми и вразуми мя въ поученіе сіе“. Подъ диктовку дѣда я долженъ былъ гозорить эти слова молитвы и указывать на каждое изъ нихъ указкою. Я скоро заучилъ ихъ наизусть и вѣрно попадать указкою на каждое слово. Дѣдъ былъ доволенъ. Вечеромъ, когда засвѣтили лучину, дѣдъ плетшій лапти, хотѣлъ похвалиться мною предъ моими родителями. Посадилъ меня подлѣ себя, заставилъ читать и указывать на слова. Я молитву помнилъ, но неправильно указывать указкою. Дѣдъ сталъ поправлять, а я сталъ сбиваться и забывать слова. Послѣ долгихъ поправокъ, дѣдъ вышелъ изъ себя и ударилъ меня легонько лыкомъ. Я разревѣлся. Мать не позволила продолжать ученіе, настаивая на томъ, что надо начинать съ буквъ. Дѣдъ уступилъ.

1) *Заучить* — старинный терминъ. Значить — въ первый разъ поруководить отрока въ изученіи грамоты. — Л. М.

На другой день мать сама заучила меня азбукѣ, начиная съ алфавита. Я исправно произносилъ за нею: *азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть*, и на каждую букву ставилъ указку. Я скоро выучилъ эту первую строку алфавита, произносилъ каждую букву правильно и указывалъ на нее вѣрно. Но я запоминалъ только названія буквъ и переставлялъ указку съ одной буквы на другую; но не всматривался въ начертаніе ихъ; зналъ порядокъ, въ какомъ лежали буквы одна подлѣ другой, но нисколько не различалъ ихъ. Въ другой разъ, повторивши выученное, или, какъ тогда выражались, *прочитавъ зады*, я сталъ учить вторую строку алфавита и, не смотря на то, что мать указывала одна на каждую букву, опять я заучилъ только названіе и порядокъ ихъ. Такимъ образомъ я скоро выучилъ алфавитъ.—Приступили къ слогамъ: *ба, ва, га, да, жа*: я и эти слоги старался выучить наизусть и запомнить порядки ихъ; но въ начертаніе ихъ не всматривался. И такъ изловчился указывать указкою, что не пропускалъ ни одного слога. Сперва сидѣли надо мной, но слѣдили только, такъ ли я указываю. Потомъ стали учить меня издали. Этимъ способомъ я выучилъ не только всѣ слоги, но и *Азъ—земля—еръ* *Азъ, Ангелъ, Ангельскій, Оксія. Исо, варія*. *) И каждый день я исправно читалъ заднее (*зады*), даже хвалился, что могу читать ихъ безъ книги.

Дошло до „*Буди благочестивъ, уповай на Бога*“, что было напечатано гражданскими буквами. Старались объяснить мнѣ различіе этихъ буквъ отъ славянскихъ,—но я не понималъ объясненія, потому что не зналъ начертанія славянскихъ буквъ. Въ отсутствіе родителей сестры помогали мнѣ выучить слова и изъ этого отдѣла азбуки и указывать указкою на каждое изъ нихъ. Но при чтеніи задовъ я сталъ сбиваться. Заставили меня вновь учить *Азъ—земля—еръ—Азъ* по складамъ; учили, учили—бросили. Наконецъ, полагая, что я слишкомъ *перетвердилъ* азбуку, рѣшились допустить меня къ *часослову*. И велѣли учить по складамъ; я и склады и слова старался только запоминать, но опять не различалъ ни буквъ, ни складовъ. Когда это открылось, тогда признали меня и себя неспособными и отвезли меня въ Подчернево—къ дядѣ *Фирсу*.

*) *Оксія, Исо, Варія*—это греческіе термины въ старинномъ славянскомъ букварѣ,—служащіе названіями *удареній*.—Л. М.—

У Фирса повторилось со мною то же, что дома. Онъ началъ учить меня съ алфавита, но какъ я послѣ перваго указанія исправно читалъ урокъ, то скоро прошелъ Азбуку, опять таки не понимая начертанія буквъ и слоговъ.—Настала рабочая пора; Фирсъ постоянно въ полѣ, а я—на улицѣ, или въ дубовомъ лѣсу. Такъ прошло лѣто и половина осени. Отецъ мой пріѣхалъ въ Подчернево на храмовой праздникъ Казанской Божіей Матери, испыталъ меня и нашелъ, что я ничего не знаю... Дѣдъ, Фирсъ и другіе родные отца признали, что грамота мнѣ не дается, что я, какъ страшный заика, не могу быть въ духовномъ званіи. Присудили отдать меня въ сапожники и записать потомъ въ мѣщане. Когда я съ отцомъ возвратился домой, мать, услышавъ рѣшеніе отца, очень скорбѣла. Но скоро была утѣшена моими способностями.

Дома я засталъ одного мѣщанина, дальняго родственника, парня лѣтъ 20-ти. Онъ скрывался у насъ отъ солдатчины, и жилъ у насъ, пока прошло время рекрутскаго набора. Онъ выучилъ только азбуку и умѣлъ подписывать свое имя—и то славянскими буквами. Я просилъ его научить меня писать свое имя. Онъ научилъ меня не только писать мое имя, но имена сестеръ, работницы и работника. Первый урокъ данъ былъ имъ на дворѣ при заборѣ—мѣломъ. Потомъ—дома грифелемъ—на аспидной доскѣ, которая находилась у отца безъ употребленія.

При обученіи меня писать „Николай“, „Настасія, Катерина, Орива и Харитонъ“, онъ указалъ въ букварѣ буквы, входящія въ эти названія, и научилъ, какъ ихъ срисовывать; въ слогахъ азбуки онъ отыскалъ мнѣ слоги: Ни-ко-ла; На-та-ша; Ка-те-ри-на; Ха-ри-то. Какъ-то онъ старался показать мнѣ и значеніе этихъ слоговъ въ составѣ словъ. Не помню, какимъ процессомъ догадки или разумѣнія я понялъ значеніе буквъ и слоговъ въ составѣ словъ; но я уже бросилъ писать, а началъ разбирать и понимать въ азбукѣ все, что прежде изучалъ наизусть. Повязка съ глазъ моихъ спала... Я совершенно понялъ секретъ чтенія...

У отца постоянно лежала на столѣ книга *Четьи-Минеи* текущаго мѣсяца. Однажды я заглянулъ въ нее, и къ изумленію своему я увидѣлъ въ ней тѣ же буквы и тѣ же слоги, что и въ азбукѣ. Попробовалъ читать,—читается безъ труда. Я сталъ читать далѣе,—читается все легче и легче; я прочиталъ уже половину страницы, какъ вошла въ избу мать. Увидѣвши, что я читаю *Четью-Минею*,—она заставила меня прочесть житіе съ начала, и изумилась моему правильному и твердому чтенію... „Иванъ Але-

ксѣвичъ! Иванъ Алексѣвичъ! Посмотри-ка, какъ читаетъ Колинъка!“—Отецъ вошелъ въ избу, долго слушалъ и ничего не говорилъ; наконецъ сказалъ дрожащимъ голосомъ и, можетъ быть, сквозь слезы: „Рано тебѣ братья за Четью-Минею; возмись-ка за часословъ,—это нужнѣе.“

Съ этихъ поръ засадили меня за Часословъ и томили съ утра до вечера. Но я выучилъ только четвертую часть этой книжки до „Тебе Необоримую...“ Мнѣ правилось то, что другіе читали. Не училъ я и Псалтыря. Вмѣстѣ съ часословомъ я учился и писать. Зимой въ спертomъ воздухѣ избы и горницы у меня развилась золотуха. Особенно большія раны появились—одна на лѣвой рукѣ, другая—подъ правымъ глазомъ. На рукѣ рана скоро зажила, но подъ глазомъ приняла злокачественный характеръ; здѣсь даже выгнила маленькая косточка.—Какъ только наступила весна, меня отвезли въ Мценскъ къ Степану Ѳедоровичу, мужу моей родной тетки по матери. Онъ выдавалъ себя за лекаря, позанимствовавъ отъ своего брата—полкового лекаря—кой-какія свѣдѣнія о лекарствахъ. Отъ его ли ухода, или отъ того, что я свободенъ былъ отъ трудовъ ученія, рана зажила, и только остался шрамъ и стянуло книзу нижнюю вѣку, отчего правый глазъ у меня и доселѣ кажется больше, чѣмъ лѣвый. Двоюродные братья называли меня: *драный глазъ*, *дериглазъ*, а въ училищѣ: *окулюсь*, *окулъ*, *вокулъ*. Эта кличка осталась за мной до Академіи. Иначе не называли меня, какъ *Вокулъ*.

Проживъ въ Мценскѣ цѣлое лѣто и зиму, дома я еще прожилъ лѣто безъ усидчиваго ученія. Все не рѣшались, куда меня готовить, и везти-ли въ училище. Это лѣто я провелъ, можно сказать, въ объятіяхъ природы. Я спалъ въ сѣнникѣ, день проводилъ въ Ярушкѣ, прежде описанной мною. Я сталъ заикаться менѣе; меня сносно было слушать, а пѣлъ я вовсе не заикаясь.

Не знаю, кто внушилъ отцу попробовать отвезти меня въ училище. Только отецъ не скоро рѣшился. Курсъ тогда начинался съ 1-го сентября; но отецъ едва въ половинѣ этого мѣсяца собрался везти меня въ Сѣвскъ.—Я помню проводы свои. Меня благословляли какъ ратника, оплакивали какъ отправляющагося на тяжкія мученія и смерть. И дѣйствительно, кому вручали мальчика? Архіерей не завѣдывалъ Семинарією, а только покровительствовалъ. Ректоръ и инспекторъ были архимандриты. Они высоко себя держали и никогда не позволяли себѣ унижаться до того, чтобы видѣть, какъ живетъ мальчикъ на квартирѣ, сытъ ли онъ, одѣтъ ли, не обижаетъ ли его кто.—Но прежде чѣмъ

описывать опредѣленіе меня въ училище, которое было соединено съ семинарією и находилось въ Сѣвскѣ, ворочусь къ послѣднему лѣту, которое я провелъ, какъ сказалъ, въ объятіяхъ природы.—

Въ это лѣто мнѣ пришлось *завивать вѣнки* на Троицынъ день— съ народомъ, испытать жизнь и труды пастуха сельскаго стада и быть свидѣтелемъ опахиванія дворовъ во время чумы на рогатый скотъ.

Троицынъ день одинъ изъ весеннихъ праздниковъ въ Орловской губерніи. Еще съ вечера каждый хозяинъ полы дома усыпалъ травою, окна украшалъ вѣтвями; предъ фасадомъ дома тянулись ряды вкопанныхъ молодыхъ березокъ. Въ 8 часовъ утра, по благовѣсту, вся деревня и шла и ѣхала къ церкви, мужчины и женщины съ пучками березовыхъ вѣтвей и душистыхъ травъ, особенно полевой зари (*любисты*, по маллороссійски, русальны— по болгарски)—Божья-деревя. Церковь, устланная зеленою травою и украшенная кленовыми и березовыми вѣтвями, преображалась въ райскую обитель. Каждый изъ молящагося народа, большой и малый, стоялъ обѣдно съ пучкомъ вѣтокъ и душистыхъ травъ. Благоуханіе разливалось по церкви. По окончаніи обѣдни весь народъ, кромѣ стариковъ и старухъ, расхаживалъ по роднымъ могиламъ, окружающимъ церковь, плелъ вѣнокъ и, надѣвъ его на голову, возвращался домой, представляя собою картину самую пріятную. Пришедши домой, снимали вѣнки и развѣшивали по стѣнѣ и вокругъ св. иконъ. Съ этихъ вѣнковъ, уже засохшихъ, послѣ спускали воду, давали пить больнымъ, клали на одержимыхъ падучею болѣзнію, вѣшали въ конюшняхъ, оберегая тѣмъ коней отъ чужого домового.—Въ этотъ день обѣдали на-скоро, оставляя послѣднія кушанья какъ-то: жаркія и короваи молодымъ, отправлявшимся тотчасъ послѣ обѣда въ лѣсъ—*завивать вѣнки*.

Въ часу первомъ по полудни березнякъ, дубнякъ и орѣшникъ Ярушки наполнялись группами народа, мужчинъ и женщинъ, молодыхъ людей, дѣвицъ и дѣтей. Со всѣхъ сторонъ раздавались пѣсни, протяжныя и плясовые. Въ часу пятомъ пѣсни и игры смолкали. Всѣ садились кружками на зеленую траву, разлагали кушанья, пироги, короваи, яйца и жаркія, и угощали другъ друга; кромѣ браги и квасу, другихъ напитковъ не было. Послѣ этого полдника, всѣ вили вѣнки и желающіе кумились между собою, или завязывали дружбу на цѣлый годъ. Для этого соединяли двѣ вѣтви двухъ деревьевъ, находившихся въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, и связывали концами самихъ вѣтвей

въ крѣпкій узелъ. Потомъ, надѣвъ на голову вѣнки и стоя подъ аркою связанныхъ вѣтвей другъ противъ друга, протягивали другъ другъ правыя руки—съ словами: „будь кумомъ, будь кумою“ и переводили другъ друга на свою сторону—три раза, сопровождая каждый переходъ объятіями и поцѣлуями. Послѣ чего цѣлый годъ называли другъ друга кумовьями.

Эти завязи дружбы происходили между дѣвками и молодыми людьми, между женщинами и мужчинами; а иногда между лицами одного пола. Тѣ, кто не занимался завязью дружбы, начинали пляски уже въ вѣнкахъ на головѣ. Но скоро завиваніе вѣнковъ прекращалось: всѣ спѣшили до захода солнца выйти изъ лѣсу и, раздѣлясь на группы, въ вѣнкахъ, съ пѣснями, возвращались домой. Многіе приходили къ рѣчкѣ и бросали вѣнки свои на воду и гадали, смотря потому, погружаются ли вѣнки въ воду, или остаются на поверхности ея.

Спѣшили оставить лѣсъ до заката солнца потому, что съ ночи Троицына дня на цѣлую недѣлю лѣсомъ овладѣвали *русалки*. Это—молодые существа женскаго пола, ходятъ голыя, безъ обуви и безъ покрова на головѣ. Тѣло у нихъ бѣлое, какъ снѣгъ, лицо свѣтлое, какъ восходящая луна, волосы—красновато-свѣтлые и длинными локонами разстилаются по плечамъ. Онѣ легки, какъ пухъ, быстро перебѣгаютъ отъ дерева къ дереву, перескакиваютъ съ вѣтви на вѣтвь и, качаясь на вѣтвяхъ, чистымъ и нѣжнымъ голосомъ альта зовутъ подругъ: „кума, кума—приходи!“ Дѣвокъ и молодыхъ женщинъ не любятъ и когда увидятъ какую въ лѣсу, нападаютъ на нее, срываютъ одежду и вѣтвями прогоняютъ изъ лѣса. Но мужчинъ съ хохотомъ окружаютъ, рвутъ одежды, пока совершенно не сдѣлаютъ голыми, потомъ сзади хватаютъ подъ мышки, щекотаніемъ приводятъ ихъ въ хохотъ и щекочатъ до тѣхъ поръ, пока они не падаютъ въ обморокъ. Тогда, осыпая ихъ поцѣлуями, берутъ на руки и невидимками приносятъ въ домъ и полагаютъ на ихъ постели, а жена-таго—къ женѣ подъ бокъ. Стариковъ же и старухъ русалки не любятъ и прячутся; имъ доводится слышать только голоса русалокъ и видѣть, какъ вѣтви колеблются подъ ними, когда онѣ качаются.

Одному изъ отважныхъ молодыхъ людей сильно захотѣлось видѣть русалокъ. Чтобы избѣжать щекотанія ихъ, ему посовѣтовали обратиться напередъ къ знахарю. Вотъ какой рецептъ далъ ему знахарь: „когда настанетъ ночь и всѣ лягутъ спать, и ты ляжъ на своей постели и не спи, пока всѣ не заснутъ. Когда

всѣ захрапять, ты поднимись, раздѣнься до-гола и надѣнь два креста, одинъ на грудь, другой на спину. Русалки оттого нападаютъ сзади, а не спереди, что бояться креста на груди; а какъ у тебя будетъ висѣть крестъ и на спинѣ, и притомъ ты будешь голъ, то они будутъ играть съ тобой, но до тебя не коснутся.“— Парень строго выполнилъ наставленія знахаря. Онъ легъ первый и притворился спящимъ; когда полегло все семейство и заснуло, онъ—долой съ себя рубашку, надѣлъ два креста, такъ что одинъ висѣлъ на груди, другой—на спинѣ, и шмыгъ изъ дому—черезъ огородъ, коноплянникъ, ниву—духомъ перелетѣлъ въ лѣсъ. Смотрить: множество русалокъ! Однѣ качаются по вѣтвямъ, другія—водятъ хороводы, нныя поютъ, хохочутъ. Онъ всѣ были голыя. Тѣла ихъ были бѣлы, какъ снѣгъ; лица сіяли, какъ полная луна; волосы свѣтло-огненные кудрями падали по плечамъ. Парень остолбенѣлъ отъ страха и восторга. Долго онъ любовался красотою русалокъ, граціозными движеніями, пріятными и звонкими голосами и неподдѣльнымъ восторгомъ и веселіемъ ихъ. Вдругъ русалки затихли и стали неподвижны. Они почуяли духъ человѣка и, взглянувъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ парень, вдругъ бросились къ нему съ хохотомъ и рукоплесканіями, и окружили его. Каждая хотѣла обнимать и цѣловать парня, но руки и губы не прикасались къ нему. Каждая забѣгала назадъ и старалась схватить подъ мышки, чтобы щекотаніемъ расположить его къ хохоту и веселію; но опять руки ихъ не прикасались къ парню. Тогда парень ободрился,—онъ самъ началъ играть съ ними, старался схватить которую-нибудь; но руки его не прикасались къ ней. Онъ пѣлъ и плясалъ съ русалками цѣлую ночь. Къ утру они заманили парня въ кусты—на густую и высокую траву и стали качаться по травѣ. Имъ послѣдоваль и парень. Но вдругъ крестъ, висѣвшій на спинѣ, спалъ съ него. Русалки схватили его сзади подъ мышки и начали щекотать. Онъ хохоталъ до тѣхъ поръ, пока не упалъ замертво. Тогда чужлось ему, что русалки положили его на вѣтви и понесли его молча. Вынесли изъ лѣсу, вотъ несутъ его черезъ ниву, коноплянникъ, дворъ, внесли въ избу и, надѣвъ на него рубашку и порты, кладутъ на постелю. Затѣмъ уходятъ и уносятъ вѣтви. Парню все еще слышался вдали хохотъ и пѣсни русалокъ. Наконецъ онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Его едва могъ разбудить отецъ крикомъ: „покуда ты будешь дрыхнуть, вставай,—уже солнце взошло!“—Объ этой ночи парня у русалокъ знали и рассказывали не только жители нашего села, но и жители сосѣднихъ селъ. Если бы сдѣлать объ

этомъ событіи повальный обыскъ, то подтвердили бы не только крестьяне, но и помѣщики ихъ.—

Послѣ *Семичкой недѣли* въ лѣсу уже не бываетъ русалокъ. Одни говорятъ, что онѣ поднимаются вверхъ и живутъ на облакахъ; другіе думаютъ, что онѣ скрываются подъ землею и спятъ тамъ остальное время года; а иные думаютъ, будто онѣ переселяются въ рѣки. Но послѣднее мнѣніе никѣмъ не принимается въ Орловской губерніи. Каждому извѣстно, что въ водѣ рѣкъ живетъ *Водяной*, который принимаетъ въ свои объятія всякаго утопленника и задерживаетъ его, не давая ему жить на воздухѣ. При мѣѣ, когда откачивали потонушаго мальчика *Ерофея*, трудившіеся надъ этимъ мѣщане кричали обыкновенно: „нашъ Ерофей! живъ Ерофей!“ И не говорили, что въ водѣ задерживали его русалки, а утверждали, что держалъ его „*Дядь Водяной*“.—Врали еще, будто русалки не покидали лѣса, а превращались въ бабочки, и одна изъ нихъ ржала по лошадиному и свистала какъ человѣкъ. Но это неправда. Если въ лѣсу слышалось ржаніе и свистъ, то это ржалъ и свисталъ *Лышій*. Когда я ѣхалъ по лѣсу, возвращаясь изъ г. Мценска съ матерію и работникомъ, вдругъ послышались ржаніе и свистъ. Работникъ перекрестился, мать—тоже. Когда я спросилъ: кто это,—мѣ не отвѣчали, и только по выѣздѣ изъ лѣса работникъ сказалъ: это—*Лышій*. А мать промолвила: „да, но онъ бонется креста и молитвы“.—Говорили еще, будто русалки, оставивъ лѣсъ, долго еще остаются на нивахъ и безмолвно катаются въ волнахъ нивы. Но это—ложь. На поляхъ есть *Полевой*. Отъ него много страдаютъ охотники на перепеловъ. Иногда па звукъ дудочки подъ раскинутую сѣть бѣжитъ отлично голосятый перепелъ, а гляди на сѣть,—откуда ни возмись—падаетъ камень, или борона, и едва не губитъ ловца.

До поступленія въ училище я былъ свидѣтелемъ *опахиванія дворовъ*—во время падежа на рогатый скотъ. Это несчастіе потому смущаетъ село, что неминуемымъ послѣдствіемъ его бываетъ смерть двухлѣтнихъ и трехлѣтнихъ дѣтей. Съ коровъ, какъ утверждали, смерть переходитъ на дѣтей. Дѣтей этого возраста обыкновенно кормятъ молочною кашею, или въ чашку съ молокомъ крошатъ хлѣбъ. Естественно, что съ гибелью коровъ сохнутъ и гибнутъ дѣти, особенно если безъ молока остаются на зиму.—Для прекращенія падежа стараются *выгнать изъ села смерть*, а для этого вотъ что дѣлаютъ. Наряжаютъ 9 дѣвокъ съ иконами и приглашаютъ бабъ возможнымъ безобразіемъ устрашить смерть и выпнать ее. Наступаетъ ночь. Дѣвки съ иконами и фонарями

выходятъ за околицу. Выходятъ и бабы. Дѣвки, одѣтыя въ праздничное платье, съ иконами вступаютъ въ село съ возможною тишиною и безмолвіемъ, читая про себя молитвы. На разстояніи 50 сажень отъ нихъ идутъ за ними бабы—огромною толпою, босая, безъ всякаго покрова на головѣ и въ однихъ рубашкахъ. Каждая изъ нихъ вооружена или вилами, или толкачемъ, или кочергою, или помеломъ, или же дубиною, коломъ, цѣпомъ, оглоблей. Всѣ онѣ, расплетая косы, распускаютъ волосы не только по плечамъ и назадъ, но и напередъ; инныя изъ нихъ спускаютъ рубашку до поясницы и на талии укрѣпляютъ ее рукавами: впереди ихъ идетъ соха, поддерживаемая двумя бабами; въ нее запряжена женщина въ послѣднемъ періодѣ беременности. Наклоня соху на одну сторону однимъ сошникомъ, они проводятъ мелкую борозду по селу и когда вступятъ въ деревню, измѣнивъ голосъ на мужской, изъ всѣхъ силъ начинаютъ кричать:

Ой смерть! Ой смерть!
Выди вонъ, выди вонъ!
Изъ нашего—изъ села—
Изъ закуты—изъ двора.

Мы идемъ съ кочергами,
Съ помелами, съ толкачами,
Со дубинами и цѣпами...
Мы идемъ, мы идемъ—
Девять дѣвокъ съ иконами,
Одна баба брюхатая.—
О смерть, мы убьемъ
На огнѣ всю сождемъ!..

Далѣе поютъ похабную пѣсню:

Рябина, рябина!

Наконецъ приходятъ въ неистовство, прыгаютъ, крутятся, выкрикиваютъ срамныя слова; противъ cadaго дома половина ихъ отдѣляется отъ толпы, подбѣгаетъ къ воротамъ и сильно стучить, произнося срамныя ругательства. Пройдя такимъ образомъ всю деревню сохою и поколотивъ въ каждыя ворота,—за другою околицею раскладываютъ огонь. Но дѣвки не принимаютъ участія, а обходятъ бѣснующихся другой дорогой и возвращаются домой.

До поступленія въ училище мнѣ пришлось испытать жизнь и трудъ пастуха сельскаго стада. Въ селѣ Спасскомъ было три стада. Къ одному изъ стадъ принадлежалъ и скотъ поповки. Случилось, что одинъ изъ двухъ пастуховъ этого стада померъ. Была пора рабочая, послѣдніе дни іюля. Нанять пастуха трудно. Рѣшили, чтобы каждый дворъ по очереди давалъ помощника пастуха на время, пропорціальное количеству скота. Нашему двору пришлось отбывать 4 дня. Работника нельзя было оторвать отъ косьбы, работница съ утра до вечера на жнивѣ. Сестры мои также жали, но безъ работницы не могли оставаться въ полѣ. Послали меня, и я охотно согласился, лишь бы не сидѣть дома, не выпуская изъ рукъ книги или пера. Съ другой стороны я очень стыдился званія пастуха, почему-то считавшагося ниже званія батрака. Этотъ ложный стыдъ раздѣляли и мои родители. Но устроили такъ, чтобы я не былъ при стадѣ, когда пригоняли къ нему изъ дворовъ скотъ, а присоединялся къ пастуху уже въ полѣ.—Меня снабжали на цѣлый день хлѣбомъ, печеными яйцами и сдобными ватрушками, которыя нарочито готовились для меня. Еще до восхода солнца съ сумкою за плечами я отправлялся въ поле. Но не смотря на эту предосторожность, пригонявшіе скотъ къ стаду всегда узнавали отъ пастуха, кто на этотъ день былъ его помощникомъ.

Въ полѣ я съ удовольствіемъ присоединялся къ пастуху, бралъ 3-хъ—саженный кнутъ и хлопалъ имъ для своей забавы, пока не былъ останавливаемъ пастухомъ, просившимъ не пугать попусту скотъ. „Успѣешь еще нахлопаться, когда скотъ наѣстся и станетъ расходиться въ разныя стороны“. До 10-ти часовъ я съ удовольствіемъ шелъ за стадомъ и раздѣлялъ съ пастухомъ завтракъ; но настала жара,—сытый скотъ сталъ бродить въ стороны, каждые полчаса надобно было собирать его, дрессированной собаки не было, всюду бѣгалъ я. Къ полдню ноги мои подкосились, я усталъ и тутъ только почувствовалъ, что для пастуха нужна не сытная пища, а болѣе—вода. У пастуха былъ за плечами кувшинъ съ водою. Но онъ не давалъ мнѣ пить болѣе двухъ глотковъ. Но вотъ—согнали скотъ на десятину полдневать. Хозяинъ десятины платилъ пастуху за то небольшія деньги. Скотъ ложился; растягивался на землѣ и я съ пастухомъ. Пастухъ спалъ, обливаемый потомъ—подъ роемъ мухъ; но я по непривычкѣ не могъ спать. Я томился отъ зноя и попивалъ изъ кувшина воду. Часа чрезъ два проснулся пастухъ, бросился къ кувшину, а тамъ оставалось не болѣе двухъ глотковъ. Тогда онъ выругалъ

меня.—Подняли скоть, солнце свалилось съ полудня, но зной усилился. Меня томила жажда. Пастухъ мурчалъ себѣ подъ носъ, должно быть ругалъ меня. Тогда я сталъ умолять, чтобы скорѣе гналъ скоть къ рѣченкѣ; но *Меркулъ* не отвѣчалъ мнѣ, или отвѣчалъ: „рано, рано; солнце только что свалилось съ полдня.“ Однако жажда и его пробирала. „Постой,—сказалъ онъ—я пойду къ косарямъ, не разбудусь ли водою, а ты смотри—не давай свиньямъ расходиться“. Я остался одинъ при стадѣ. Овцы и коровы дѣйствительно не расходились; но проклятыя свиньи измучили меня. Безпрестанно я бѣгалъ за ними, и занималъ ихъ, пригоняя къ стаду. Полчаса отсутствія пастуха показались мнѣ иѣлымъ вѣкомъ. Я изнемогалъ... Вдругъ появился Меркулъ, одною рукою поднимая кувшинъ, а другою указывая на нѣсколько свиней, далеко отдѣлившихся отъ стада. Но я—ни съ мѣста, а только кричу ему: воды, воды! Приблизился Меркулъ и, не выпуская кувшина изъ рукъ, далъ мнѣ хлебнуть изъ него одинъ глотокъ, спустя минуту—далъ другой. Вода была холодная, какъ сольда. „Ты, видно, въ деревню ходилъ за льдомъ“, сказалъ я.—„Зачѣмъ въ деревню? Косари и безъ льда умѣютъ выстуживать воду“—отвѣчалъ онъ, и затѣмъ послалъ меня залучить свиней. Когда я возвратился, онъ далъ мнѣ уже разомъ три глотка воды, потомъ сталъ рассказывать, какъ на покосѣ охлаждають воду. Но я понялъ способъ охлажденія, когда чрезъ годъ самъ присутствовалъ при употребленіи его. На покосахъ во многихъ мѣстахъ остаются небольшія лужи отъ весеннихъ снѣговъ. Въ этихъ лужахъ, отъ зноя почти горячихъ, кишмя-кишатъ насѣкомыя и головастики. Отъ прикосновенія чьего-либо къ водѣ, головастики убѣгаютъ на дно. Но черпая эту воду нельзя избавиться отъ инфузорій. Мужички наливають этою водою большой кувшинъ и врывають его въ землю. Затѣмъ наливають чугунный котель и грѣють его. Въ тоже время копають вокругъ кувшина ровокъ, на разстояніи отъ него въ одинъ и полтора аршина. Наконецъ кипятокъ вливають въ ровокъ и держуть палець воткнувъ его въ землю, въ разстояніи на два вершка отъ кувшина. Едва палець почувствуетъ теплоту, какъ тотчасъ вынимають кувшинъ изъ земли. Вода въ этомъ кувшинѣ становится холодною. Напившись изъ него, остатки воды въ кувшинѣ сохраняють, закапывая кувшинъ въ сырую землю на другомъ мѣстѣ.

Солнце начало склоняться къ закату; появилась прохлада; пастухъ обратилъ стадо къ селу, чтобъ не догоняя его до села, напоить его въ рѣченкѣ. Я едва волочилъ ноги—и Меркулъ от-

пустилъ меня, примолвивъ: „теперь стадо и безъ насъ пойдетъ на водопой и съ водопоя побѣжитъ домой.“ Я едва доплелся домой. Казалось, что совсѣмъ останусь безъ ногъ. Но на другой день я опять готовъ былъ пасти стадо. Но родители уже не пустили меня, а заплатили что-то Акимъ Петровичу, чтобы взялся отбыть и нашу, и свою череду. Но онъ не одинъ пошелъ, а съ сыномъ, сверстникомъ моимъ, и, тоже пославъ сына къ сборному мѣсту стада, самъ присоединился къ Меркулу уже въ полѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.¹⁾

Поступленіе мое въ училище.

Поѣздка въ Сѣвскъ.—Классы Сѣвской семинаріи и ея зданія.—Мѣстность Сѣвской семинаріи нездоровая.—Квартирная жизнь.—Учебный бытъ и что преподавалось въ каждомъ классѣ.—Собраніе учениками весною травъ и кореньевъ.—Торжественный актъ съ диспутами.—Поѣздка домой на первыя вакаціи.—Поѣздка на Пасху съ приключеніями.—Хожденіе на утреню въ архіерейскую церковь зимою.—Дежурство въ больницѣ.—Жизнь на новой квартирѣ и болѣзнь. Риторы—соквартиранты: *Атлантовъ* и *Воскресенскій*.—Философъ *Иванъ Алексѣевъ*. *Борисовъ* и его *затѣи*.—Ловля рыбы архіерейскимъ неводомъ.—Поѣздка на каникулы 1817 г.

Курсъ въ училищѣ начинался съ 1-го сентября. Не знаю, почему отецъ мой пропустилъ срокъ опредѣленія моего въ училище и повезъ меня въ Сѣвскъ послѣ Рождества Хр., въ началѣ 1816 года. Должно быть колебался, примутъ ли заику въ училище, и не отдать ли меня въ сапожники, какъ многіе совѣтовали и какъ сдѣлалъ Акимъ Петровичъ съ полу-пѣтымъ сыномъ своимъ *Михаиломъ*.

Не помню зимней поѣздки въ Сѣвскъ, отстоящій отъ с. Спасскаго на 175 верстъ; но помню, какъ, отѣхавъ отъ Орла нѣсколько верстъ, мы сѣзжались съ другими священниками и дьячками, везшими дѣтей въ Сѣвскъ. Отецъ находилъ между священниками товарищей по воспитанію и на станціяхъ пріятно проводилъ время.

Училище въ Сѣвскѣ соединено было съ Семинаріею, или правильнѣе—тогда не было училища, а одна Семинарія съ низшими классами, управляемая однимъ ректоромъ и префектомъ,

¹⁾ См. „Кіевскую Старину“—мартъ-апрѣль 1906 г.

т. е. инспекторомъ. Классы были слѣдующіе: 1) Низшая элементарія; 2) Высшая элементарія; 3) Грамматика; 4) Синтаксисъ; 5) Поэзія; 6) Младшая риторика; 7) Старшая риторика; 8) Философія и 9) Богословія. Ученики первыхъ старшихъ классовъ именовались *студентами*—*богословами* и *философами*; ученики среднихъ классовъ назывались *риторами*, *піитами* и *синтаксистами*; а ученики низшихъ классовъ назывались *учениками перваго, втораго и третьяго класса*,—или: *низшей элементаріи*, *высшей элементаріи* и *грамматики*.—Семинарія эта была на всю епархію или губернію и заключала въ себѣ до 700 душъ. Она помѣщалась въ одномъ двоэтажномъ каменномъ корпусѣ 40 сажень длины, и 9 или 10 ширины и 5 вышины. Въ нижнемъ, какъ и въ верхнемъ, этажъ было по 2 коридора. Изъ каждаго коридора 4 двери вели въ огромныя залы. Залы были одного размѣра и всѣхъ ихъ было 16. Три части заняты были классами и библіотекою, а 4-я помѣщеніемъ *бурсы*.—По правую сторону корпуса былъ небольшою домъ подъ деревянной крышей, занимавшійся инспекторомъ; противъ него тянулись три смежныя флигеля для больницы и учителей, а ниже ихъ, отступя на 10 сажень, стояло зданіе, заключавшее въ себѣ хлѣбню, кухню и столовую для бурсы. Эта столовая отстояла отъ корпуса на 100 саж.—По другую сторону площади противъ корпуса, въ 20 саженьяхъ отъ него, стоялъ домикъ Правленія и при немъ страшный колокольчикъ. Далѣе противъ корпуса, въ 40 саженьяхъ отъ Правленія, стояло двух-этажное деревянное зданіе, заключавшее въ себѣ одинъ большой залъ съ окнами въ два ряда по длинѣ его и съ обѣихъ сторонъ. Въ немъ—двѣ стѣны глухихъ (безъ оконъ). При одной стояла *катедра*, надъ другою возвышались *хоры*. Это—*авдиторія*. За авдиторію, въ 30 саженьяхъ отъ нея, стоялъ домикъ—квартира ректора, одноэтажный съ галлереею, раздѣлявшійся на двѣ половины. Этотъ домикъ стоялъ уже противъ *монастыря*, или по крайней мѣрѣ противъ службъ его¹⁾.—Противъ другого конца монастыря или ограды его стоялъ домъ въ родѣ постоялаго двора. Въ этомъ домѣ была *харчевня*.—Семинарія—на площади. Позади ея—дубовая роща, а съ лѣвой стороны—березовая. Обѣ насаждены, да и Семинарія устроена пресв. *Аполлосомъ Байбаковымъ*, или предшественникомъ его.²⁾

1) Это былъ *Спаскій монастырь*, подъ г. Сѣвскомъ, считавшійся тогда *архіерейскимъ домомъ* Епископовъ Сѣвскихъ и Орловскихъ—Л. М.

2) Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ рисунокъ плана Семинарскихъ зданій, сдѣланный наскоро перомъ—Л. М.

Своекоштные ученики квартировали на *слободкѣ*, которая тянулась по берегу рѣки *Съвы* и заворачивалась *глаголемъ* къ березовой рошѣ, тянувшейся позади домовъ слободки за огородами и кирпичными сараями. *Слободку* составляли дома штатныхъ архіерейскихъ служителей. Отъ Семинаріи до слободки надобно было итти добрыхъ $\frac{1}{4}$ версты и на Слободкѣ до *глаголика* еще болѣе чѣмъ пол-версты. Тѣмъ, которые квартировали на глаголикѣ, приходилось каждый день *выходить* $1\frac{1}{2}$ версты. Тѣ, которые не помѣщались на слободкѣ, квартировали въ городѣ, въ одной части его, называвшейся *Заморицею*.¹⁾

Мѣстность, на которой расположенъ архіерейскій монастырь съ Семинаріею, слободкою и позади ихъ двумя небольшими рощами—дубовою и березовою—это *островъ* въ полторы квадратныхъ версты среди болотъ, соединяющійся съ городомъ и полями посредствомъ *гатей*. По направленію къ городу болото простирается на двѣ версты; противъ Слободки за рѣкою оно простирается такъ далеко, что и конца не видно; позади рошъ болото небольшое. Позади инспекторскаго дома, до части города, называемой *Заморицею*, оно не болѣе *полверсты*. За рѣкою болото покрыто лозникомъ и другими кустарными деревьями; но топи трясины не позволяютъ пользоваться ими; другія болота покрыты мохомъ и проходимы, хотя и съ трудомъ. Мѣстность возвышается надъ болотами не болѣе, какъ на 3 сажени, тогда какъ городъ и окрестныя поля—на 15 саженой и болѣе. Съ этой мѣстности городъ кажется стоящимъ на горѣ, и окрестныя поля кажутся горами.—Мѣстность—самая нездоровая, хотя по растительности и удобствамъ купанья довольно пріятная. Весною—за рѣчкою соловьи; лягушки поднимали такой трескъ, что не давали спать. Но въ іюнѣ и іюлѣ появлялись лихорадки и горячки, которыхъ рѣдкій изъ новыхъ учениковъ избѣгалъ. Смертность была большая, но на нее некому было обращать вниманіе²⁾. Забирали больныхъ въ больницу; но изъ нея немногіе возвращались на квартиры³⁾. Объ

1) Далѣе слѣдуетъ *планъ слободки*.—Л. М.

2) Обратилъ на это вниманіе въ 1804 г. Ректоръ Сѣвской Семинаріи. Архим. *Филаретъ Амфитеатровъ* и горячо настаивалъ на перемѣщеніи Семинаріи въ г. Орелъ... Но своею настойчивостію вызвалъ гнѣвъ тогдашняго архіерея *Досіея* и былъ переведенъ въ Уфу...—Л. М.

3) Объ анти-санитарномъ положеніи Сѣвской Семинаріи упоминается въ біографіи знаменитаго профессора Кіевской академіи Я. К. Амфитеатрова: „Больно вспомнить о прежней Сѣвской Семинаріи! Въ ней воспитывалось болѣе тысячи дѣтей. Она была на разстояніи отъ города около 900 саженой, окруженная со всѣхъ

устройствѣ, средствахъ и порядкахъ тогдашней семинарской больницы разкажу въ своемъ мѣстѣ. А теперь попробую изобразить эту мѣстность съ птичьяго полета—по отношенію къ окружающимъ ее болотамъ, городу и полямъ¹⁾.

Отецъ явился со мною къ инспектору, добрѣйшему архимандриту; поднесъ ему серебряный рубль. Инспекторъ записалъ меня въ *нижнюю элементарію* и послалъ насъ къ учителю. Не знаю, что отецъ далъ учителю—и учитель записалъ меня въ свой списокъ. Но ни тотъ, ни другой не только не экзаменовалъ меня, но даже и не говорилъ со мною. Отецъ никакъ не ожидалъ такого легкаго пріема и былъ въ веселомъ расположеніи духа.

Отецъ поставилъ меня на квартиру, на которой жили мои двоюродные братья, дѣти діакона *Стефана Троцкого*, лѣчившаго когда-то мой глазъ. Одинъ изъ нихъ, *Иванъ*, уже полтора года былъ въ Семинаріи, а *Петръ* предупредилъ меня однимъ годомъ и былъ въ высшей элементаріи. Хозяйка была *Сыденчиха*, а мужъ ея *Хома Андреевичъ*, сухощавый старикъ, отличался тѣмъ, что, возвращаясь изъ города по гати пьяненькій, всегда оралъ одну и ту же пѣсню: „Пріятель, пріятель, другъ сердешный, позабылъ свое прежнее пріятельство!“ Голосъ его слышанъ былъ въ домѣ архіерея. Но его никто не останавливалъ; должно быть онъ уже былъ сверхштатный. Видно, тогда выслужившіе свой срокъ штатные служители не возвращались на родину; отъ того и слободка была такъ велика, болѣе 60 домовъ. А сколько штатныхъ служителей жило въ самомъ монастырѣ, сколько на хуторѣ, въ *Юшиной*!²⁾

сторонъ болотами, въ то время непроходимыми, свирѣпствовавшими лихорадками и сильными горячками. Сколько дѣтей здѣсь померло“.. См. брошюру *В. П. Аскоченскаго*: „Я. К. Амфитеатровъ“. Кіевъ 1851 г. стр. 2.—Л. М.

1) Слѣдуетъ дальше рисунокъ *съ птичьяго полета* всей мѣстности, среди которой находилась Сѣвская Семинарія. — Всѣ эти рисунки показываютъ, какъ хорошо и живо помнилъ о. Н. И. Соколовъ мѣстности, гдѣ началось его первоначальное школьное образованіе, и какъ подробно хотѣлъ запечатлѣть всѣ подробности и характерныя черты этой мѣстности.—Сѣвская Семинарія интересна для насъ, между прочимъ, и потому, что здѣсь воспитывался и потомъ былъ учителемъ, а затѣмъ и начальникомъ (сначала *Префектомъ*, а потомъ *Ректоромъ*) приспомятанный кіевскій митрополитъ *Филаретъ Амфитеатровъ* (1795 — 1804 гг.)—Л. М.

2) *Юшина* — это загородный архіерейскій домъ — въ 15 верстахъ отъ Сѣвска. О немъ будетъ говорить ниже—Л. М.

За 15 лѣтъ назадъ отецъ мой и самъ квартировалъ у *Сьденчихи* и тѣмъ охотнѣе оставилъ меня у ней на квартирѣ. Не знаю, за какую цѣну договорился съ нею.—Не помню, какъ отецъ простился со мною, но помню, что онъ купилъ сундучекъ; войлокъ и подушка привезены были изъ дому; книжку *Лексикончикъ*¹⁾, бумаги 2 дести сѣрой и одну дестъ синей. Денегъ мнѣ оставилъ мѣдными рубль; куплена была для меня чернильница, орѣшки съ купоросомъ²⁾, линейка и карандашъ изъ свинца, ножичекъ перочинный и перьевъ до сотни. Рубашекъ привезено было три, столько же портокъ. Кромѣ того у меня была овчинная шуба, крытая синимъ сукномъ, шапка, пестрадевый халатъ и картузь для лѣта, жилетка; галстуха не было; сапогъ пара съ чулками; но я скоро почувствовалъ нужду въ лаптяхъ.

Въ избу приходили только обѣдать и ужинать, а остальное время до и послѣ классовъ проводили въ *горницѣ* съ двумя окнами. Горница эта—въ 2½ сажени длины и 2 ширины. Въ комнатѣ этой стоялъ столъ со скамьями вокругъ него. Кровать была одна, только для старшаго ритора, а прочіе спали на землѣ, одинъ—на столѣ. Садиться за столъ, для исправленія уроковъ, тогда говорилось: *садиться за порядокъ*. Ложились спать въ 10 часовъ, вставали въ 6 часовъ. Вставши, каждый скатывалъ свой войлокъ съ подушкою и клалъ въ уголъ комнаты; одѣялъ не было; укрывались шубами, а лѣтомъ—халатами.

Въ одной комнатѣ насъ жило 8 душъ. Мы не различали спертаго воздуха отъ чистаго, хотя рѣдкій изъ насъ не имѣлъ чесотки на рукахъ. Но кто тогда заботился о чистотѣ воздуха? Гдѣ я ни жилъ, вездѣ не было въ окнахъ фортокъ. Самыя чистыя и здоровыя помѣщенія—это были только *курныя избы*, потому что въ нихъ каждый день смѣнялся воздухъ. Не знаю, почему мы мало болѣли; видно—потому, что каждый день ходили въ классъ, и до обѣда, и послѣ обѣда, отмѣривая полверсты, и часто выбѣгали на дворъ играть.

1) *Лексикончикъ*—это былъ латинскій букварь, въ концѣ коего былъ маленький словарь латинскихъ словъ. Подъ такимъ названіемъ „Лексикончикъ“ эта книжечка была извѣстна и позже—въ мое время, когда, въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка, я, подъ руководствомъ отца, сталъ знакомиться съ первыми элементами латыни.—Л. М.

2) Какъ матеріалъ для приготовленія *чернилъ*, что въ то время, какъ и въ наше, дѣлалъ каждый ученикъ.—Л. М.

Въ квартирѣ я болѣе страдалъ отъ двоюродныхъ братьевъ. Они тотчасъ сообщили другимъ мою уличную кличку *дегиглазъ*, которую измѣнили другія на *окуль* и *вокуль*. Я былъ слабосиленъ и принужденъ былъ сносить обиды.

Классъ *нижней элементаріи*, какъ и всѣ классы Семинаріи, былъ въ большой продолговатой залѣ. Парты были длиною въ 2 сажени съ половиною и шириной въ аршинъ съ четвертью. Проножки были толщиною въ четверть; верхняя доска—въ 2 вершка толщины. Скамьи—массивныя. Въ классѣ была грубка; но она никогда не отоплялась. Въ печкѣ хранились березовыя лозы. Въ классѣ были *авдиторы* и *авдиторъ аудиторумъ*; былъ *цензоръ*, смотрѣвшій за поведеніемъ и порядкомъ, были два *дневальные*, подметавшіе классы. Чернила отогрѣвали дыханіемъ; учитель въ сильные морозы позволялъ сидѣть въ шапкахъ. У каждого аудитора велась нотата. Въ первой графѣ этого листа писались имена и фамиліи учениковъ. Далѣе шли графы съ означеніемъ въ каждой изъ нихъ числа мѣсяца. Въ каждое число противъ каждого ученика писались отмѣтки: *cs* (*scit*), *nt* (*non totum*), *ev*. (*erravit*), *nsc*. (*nescit*), *abs* (*abest*—нѣтъ въ классѣ), *aegr*. (*aegrotus*—боленъ), *nud*. (*nudus*—безъ обуви). За *nsc*. — сѣкли, за *nt*.—ставили на колѣни; за *err*.—только бранили осломъ, лѣвивцемъ, дуракомъ.

Въ *нижней элементаріи* учили *Лексикончикъ* по 10 словъ на урокъ и писали съ латинскихъ и русскихъ прописей. Писали и цифры до ста и до тысячи, но ариѳметика ни въ этомъ, ни въ другихъ классахъ не преподавалась (?). Студенты и учителя умѣли слагать и вычитать только на счетахъ.—Перешедшіе въ *высшую элементарію* покупали *Каменскаго* латинскую грамматику и *Гибнерову* исторію на латинскомъ языкѣ. Первое полугодіе учили склоненія и спряженія; во второе полугодіе повторяли пройденное и переводили первыя главы Св. Исторіи Гибнера съ латинскаго на русскій языкъ съ этимологическимъ разборомъ.

Въ *грамматическомъ* классѣ учили неправильныя глаголы и продолжали *Гибнерову* исторію и, кажется, оканчивали ее.—Въ *синтаксическомъ* классѣ учили синтаксисъ по *Каменскаго* грамматикѣ, и учитель задавалъ переводы съ латинскаго на русскій и обратно.—Въ классѣ *поэзіи* учили просодію, опять по *Каменскому*, и піитику преосв. *Аполлоса Байбакова*.—Въ *младшей риторикѣ* проходили риторикѣ и упражнялись съ составленіи хрій—простой и аеоніанской, изучали тропы и фигуры, на русскомъ и латинскомъ языкѣ.—Въ *старшей риторикѣ* учи-

ли рѣчи Цицерона и упражнялись въ составленіи рѣчей и разсужденій, на русскомъ и латинскомъ языкѣ.—Въ *философіи* проходили логику, психологію и метафизику по *Бавмейстеру* и писали разсужденія на латинскомъ языкѣ, и какъ въ этомъ классѣ преподавалось и объяснялось все на латинскомъ языкѣ, то немногіе могли писать философскія разсужденія по русски. Но такія разсужденія не цѣнились.—Въ *богословіи* преподавалось богословіе, кажется по *Фальковскому*, на латинскомъ языкѣ, и Свящ. Писаніе. Занимались латинскими толковниками.—Самоучкой знакомились съ нѣмецкимъ, французскимъ и греческимъ (?) языками, всегда по библіямъ на этихъ языкахъ. Упражнялись въ проповѣдяхъ.—Говорили мнѣ послѣ, что переводъ книги *Богъ въ натурѣ* сдѣланъ въ Сѣвской Семинаріи, когда я былъ въ нижней элементаріи.¹⁾

Съ переходомъ въ классъ философіи ученики получали право зимой носить нагольные шубы на распашку, носить шинели и лѣтомъ сертуки, а богословамъ сверхъ того разрешалось носить косы.

Кромѣ *старшаго* въ квартирѣ, надъ 3-мя и 4-мя квартирантами былъ *квартирный инспекторъ*—изъ студентовъ богослововъ, а надъ этими инспекторами—*сеніоръ*; инспектору ученики вносили каждый по 10 копѣекъ, по 3 пера и по 3 листа бумаги.

Съ наступленіемъ весны ученики первыхъ 4-хъ классовъ, начиная съ элементарій, отпускались въ лѣса и на поля подъ руководствомъ старшихъ, преимущественно риторовъ, собирать лѣкарственные травы и рыть корни. Почему при самомъ поступленіи въ Семинарію родители снабжали ученика *копкомъ* (палкою съ желѣзною лопаточкою). Мы собирали *веронику*, *львиныя копытца* и корни, называемые *раковыми шейками*. Эти травы и корни сносили въ больницу къ подлекарю, которымъ былъ тогда иподьяконъ. Изъ этихъ травъ выжимался сокъ, а корни рѣзались, сушились и толклись въ порошокъ.

Съ наступленіемъ іюня насъ посылали за цвѣтами, которые потомъ приносили въ аудиторію, гдѣ старшіе дѣлали изъ нихъ корзинны, гирлянды и паникадила. Для этого большею частію

¹⁾ Переводчикомъ книги „Богъ въ натурѣ“ былъ учитель Сѣвской Семинаріи *Андрей Кондр. Сильвестровъ*. Но это было раньше—(въ 1800—1802 гг.), когда Ректоромъ Сѣвской Сем. былъ архим. *Израиль Заягинцевъ*, а префектомъ—*Филаретъ Амфиитеатровъ*. См. въ „Домашней Бесѣдѣ“ 1863 г. (вып. 4.) *автобіографію* извѣстнаго духовнаго композитора протоіерея *П. П. Турчанинова*.—

употреблялись желтые пуповки и синіе васильки, какъ не теряющіе своего цвѣта и въ сухомъ состояніи. Низать ихъ на нитку все-таки возлагали на учениковъ младшихъ классовъ по ряду.

Не помню, чтобы въ низшихъ классахъ были экзамены. Учитель высшей элементаріи пришелъ въ классъ. Посмотрѣлъ тетради, потомъ сталъ выкликать по списку и ставить насъ къ двери, потомъ повелъ насъ во 2-й классъ. Не помню, остался ли кто въ первомъ классѣ. Сказалъ, чтобъ покупали грамматику Камецкаго и Гибнера исторію, и распустилъ насъ на работы въ аудиторіи. До 15-го іюля никто не смѣлъ ѣхать домой.

Мнѣ довелось видѣть торжественный актъ въ аудиторіи, и я обязанъ былъ этимъ тому, что за нѣсколько дней выбранъ регентомъ въ семинарскіе пѣвчіе, хотя послѣ признанъ мой голосъ негодимъ. Съ пѣвчими я протѣснился на хоры. Тамъ уже были семинарскіе музыканты съ скрипками, флейтами, кларнетами и виолончелями, большею частію риторы и философы. Въ аудиторіи по каждую сторону стояли скамьи, на которыхъ помѣщались ученики старшихъ классовъ, начиная съ піитики; посрединѣ стояли стулья и кресла. На нихъ сидѣли священники изъ города и чиновники. Всѣ были въ ожиданіи архіерея *Досифея* и, какъ говорили тогда, генерала *Попова* изъ деревни. Черезъ часъ прибылъ архіерей съ господиномъ въ сертукѣ, но со звѣздой; говорили тогда, что это генераль и онъ то присылаетъ хлѣбъ и масло на весь годъ для Семинаріи. Только что вошли они, хоръ пѣвчихъ и музыкантовъ встрѣтили ихъ шумною пьесою. Кажется, пѣли и играли: *Громъ победы раздавайся, Александръ—Елисаветъ, раздавайся громъ победы*. Ректоръ архимандритъ взошелъ на кафедру и что-то читалъ. Потомъ богословъ *Иванъ Григорьевичъ Переверзевъ* читалъ стихи своего сочиненія. Это былъ отличный импровизаторъ, но къ несчастью запивалъ. Затѣмъ богословъ *Говоровъ* читалъ о чемъ-то разсужденіе. Поднялся богословъ другой и началъ говорить съ нимъ. Въ этотъ разговоръ вмѣшался третій, уже учитель. Пѣвчіе говорили между собою: *начинается диспутъ*. Поднимается старый протоіерей, начинаетъ говорить на латинскомъ языкѣ. За нимъ поднимаются другіе священники. Наконецъ что-то говорилъ архіерей—и споръ прекратился. Началась игра музыкантовъ. За ними пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Я очень былъ глупъ, чтобы понимать, что дѣлалось. Но изъ разговоровъ старшихъ, цѣлый день судившихъ и разсуждавшихъ, уяснился для меня актъ и

то, что было на немъ.—Говорили, что риторы приносили въ аудиторію издѣлія своей работы: сундуки, шкатулки, жилеты, сапоги, лапти, переплеты, и смѣялись надъ тѣмъ, что одинъ риторъ принесъ лѣстницу своего издѣлія. Я не знаю,—въ аудиторіи всего этого не было видно.

Послѣ торжества въ аудиторіи брали билеты на отпускъ, съѣзжались изъ деревень извозчики и занимали площадь противъ семинарскаго корпуса. На слободкѣ—неизобразимое веселіе, всѣ въ восторгѣ, и особенно ученики младшихъ классовъ. Извозчики на 200 верстѣ брали 4 рубля съ человѣка; на полтора до Орла и проч.—3 рубля, а мнѣ до Спасскаго приходилось платить 3 рубля 50 коп. Каждый извозчикъ завозилъ пассажировъ въ домъ свой и бесплатно угощалъ блинами или горячими пирогами. На этотъ разъ я такъ объѣлся пироговъ, что цѣлую дорогу былъ въ жару и, пріѣхавъ домой, вылежалъ въ горячкѣ недѣлю или болѣе.

Предъ этою поѣздкою я испыталъ другую. Къ празднику Пасхи отпускали домой только ближайшихъ; но меня двоюродные братцы подбили обмануть начальство, показавъ себя жителемъ ближайшаго города. Инспекторъ архимандритъ, при всей своей добротѣ, былъ неумолимъ первые дни Страстной недѣли. На Великій четвертокъ—на умовеніе ногъ—онъ былъ апостоломъ Петромъ, и цѣлый день былъ въ восторгѣ. Разнесся слухъ, что онъ подписываетъ билеты безъ разбора. Настрочили риторы мнѣ билетъ; я опрометью побѣжалъ съ нимъ къ архимандриту. У него стояло много учениковъ съ билетами. Я вошелъ со страхомъ и слезами. Взглянувъ на меня, архимандритъ спросилъ: „и тебѣ хочется домой?“ Въ отвѣтъ я зарыдалъ и не могъ вымолвить ни одного слова. Архимандритъ взялъ изъ рукъ моихъ билетъ и не читая подписалъ его. Съ какимъ восторгомъ я летѣлъ на квартиру! А тутъ братецъ Иванъ обработалъ и подводу. Ъхали на Орелъ *Остромысленскіе*—два брата, ученики изъ синтаксиса, и унтеръ-офицеръ. Въ тотъ же день и я съ ними выѣхалъ. Проѣхали г. Дмитревку благополучно, пріѣхали въ Кромь. Выѣхавъ изъ Кромъ, молодой унтеръ-офицеръ требовалъ, чтобы, согласно договору, сперва ѣхали въ Орелъ, а послѣ уже чтобы развезъ другихъ пассажировъ по дорогѣ на Мало-Архангельскъ. Но извозчикъ, избѣгая круга, не соглашался. Началась ссора. Солдатъ выхватилъ меня изъ повозки, бросилъ сколько-то денегъ извозчику и повелъ меня пѣшкомъ. Это было въ великую субботу. Дорога грязная. Я изнемогъ,—солдатъ взялъ мой узелъ на свои плечи и велъ меня къ

Орлу проселочными дорогами. Къ вечеру достигли деревни. Вошедши въ избу, я повалился на полъ и, положивъ свой узелъ подъ голову, тотчасъ заснулъ. Ночью меня пробудило пѣніе: гляжу—множество мужиковъ и бабъ въ сѣняхъ и противоположной избѣ горницѣ поютъ: *Христосъ Воскресе*,—но не по нашему.—Что это?—„Спи!“—закричалъ на меня солдатъ; я повалился, но замѣтилъ, что подо мною не голый полъ, а солома.—До свѣту разбудилъ меня солдатъ. Я вышелъ на улицу, стоитъ тройка. „Садись!“—сказалъ солдатъ,—къ обѣдни будемъ въ Орлѣ.“—И дѣйствительно, солнце было не слишкомъ высоко—и мы уже въѣзжали въ городъ. Проѣхавъ шлагбаумъ, солдатъ остановился подлѣ кабака; пошелъ туда и чрезъ минуту выносить мнѣ кусочекъ пасхи и порядочный стаканчикъ водки—съ словами: „на, разговѣйся!“ Я съѣлъ пасхи и выпилъ водку.—Ну—куда тебя везти?“—Я сказалъ фамилію портного, жившаго за Орличнымъ мостомъ, знакомаго моему отцу. У него отецъ мой ночевалъ, когда везъ меня въ Сѣвскъ. Солдатъ отыскалъ этого портного, но я такъ опьянѣлъ, что вошелъ къ портному шатаясь и едва могъ объяснить свое положеніе. Я просилъ портного заплатить солдату; но заплатилъ ли онъ, не знаю; только помню—между ними былъ споръ и ссора. Поѣвши чего-то, я совершенно оправился. Ночь спалъ крѣпко. Рано утромъ я пошелъ домой пѣшій. Портной снабдилъ меня большимъ кускомъ хлѣба.

Когда я шелъ большой дорогою,—до Оптухи встрѣчались юди, и мнѣ не страшно было. Но когда отъ Оптухи пошелъ проселочною дорогою, я шелъ на угадъ; я часто отдыхалъ. На полути вдали я замѣтилъ, что бѣжитъ большая собака. Она была выше полныни, остававшейся съ осени на межахъ. Собака бѣжала по межѣ позади за полынью. Находясь отъ нея за 50 сажень, я присѣлъ. Когда она стала перебѣгать дорогу, она показала мнѣ длинную и рослою. Я еще не видѣлъ волка, но мнѣ пришло на мысль, не волкъ ли это—и я прилегъ къ землѣ. Минуть чрезъ 10 я поднялъ голову,—ничего не видно; поднялся на ноги, осмотрѣлся на всѣ стороны,—ничего вокругъ не было. Тогда я пошелъ, прибавивъ шагъ: страхъ придавалъ силъ. Скоро увидѣлась церковь—и я залился слезами радости. Тутъ же я увидѣлъ коровъ, которыя бродили по полю. Я уже видѣлъ себя внѣ опасности. Но тогда-же почувствовалъ сильную слабость въ ногахъ. Я легъ на землю и едва не заснулъ. Встрепенувшись, я пошелъ скорымъ шагомъ по направленію къ церкви. Близъ церкви—на погостѣ—никого не было. Но когда я пошелъ переулкомъ,

ведущимъ къ дому, меня увидѣли сестры; онѣ бросились бѣжать отъ меня, какъ отъ привидѣнія, и побѣжали домой. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ съ сестрами отца и мать—и не могъ сойти съ мѣста. Мать и сестры плакали, а отецъ закричалъ: „а гдѣ билетъ?“ Я вынулъ билетъ и отдалъ ему. Это было уже передъ вечеромъ. Сейчасъ меня кормить; но я отъ усталости и радости не могъ ничего ѣсть; и при своей заиковости едва могъ рассказать, какъ ѣхать подбили братья, какъ учили меня обмануть инспектора и какъ я безъ обмана получилъ билетъ, какъ и съ кѣмъ ѣхалъ, какъ шелъ пѣшій съ унтеръ-офицеромъ, какъ ночевалъ у раскольниковъ подъ Св. Пасху, кто заплатилъ за меня въ Орлѣ и какъ пришлось мнѣ видѣть волка.—Не помню, брали-ль меня въ приходъ. Какъ хожденіе съ образами оканчивалось обыкновенно въ Троицко-Сергіевѣ, —то въ понедѣльникъ отецъ началъ собираться везти меня въ Сѣвскъ.

Не помню ни одного обстоятельства изъ этой трех-дневной дороги. Но пріѣхавъ въ Сѣвскъ, отецъ явилъ меня инспектору и учителю. По совѣту *Василія Лукича Переверзева*, студента философій, онъ не оставилъ меня у Сиденчихи—съ братьями, а помѣстилъ въ квартирѣ квартирнаго инспектора *Ивана Григорьевича Данкова*, студента богословія. Домъ этой квартиры стоялъ черезъ дорогу отъ дома Сиденчихи, въ концѣ архіерейскаго огорода, надъ самой рѣчкой Сѣвою. Этотъ домъ построенъ былъ однимъ изъ протоіереевъ для квартированія его дѣтей, которые въ мое время были уже философами. Домъ раздѣлялся на двѣ половины. Въ первой, большой кухнѣ съ полатыми, помѣщались ученики младшихъ классовъ, числомъ 5 душъ. Въ другой половинѣ помѣщались инспекторъ, два философа, протоіерейскихъ сына, —забылъ фамилію ихъ,—и два ритора: *Воскресенскій* и *Атлантовъ*. Инспекторъ и философы имѣли кровати. А гдѣ спали риторы, не помню. Мы же—младшіе спали въ избѣ на полатяхъ. Жили, какъ говорили тогда, *обществомъ*, только не слагались провизією, а только деньгами. Кажется, протоіерей изъ деревни снабжалъ *общество* всею провизією по дешевой цѣнѣ. Я помню на дворѣ амбаръ, наполненный мукой, крупой и всякой всячиной. Имъ завѣдывалъ комиссаръ *Воскресенскій* вмѣстѣ съ кухаркою, женщиною не со всѣмъ старой, поставленной отъ протоіерея. Деньги хранились у инспектора. Комиссаръ съ однимъ изъ младшихъ ежедневно ходилъ за говядиною въ городъ.

Василій Лукичъ Переверзевъ чрезъ Остромысленскихъ развѣдалъ, кто это былъ солдатъ, съ которымъ я странствовалъ. Это

былъ *Лукинъ*, помѣщикъ однодворецъ, не изъ даточныхъ. Баталіонъ, въ которомъ онъ служилъ, квартировалъ въ городѣ. Отецъ мой рѣшился съ нимъ видѣться и поѣхалъ со мною въ городъ. Какъ обрадовался отецъ, когда нашелъ Лукина! Оказалось, что отецъ зналъ его мальчикомъ и знакомъ былъ съ его родителями, имѣвшими своихъ крестьянъ и большое хозяйство. Сейчасъ его въ трактиръ. Заказана солянка, подовые пирожки, потребована водка. Тутъ открылось, что Лукинъ бралъ отпускъ на короткое время св. Пасхи, и за упрямствомъ извозчика, не хотѣвшаго ѣхать на Орель, ему и мнѣ приходилось проводить Пасху въ Мало-Архангельскѣ. Оказалось, что онъ за меня заплатилъ — какъ первому, такъ и послѣднему извозчику. Портной ничего не возвратилъ Лукину. Отецъ съ благодарностію заплатилъ ему издержанное на меня, хотя онъ и отказывался.

Прежде чѣмъ говорить о раздольной жизни въ квартирѣ инспектора, стоитъ вспомнить нѣкоторыя обстоятельства зимней моей жизни въ квартирѣ Сиденчихи. Отъ Рождества до Пасхи была зима снѣжная и холодная. Сапоги трескались на морозѣ. Я замѣнилъ ихъ лаптями, но у меня не было онучъ, и я надѣвалъ по два чулка на ногу. Голова хорошо была защищена *треухомъ*; но у меня небыло рукавицъ, а только вязанки. Рѣдкій день, чтобы я не отмораживалъ себѣ носа, или щекъ, и незнобилъ рукъ до ломоты. Вообще я былъ нѣженъ, слабъ силами и вялъ на перенесеніе страданій. Глубоко и мрачными чертами вѣзались у меня въ память *хожденіе къ утрени* въ архіерейскую церковь и *дневальство* въ больницы.

Ночью подъ воскресенье—не знаю въ какомъ часу—бывало раздается громкій голосъ посланнаго отъ квартирнаго инспектора съ сильнымъ стукомъ въ двери—и съ этимъ стукомъ онъ кричалъ: „выходите къ утрени!“ Вышедши изъ квартиръ на дорогу и ставши по два въ рядъ, должны были стоять четверть часа на одномъ мѣстѣ, пока не подойдутъ такъ называвшіяся инспекторства съ *Глаголика*. Это стояніе въ снѣгу и на морозѣ было пыткой. Когда рядки всѣхъ инспекторствъ соединятся, тогда раздается команда: „пошелъ! не выходить изъ ряда!“ Но рядкомъ шли только низшіе и средніе классы, а студенты шли внѣ порядка, по сторонамъ. Бывало слышишь тамъ и сямъ крикъ „оборы. оборы! сукинъ сынъ!“ Это значило: у кого-либо развязались веревки, которыми прикрѣпляются лапти и онучи къ ногамъ,—и онъ, несчастный, за каждымъ шагомъ клуетъ носомъ въ снѣгъ, и когда растянется по дорогѣ, чрезъ него всѣ перескакиваютъ,

пока риторы сильными ногами не спихнуть его съ дороги на сторону. Здѣсь несчастный весь въ снѣгу сидитъ на снѣгу, исправляя обувь своими заоченѣлыми руками. Обыкновенно несчастный рюмить, или реветъ; но это не трогаетъ никого: рядокъ продолжаетъ идти безостановочно. Даже студенты молча обходятъ копающагося въ снѣгу. Слободка оканчивается за $\frac{1}{4}$ версты до архіерейской церкви, и квартирующимъ на Глаголикѣ приходилось мѣсить снѣгъ почти цѣлую версту. Въ церкви не молились, а только стояли, и инспекторы смотрѣли, чтобы ряды учениковъ были правильны, и въ случаѣ кто задремлетъ и упадетъ, тотчасъ поднимали за волосы, или рвали вихорь, когда кто самъ успѣвалъ подняться.

Въ первую зиму мнѣ пришлось быть дневальнымъ въ больницѣ. Не помню, сколько было больныхъ, но ими наполнялись двѣ большія комнаты. У каждаго была особая кровать, но кровати стояли близко одна отъ другой. Въмѣсто войлоковъ или матрацовъ служили постели изъ мягкаго камыша, который называли *нюнькою*. Такой камышъ росъ въ водѣ по мелкимъ мѣстамъ рѣки Сѣвы. Стебель былъ толщиною въ два пальца; внутренность его наполняла масса ноздреватаго вещества. Пуки этого мягкаго и упругаго камыша, толщиною въ большой кулакъ и длиною въ аршинъ съ $\frac{1}{4}$, связывались тонкими шнурками, и изъ нихъ выходилъ матрацъ. На этомъ матрацѣ съ подушкою въ головѣ лежали больные. Не помню, что служило имъ одѣяломъ. Въ больницѣ было жарко. Больнымъ въ пищу давали кулѣшъ, а въ лѣкарство — микстуры, приготовленныя изъ травъ, собранныхъ учениками весною. Дневальные находились въ 3-ей комнатѣ больницы — противъ дверей подлекаря, иподіакона. Риторы давали больнымъ лѣкарства, а на насъ безпрестанно кричали „дневальный, ряжку!“ — и мы поочередно опрометью бѣжали за этими ряжками. Насъ было трое, а риторовъ двое. Особенно тяжело было намъ ночью: мы дремали, пробуждаясь драньемъ за волосы.

На квартирѣ въ домѣ подъ рѣчкою я прожилъ лѣто до каникулъ и весь слѣдующій годъ. Изъ лѣта 1816 года осталось въ памяти у меня только удобство жизни и хорошій столъ. Съ половины мая, мы, младшіе соквартиранты, каждый день купались по три раза: утромъ — до класса, послѣ обѣда и передъ ужиномъ. На ракитѣ (вербѣ) я сдѣлалъ себѣ постель, — тамъ училъ уроки, и любилъ тамъ проводить время, ничего не дѣлая. Но въ іюнѣ испыталъ я дѣйствіе окружающихъ болотъ — перенесъ двухнедѣльную горячку. Въ болѣзни посѣтилъ меня Вас. Лук. Пере-

верзевъ. По его ли просьбѣ, или по добротѣ инспектора, я избѣжалъ больницы. Когда инспекторъ былъ дома и ученики не уходили въ классъ, я лежалъ въ избѣ на лавкѣ, а когда никого не было дома, кромѣ кухарки, — я выползалъ на дворъ и лежалъ подъ сараемъ или на травѣ подъ шлетнемъ и просилъ кухарку не говорить о томъ даже ученикамъ. Я ничего не ѣлъ, а только пилъ воду. По ночамъ и вечерамъ былъ я въ безпамятствѣ. Выздоровленіе мое было, можно сказать, мгновенное. Однажды я проснулся съ восходомъ солнца, — мнѣ стало весело, голова не болѣла, пить не хотѣлось. Я увидалъ на столѣ полскибки хлѣба, оставшагося отъ ужина, и мнѣ захотѣлось ѣсть. Съѣвши эти полскибки, я попробовалъ ходить: ничего! шатаюсь и держась за стѣны, я вышелъ на дворъ. Солнце уже высоко поднялось. Какъ мнѣ стало пріятно и весело! Когда меня возвратили въ избу, я просилъ хлѣба. Мнѣ дали немного; съѣвши хлѣбъ, я заснулъ. Когда возвратились ученики изъ класса, я уже ходилъ по избѣ. Послѣ этой болѣзни у меня раскрылась чрезвычайная память. Все, что выучили изъ *Лексикончика* въ недѣлю, я выучилъ въ два дня, къ изумленію товарищей. Послѣ этой болѣзни я сталъ и говорить лучше. Сборъ цвѣтовъ для аудиторіи совершенно поправилъ мое здоровье. Остальное время до 15 іюля выше описано мною.

Въ высшей элементаріи я учился хорошо. Послѣ каникулъ мнѣ куплены были двѣ книги Гибнеровой свящ. Исторіи на латинскомъ языкѣ и Каменскаго грамматика. Послѣдняя была слишкомъ подержана. Она обыкновенно продавалась пѣнтами и риторами и платилась дорого. У нѣкоторыхъ учениковъ была обмоченная въ коноплянное масло и высушенная, и считалась самою прочною. Какъ прошла осень и зима, не помню; но лѣто 1817 года мнѣ памятно по многимъ событіямъ, выходившимъ изъ ряду.

Съ весны каждое воскресенье предъ обѣдней стали водить насъ въ залъ богословскій. Тамъ читались разсужденія и проповѣди съ декламациею. Всѣ, понимавшіе чтеніе и произношеніе, все хвалили перваго студента *Ивана Алексѣевича Борисова* ¹⁾. Какъ онъ чаще другихъ появлялся на кафедрѣ, то и я сталъ присматриваться къ его декламациѣ и у меня запало въ памяти одно слово: „*путеводною звѣздою*“, которое онъ сопровождалъ дви-

¹⁾ *Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ* (впослѣдствіи знаменитый архіепископъ *Иннокентій*) былъ въ это время въ философскомъ классѣ — имѣлъ тогда 17 лѣтъ отъ роду. — Л. М.

женіемъ руки и глазъ въ сторону. Потомъ, рассказывали риторы, будто архіерей Досифей поручилъ ректору и инспектору секретно высѣчь Борисова и двухъ другихъ семинаристовъ за какія - то большія шалости ¹⁾, давъ каждому по 25 ударовъ. Риторы съ похвалою прибавляли, будто Борисовъ, вложивъ кулакъ въ ротъ, перенесъ удары ни разу не крикнувъ. Когда это было, до появленія ли его на публичной кафедрѣ, или послѣ, — не могу сказать. Борисовъ и зимой ходилъ къ Данкову съ другими семинаристами; но живя въ избѣ, мы — малые не знали, что дѣлалось въ горницѣ. Но риторы *Воскресенскій* и *Атлантовъ* — за обѣдомъ всегда вели рѣчь о своихъ подвигахъ, совершенныхъ по затѣямъ Борисова. Борисовъ такъ обращался къ Атлантову: „Атлантовъ! явился ко мнѣ весь въ яхонтахъ брильянтовъ!“ При этомъ словѣ Атлантовъ, выступая, говорилъ въ отвѣтъ: „что прикажете, ваше султанское величество?“ — А къ Воскресенскому Борисовъ обращался со словами: „гдѣ нашъ уланъ Варшавскій?“ — „здѣсь ваше превосходительство!“, — выступалъ Воскресенскій. Не знаю, почему Борисовъ такъ обращался къ Атлантову; но Воскресенскаго называлъ *уланомъ* — потому, что онъ однажды поддался на приманку *вербунки*. Въ тѣ времена изъ Варшавскихъ полковъ вел. князя Константина Павловича ходили солдаты по два и по три, въ парадныхъ мундирахъ, съ музыкою и водкою. Шли и плясали, приглашая молодыхъ людей въ товарищи — въ военную службу, расхваливая эту службу до небесъ. Бывши въ городѣ, Воскресенскій встрѣтился съ этою *вербункой*, обольстился гуляньемъ и свободою солдатъ и изъявилъ желаніе вербоваться. Солдаты приняли его, поднесли водки и потребовали отъ него подписки. Воскресенскій не задумался дать. Но когда привели его въ полицію — для засвидѣтельствованія его добровольнаго желанія и подписки, и когда въ сѣняхъ полиціи будочникъ растолковалъ ему въ чемъ дѣло, и какова будетъ жизнь его въ солдатахъ, — Воскресенскій шмыгнулъ въ другія двери и бѣжалъ изъ города. За нимъ была погоня, но онъ бросился въ болото, и скрывшись въ камышахъ, только ночью возвратился домой.

Вотъ одна затѣя, удачно выполненная любимцами Борисова. Весной въ Сѣвскѣ была ярмарка. Съ ярмарки возвращались мужички черезъ слободку. Атлантовъ и Воскресенскій въ большой свертокъ бумаги положили жидкость экскремента и, обернувъ свертокъ въ нѣсколько слоевъ бумаги, запечатали. Свертокъ по-

¹⁾ Было написано сначала: „накости въ тѣлеской“, но потомъ затерто. Л. М.

ложили на дорогѣ—противъ оконъ горницы, изъ которой наблюдали студенты. Не нужно было долго ожидать сцены. Вдали показалась телѣга, въ ней возвращался съ ярмарки мужичекъ съ женою. Завидѣвъ издали свертокъ съ печатью, мужикъ соскочилъ, передавъ возжи женѣ, съ телѣги, схватилъ свертокъ, спряталъ за пазуху. Тутъ явились—сперва Атлантовъ, потомъ Воскресенскій—съ крикомъ: „чуръ — пополамъ находку!“ Мужикъ съ клятвою увѣрялъ, что ничего не видалъ и не поднималъ. Риторы, желая обличить лгуна, указывали на пазуху и при этомъ такъ мяли ее, что изъ пазухи начала течь вонючая влага. Тогда, отходя, отъ мужика, риторы кричали: „жадный; не хотѣлъ подѣлиться“ Возьми себѣ --подавись!“ Мужикъ не могъ дальше вѣхать: обыкновенно слѣзалъ съ повозки, распоясывался и, при помощи жинки, обчищался, ругая проказниковъ всѣми бранными словами, какія приходили на языкъ. А за окнами раздавался гомерическій смѣхъ студентовъ! Герои проказъ торжествовали, ожидая одобреній, особенно отъ Борисова.

Въ началѣ петровскаго поста деньги нашего квартирнаго „общества“, хранившіяся въ сундучкѣ инспектора Данкова, были украдены—днемъ, когда всѣ были въ классѣ, а кухарка отлучилась по воду къ рѣчкѣ. Сундучекъ найденъ на архіерейскомъ огородѣ разломаннымъ. Подозрѣніе падало на штатныхъ архіерейскаго дома, постоянно работавшихъ въ огородѣ. Архіерей приказалъ молчать и не давать знать полиціи. А чтобы общество наше не сидѣло на одномъ хлѣбѣ и кашѣ, предоставилъ ему ловить рыбу сътью и позволилъ взять экономическій малый неводъ. Каждый могъ ловить рыбу удочками, вентерями или *кубарями*, но не сътью. На послѣдній способъ нужно было разрѣшеніе архіерея. Прежде чѣмъ полученъ отъ эконома архіерейскаго дома неводъ, пришелъ къ Ивану Григорьевичу Данкову Борисовъ и принесъ съ собою старое дрянное ружье. Онъ жертвовалъ это ружье на обокраденное „общество“.—„Атлантовъ!,—закричалъ онъ, явись ко мнѣ весь въ яхонтахъ бриліантовъ!“—Атлантовъ вытянулся передъ его султанскимъ величествомъ и спросилъ: „что прикажете, повелитель?“ Вотъ ружье, я жертвую его вашему разоренному „обществу“. Поди—продай его харчевнику; онъ любитель ружьевъ. Дастъ три, два рубля, — бери; да ухвати тамъ штофикъ водочки и рыбки, чтобы было что выпить съ горяи чѣмъ закусить“. „Слушаюсь!“ — сказалъ Атлантовъ и, пригласивъ съ собою Воскресенскаго, зашагалъ съ ружьемъ въ харчевню. — „Не купить, — замѣтилъ дорогою Воскресенскій, — вишь оно дрянъ

какая!“ „А какъ же мы безъ водки и рыбы воротимся?“ — „Ну, водки то можно раздобыться иначе“, сказалъ Воскресенскій.— „Какъ иначе?“ — „Да такъ, ты иди въ харчевню одиць, а я стану за угломъ харчевни. Ты только заговаривай харчевниковъ, замани ихъ въ другую комнату, а я подкрадусь къ выставкѣ у открытаго окна и что ухвачу — поминай какъ звали!“ — У Атлантова блеснула мысль и образовался въ головѣ лучшій планъ. — „Нѣтъ, не подходи къ окну, сказалъ онъ,—пока не услышишь выстрѣла. Хотя они и не купятъ, но я какъ нибудь уговорю испытать ружье; у нихъ всегда есть порохъ и пули. Когда они побѣгутъ изъ дома, чтобы видѣть, досталъ ли выстрѣлъ ограда, — ты тотчасъ явишься предъ окномъ, бери, что подамъ, и бѣжи въ уголь, только бѣжи болотомъ позади дома и дубовой роши, а не выходи на дорогу“.

Планъ удался какъ нельзя лучше. Харчевники отказывались покупать ружье, потому что у нихъ было два своихъ. Но Атлантовъ распинаясь за достоинство ружья. „Вотъ,—говорилъ онъ,—ограда монастыря. Стоитъ на окно положить ружье, — выстрѣлъ пойдетъ прямо на средину ограды, не выше—не ниже“. Харчевники соглашались на пробу, только предлагали стрѣлять вышедши изъ дома. „Нѣтъ,—кричалъ Атлантовъ,—тамъ не на что опереться, пуля пойдетъ вверхъ—выше ограды, или внизъ, зароется въ землю. Дай пороху и пулю!“—Харчевники согласились. Зарядили ружье, положили его на окно. Бацъ! „Какъ разъ ударилося въ ограду!“,—вскричалъ Атлантовъ (а до ограды было сажень до 100, такое разстояніе, какое брало рѣдкое ружье того времени). Харчевники бросились изъ дому — къ оградѣ; но пока они проходили комнату и сѣли и отворяли двѣ двери, Атлантовъ бросился къ другому окну, на которомъ стояла выставка водки и харчей. Штофъ и жаренная рыба въ одно мгновеніе очутились въ рукахъ Воскресенскаго, успѣвшаго за тѣмъ скрыться за уголь. Вышелъ затѣмъ и Атлантовъ. Пуля найдена на 4-ой сажени отъ дома. Когда харчевники со смѣхомъ возвратились въ комнату и съ ними Атлантовъ — и когда, замѣтивъ, что нѣтъ штофа и рыбы, первые подняли крикъ и стали приставать къ Атлантову, гдѣ водка и рыба,—„что вы, брацы?,—съ жаромъ защищался воръ,—ошалѣли? Развѣ я могъ выпить штофъ и съѣсть рыбу?! Я же тотчасъ съ вами вышелъ. Нате, я штаны сниму, — у меня нѣтъ. Нищие лучше домашняго вора!“ И, принявъ видъ оскорбленнаго, Атлантовъ важно пошелъ изъ харчевни...

Воскресенскій, хотя колесилъ, но какъ не шель, а бѣжалъ, то возвратился прежде Атлантова и поставилъ на столъ водку и рыбу.—„Гдѣ же Атлантовъ?“—„Тамъ остался!“—„За сколько продалъ ружье?“—„Не знаю; онъ подаль мнѣ водку и рыбу—и я пошелъ домой.“—Входитъ съ ружьемъ Атлантовъ и говорить: „не купили, подлецы!“—А водка и рыба?—спросили всѣ.—„Это—не мое дѣло“,—угрюмо отвѣчалъ Атлантовъ...—„Дѣло обоихъ!“,—подхватилъ Воскресенскій,—ты мнѣ далъ, я принесъ.“—„Вѣдь вы сами просили ухватить штофикъ водочки и рыбки,—продолжалъ бурчать Атлантовъ, обращаясь къ Борисову,—ну, и ухватили; чтожъ теперь дѣлать?“—Всѣ ахнули. Данковъ сталъ сильно ругать риторовъ—усачей. Но Борисовъ успокоилъ его, обѣщая сладить съ трактирщикомъ, заплативъ ему за все.—Но харчевники, какъ послѣ рассказывали, сняли всякое подозрѣніе на Атлантова и искали домашняго вора между работниками, которые тогда что-то дѣлали на дворѣ—и Борисову пришлось согласиться съ ними, при свиданіи. Замѣчу: Атлантовъ у товарищей назывался *Косыкинымъ*, потому что былъ немного косовать,—а Воскресенскій—*Базыкинымъ*, потому что любилъ басить, хотя вовсе не имѣлъ баса.—

Полученъ архіерейскій неводъ. Разнесся объ этомъ слухъ по всей Слободкѣ—и толпы студентовъ и риторовъ явились на помощь. Насталъ вечеръ. Ловцы съ неводомъ отправились на рѣку и началась ловля рыбы. Мы, младшіе ученики, должны были носить по берегу рубашки ловцовъ. Шумъ, гамъ только пугалъ рубу, и первую ночь поймали немного рыбы и то-малого калибра. На другую ночь у многихъ охота отпала. За то остальные, въ числѣ небольшомъ, поняли въ чемъ дѣло и сохраняли тишину. Поймано было мѣшка два рыбы и довольно крупной. Послѣдующіе дни уже пренебрегали малою рыбсю: плотицею, налимами, линями,—а брали только судаковъ, короповъ и сомовъ.—Сперва дѣлились рыбой съ другими квартирами, получая въ замѣнъ по стаканчику постнаго масла. Купить его было не на что. Далѣе отправляли рыбу въ городъ, но такъ, чтобы архіерейскіе не видали этого, для чего увольняли *Косыкина* и *Базыкина* отъ трудовъ ловли, а наряжали ихъ до свѣту—относить рыбу въ городъ,—и они въ мѣшкахъ на хлуду (?) съ другими товарищами носили въ городъ и возвращались не только съ провизіею и деньгами, но и съ водкою.—Послѣ Петра и Павла за цѣну рыбы они покупали говядину, птицу, масло коровье.—Борисовъ былъ несмѣннымъ участникомъ въ ловѣ рыбы, пока съ нимъ не слу-

чилось несчастье. Въ одномъ мѣстѣ рѣки захватили сѣтью сома—величественнаго—въ сажень. Когда тянули къ берегу, онъ вмѣстѣ съ сѣтью прыгалъ высоко и угрожалъ изорвать сѣть. Борисовъ бросился и легъ на него. Сомъ такъ хватилъ его по спинѣ, что онъ не могъ встать и его съ трудомъ привели домой. Долго онъ, бѣдный, ходилъ согнувшись.

Приближались каникулы, тогда называвшіяся *ваканціями*. Авдиторія не украшалась. Насъ не посылали за цвѣтами. Но жизнь учениковъ тянулась по прежнему. Было лѣто жаркое. Я помню, что нѣкоторые изъ моихъ соквартирантовъ, спавшихъ обыкновенно на дворѣ, сбрасывали съ себя рубашки и стремглавъ бѣжали въ рѣку окунуться. Я помню, какъ тяжелы были всеношныя и обѣдни архіерейскія. Когда безконечнымъ рядомъ приближались къ монастырю, я старался выдвинуться изъ строя, когда видѣлъ, что комисаръ отбиралъ учениковъ въ помощь служителямъ, работавшимъ въ кухнѣ бурсаковъ; и когда я удостоивался его выбора,—то цѣлую обѣдню рѣзалъ говядину и раскладывалъ по мѣстамъ скибки порѣзаннаго хлѣба. Говядина рѣзалась на самые мелкіе кусочки, и должно быть, давалась бурсакамъ только по праздникамъ. Служители при бурсѣ были не наемные, а ученики изъ исключенныхъ, которые имѣли право во всякое время проситься на мѣста; но большею частію имъ предлагались въ невѣсты сироты-дѣвѣицы, приходившія и пріѣзжавшія къ архіерею. Служители обыкновенно были грязные, какъ трубочисты; но когда кто изъ нихъ женился на сиротахъ,—то вдругъ преображался, и съ своею женою, къ зависти многихъ семинаристовъ,—въ демиткудоновомъ сертукѣ, въ шляпѣ, сапогахъ и съ тросточкою прохаживался по Семинарской площади.

Иногда архіерей отправлялся въ городъ—служить литургію. Тогда рядокъ учениковъ, тянувшійся на 200 сажень, завидя шестерку вороныхъ лошадей въ великолѣпной каретѣ, стоящую подлѣ св. воротъ, надъ которыми высилась 4-хъ ярусная колокольня, становился полукружіемъ. Колоколь въ 600 пудовъ гудѣлъ долгое время, и когда начинали трезвонъ и архіерей садился въ карету, благословляя издали 600 или 700 душъ семинаристовъ, стоявшихъ полукружіемъ,—глаза наши были устремлены не на архіерея, а на ноги лошадей, которыя, какъ казалось намъ тогда, танцовали подъ звонъ колоколовъ. Архіерей Досифей любилъ лошадей и — душитья. Когда входитъ въ церковь, его окружаетъ цѣлое облако духовъ и наполняетъ ароматомъ церковь.

Наконецъ за 10 дней до срока раздался приказъ объ отпускѣ на вакаціи—съ повелѣніемъ писать билеты, по новой формѣ: въ нихъ означать, какой ученикъ, въ какое училище долженъ явиться послѣ вакацій. Мнѣ назначено было Орловское училище ¹⁾. Экзамена не было. Немногіе изъ ближайшихъ мѣстъ ученики могли выѣхать до 15-го числа іюля, потому что не было извозчиковъ, которые, по обыкновенію, собирались на семинарскую площадь только къ *Кирикамъ—Улитамъ* ²⁾ (тогда почему-то не праздновали св. *Владимира*). Въ моей квартирѣ некому было жалѣть, что половина учениковъ уже не возвратится въ Сѣвскъ. Но въ другихъ квартирахъ, какъ говорили,—хозяева провожали учениковъ съ плачемъ и рыданіями...

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ 1817 г. въ Кіевскомъ духовно-учебномъ округѣ, къ коему относилась Сѣвская д. Семинарія,—произведено было *преобразование* по новому уставу, утвержденному въ 1814 г. По этому уставу, въ виду многочисленности учениковъ въ Сѣвскѣ,—они были распределены по уѣзднымъ училищамъ.—Л. М.

²⁾ Т. е. къ 15-му іюля, когда празднуется память св. мучениковъ *Кирики и Иулиты*.—Л. М.

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.¹⁾

Жизнь моя въ Орловскомъ училищѣ.

(1817—1821 гг.)

Квартира на Слободкѣ. — Задержка въ открытіи училища. — Нѣкоторые факты изъ исторіи 1812 г. — Двѣ солдатскія пѣсни 1812 г. — Открытіе училища. — Учитель *Дьяконовъ*. — Учитель *Калинниковъ*. — Большіе расходы на учебныя книги. — Исканіе цвѣта папоротника въ ночь на 24-е іюня. — Полицейская расправа съ мужемъ хозяйки. — Опытъ съ порохомъ. — Самосудъ орловскихъ мѣщанъ. — Площадное наказаніе розгами 17-лѣтней замужней женщины красавицы. — Опытъ катанья по выгону на саняхъ подъ парусами. — Черты изъ жизни орловскихъ мѣщанъ. — Торговыя бани и безобразія въ нихъ отъ совмѣстнаго мытья обоихъ половъ. — Мальчикъ *Аретинскій*.

Не помню, какъ я провелъ вакацію въ с. Спасскомъ; но по минованіи ея, я представленъ былъ въ г. Орелъ — въ духовное училище 1-го сентября и поставленъ на квартирѣ съ двоюродными своими братьями — *Троицкими* на *Слободкѣ*, тянувшейся отъ мужескаго монастыря надъ оврагомъ, въ крайнемъ домѣ у мѣщанина преклонныхъ лѣтъ. Помѣщеніе наше было въ избѣ, спальня — на полатахъ. Черезъ сѣни — на улицу была горница, но она занимаема была чиновниками Губернскаго Правленія, которые жили тихо, пока у котораго-нибудь изъ нихъ не появлялись деньги. Въ этомъ случаѣ посылалось за водкою, собирались

1) См. Кіев. Стар. 1906 г. 5—6.

бабы и дѣвки и поднимались танцы подъ гитару — съ шумомъ и гамомъ....

Училище наше не открывалось мѣсяца полтора; подъ него готовилось старое деревянное зданіе въ монастырѣ. Смотрителемъ училища назначенъ былъ вдовый священникъ, въ то же самое время принявшій чинъ монашескій подъ именемъ *Филарета*. Онъ былъ товарищемъ моего отца въ старшей риторикѣ, чело-вѣкъ довольно мягкаго характера. Не помню, какъ открывалось училище; но хорошо помню, какъ полтора мѣсяца бродили мы по городу подъ руководствомъ старшаго брата Ивана и отчасти сыновей хозяйскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ хромою, а другой — женатый — съ желвакомъ на рукѣ повыше щиколки. Последняго отецъ говялъ на работу канатную; но онъ часто увиливалъ и бродилъ съ нами. Онъ знакомъ былъ съ наборщиками въ типографіи, и при помощи его мы въ первый разъ увидѣли, какъ печатались книги. Мы считали наборщиковъ людьми учеными; но когда они пришли къ намъ на квартиру, мы разочаровались въ ихъ учености. Оказалось, они едва могли читать, а одинъ изъ нихъ, пожилой, при началѣ какого-нибудь дѣла, имѣлъ поговорку: „а нутко Богъ, кое-тко Христось!“.

Въ семействѣ хозяина мнѣ пришлось видѣть, какъ старымъ людямъ опасны гнѣвъ и раздраженіе. Старшій сынъ хозяина не ночевалъ дома. Сосѣди сообщили старикамъ, что онъ на базарѣ кричалъ: „Жару!“,—что его тотчасъ подхватили купцы и везять по трактирамъ и кабакамъ. Отецъ бросился въ городъ, нашелъ сына въ трактирѣ. Онъ уже договаривался пойти охотникомъ за другого въ солдаты. Отецъ едва убѣдилъ купцовъ оставить недоя, указавъ на шишку правой руки и заплативъ, что истрачено на угощеніе его. На другой день старики собрались наказать его розгами. Отецъ держалъ его за волосы, перегнувъ черезъ столъ, мать сѣкла, жена стояла у припечки (при загниѣткѣ) — плакала. Мы смотрѣли на сцену съ полатей. Не долго его сѣкли; но мать старуха къ вечеру заболѣла и черезъ 4 дня скончалась.

На этой квартирѣ я болѣе познакомился съ 1812-мъ годомъ и послѣдующими событіями. Хозяинъ рассказывалъ, какъ въ ноябрѣ и декабрѣ этого года толпами проводили плѣнныхъ французовъ, какъ много умирало народа отъ повальной болѣзни и какъ поэтому никто не хотѣлъ принимать ихъ на квартиру, какъ на ночь загоняли плѣнныхъ въ неотапленныя казармы и какъ къ утру многихъ вывозили повозками хоронить въ накопанныя

большія ямы. Казармы стояли черезъ дорогу отъ квартиры нашей, а ямы были на 200 шаговъ отъ казармъ — въ полѣ. Дѣти хозяина указывали на эти ямы. Хозяинъ рассказывалъ, но не былъ самовидецъ, какъ одинъ изъ плѣнныхъ ожилъ въ то время, когда тѣло его изъ саней вываливали въ яму, и ухватился за грядку саней, но былъ желѣзною лопатою отбитъ въ яму и закопанъ вмѣстѣ съ мертвыми! — Съ нами квартировалъ, только въ отдѣленіи чиновниковъ, возвращавшійся изъ плѣна французъ, худо говорившій по русски, но научившій насъ играть въ карты — въ *возка*. Тогда же или спустя мѣсяцъ послѣ — квартировалъ съ лошадыю кирасирскій вахмистръ, красавецъ лѣтъ 35-ти. О какъ мы его любили и какъ онъ былъ привязанъ къ намъ! Онъ стоялъ два года въ Парижѣ и рассказывалъ намъ о разныхъ битвахъ 1813 года. Онъ готовъ былъ играть съ нами на дворѣ во всѣ ребяческія игры. Къ изумленію нашему, онъ показывалъ намъ, какъ можно драться на сабляхъ со многими и оставаться невредимымъ. Онъ ставилъ насъ троихъ противъ себя, давалъ намъ по палкѣ и самъ бралъ такую же палку, и просилъ нападать на него и изо всей силы бить его. Что же? Мы дружно нападали на него, но онъ не только не допускалъ ударовъ до себя, но еще каждому изъ насъ наносилъ удары (по шубѣ, — это было зимою). Онъ диктовалъ намъ солдатскія пѣсни 12-го года, а голоса перенимали мы у солдатъ, ходившихъ къ нему чистить лошадей, и особенно у тѣхъ, которые цѣлымъ эскадрономъ самымъ тихимъ шагомъ каждый день водили лошадей на водопой. Вотъ нѣкоторые слова тѣхъ пѣсень, сохранившіяся въ моей памяти:

I.

Какъ попался въ плѣнъ маіоръ французскій,
 Повели того маіорика ко Кутузову.
 Какъ возговорить князь Кутузовъ
 Ой зычнымъ голосомъ:
 „Ты скажи, скажи маіорикъ ой да французскій,
 Сколько силы въ Наполеона?“
 — Увсѣхъ силъ Наполеона ой смѣты нѣту. —
 — „Врешъ, маіорикъ французскій!
 У вашего Наполеона ой силы нѣту.
 Погубилъ ее въ морозѣ,
 Запрудилъ ею Березу!“

II.

Государь нашъ Александра
 Навсегда будетъ отецъ,
 Ой сухарей въ него довольно,
 Платьемъ, обувью снабдить.
 А французъ шельма — грабитель
 Разорилъ нашу Москву.
 Запрудилъ рѣчку Березу
 Своимъ буйнымъ табуномъ.

Наконецъ въ Орловскомъ училищѣ открылось ученіе. Сначала открыты были три класса: второй классъ приходского училища, низшее отдѣленіе и высшее отдѣленіе уѣзднаго училища¹⁾. Мѣсяцъ я сидѣлъ во второмъ классѣ, но потомъ въ числѣ многихъ другихъ переведенъ въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Въ этомъ отдѣленіи проходились предметы: Латинская грамматика — *Амвросія*, Греческая грамматика, Катихизисъ, Священная Исторія, кажется, *Платона* (она начиналась такъ: „Богъ сотворилъ небо и землю такъ прекрасно и великолѣпно, какъ мы оныя теперь видимъ“), Ариѳметика и Математическая Географія, Уставъ церковный и церковное пѣніе. Въ высшемъ отдѣленіи — тѣ же предметы, кромѣ Устава и пѣнія, и переводились *Корнелій Непомъ* и греческое Евангеліе. Не помню, кто былъ учителемъ въ приходскомъ училищѣ; но въ уѣздномъ — въ обоихъ классахъ — студенты богословія *Иванъ Андреевичъ Шокотовъ* и *Василій Филипповичъ Дьяконовъ*, Священникъ Рождественской церкви отецъ *Федоръ Калининковъ*, а Уставъ и пѣніе преподавалъ рябой дьячекъ. Упомянутые студенты числились еще въ Семинаріи, куда должны были подавать разсужденія на сообщаемыя имъ оттуда темы. Дьяконовъ послѣ женился на дочери орлов-

¹⁾ По уставу 1814 г. съ духовнымъ уѣзднымъ училищемъ было соединено дух. приходское училище, имѣвшее два класса: *первый* и *второй*; изъ этого второго класса ученики переходили въ *низшее отдѣленіе* уѣзднаго училища, каковое отдѣленіе обычно тогда называлось *третьимъ классомъ* (въ общемъ счетѣ), а высшее отдѣленіе — *четвертымъ* классомъ. Но въ 1825 г. уничтожено раздѣленіе низшихъ духовныхъ училищъ на *приходскіе* и *уѣздные* — и изъ нихъ образовано только одно *духовное уѣздное училище* — съ 3-мя отдѣленіями: *низшимъ*, *среднимъ* и *высшимъ* (по 2 года въ каждомъ). Такъ было до новаго Устава 1869 г.

скаго катедральнаго протоіерея и черезъ 4 года поступилъ священникомъ въ соборъ. Оба они были самоучки, познакомившіеся съ свѣтскими предметами еще въ Сѣвскѣ. Дьяконовъ самоучкою прибрѣлъ порядочное знаніе въ нѣмецкомъ языкѣ и преподавалъ его въ орловской гимназіи. Это былъ самый благородный человекъ, по гуманности опередившій свой вѣкъ. Онъ преподавалъ латинскій языкъ, географію и ариѣметику въ высшемъ отдѣленіи духовнаго училища. Методъ его преподаванія географіи заключался въ рисованіи, ариѣметики — въ примѣрахъ, латинскаго языка — при переводѣ съ русскаго — въ подражаніи Корнелію Непоту и для того — въ предварительномъ заучиваніи самыхъ легкихъ мѣстъ изъ этого автора. Онъ сдѣлалъ таблицу со многими графами, въ которыхъ обозначалось наименованіе государства, число жителей, вѣроисповѣданіе, языкъ, правленіе и проч. Приносилъ намъ изъ гимназіи глобусъ. Но всего занимательнѣе были рассказы его о странахъ. Лучшихъ учениковъ, въ число которыхъ попадалъ и я, онъ водилъ на публичный экзаменъ въ гимназію, гдѣ мы видѣли многіе физическіе опыты: сцѣпленіе двухъ тѣлъ, насосы, вытягиваніе воздуха изъ воздушнаго колокола, дѣйствія магнита и электричества. Но за то преподаватель въ низшемъ отдѣленіи священникъ Калинниковъ былъ бичемъ для учениковъ. Это была особа почти высокаго роста съ красными волосами, худощавый и злой. Его почему-то называли *Жестянкой*. Одинъ на приходѣ, отдѣленный рѣкою на одну версту разстоянія отъ училища, онъ всегда опаздывалъ, половину часовъ занимался экзекуціей и нѣсколько минутъ — разъясненіемъ урока. О какъ боялись его, и какъ ненавидимъ онъ былъ учениками!

Я сталъ быстро развиваться только въ высшемъ отдѣленіи подѣ влияніемъ Василя Филипповича. Первый же годъ сталъ въ числѣ первыхъ учениковъ и перешелъ въ семинарію *вторымъ* ученикомъ. Послѣдній годъ въ училищѣ я сдѣланъ былъ *сеніоромъ*, т. е. старшимъ надъ старшими: мнѣ дано было право каждаго изъ малыхъ шалуновъ рвать за волоса. Какъ я ни избѣгалъ употребленія этого права, но оно глубоко испортило меня. Я сталъ гордиться и самъ себя изолировалъ отъ рѣзваго и веселаго общества...

У меня явилась охота къ рисованію, и я купилъ руководство. Но это рисованіе мое ограничилось малеваніемъ. Памятниками моего искусства остались въ горницѣ отца моего портреты генераловъ 12-го года и плоскошарія земнаго шара. Въ 60-хъ годахъ они погибли въ пожарѣ.

Еще въ низшемъ отдѣленіи училища я обременялъ отца чрезвычайными расходами. Страшный *Жестянка* принуждалъ учениковъ покупать нужныя и ненужныя книги. Отецъ открылъ мнѣ кредитъ у одного торговца, у котораго онъ покупалъ церковное вино, въ случаѣ понадобятся мнѣ небольшія деньги. Но я, покупая учебныя книги, забралъ цѣлыхъ 35 рублей. Какія же это книги? 1) латинская грамматика — Амвросія, 2) Корнелій Непотъ; 3) греческая маленькая грамматика; 4) греческій лексиконъ; 5) греческое евангеліе; 6) катихизисъ; 7) Священная исторія — 8) нотный обиходъ и 9) уставъ. Не думаю, чтобы лишнія деньги бралъ учитель. Видно — такъ дороги были тогда эти учебники.

У меня велась книжка разнообразныхъ секретовъ, относящихся къ искусствамъ: какъ золотить и серебрить металлы, какъ найти *разрывъ-траву*, какъ заговаривать кровь — и отъ укушенія змѣи и другія нелѣпости. Но отецъ мой, по совѣту Богоявленскаго дьячка, истребилъ ее. У меня велась и другая книжка, въ которой записывались стихи разныхъ авторовъ и особенно Жуковского баллады и „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“. Эти пьесы я зналъ наизусть — не потому, что я училъ, а потому, что часто читалъ ихъ товарищамъ и дома — сестрамъ. Чтобы списать эти стихи — не съ книги, которой никто не имѣлъ, а съ тетради, — я платилъ обладателю ея деньгами, и если не было ихъ — бумагою и перьями. И эта книжка хранилась въ секретѣ — какъ отъ учителей, такъ и отъ отца. Въ первой книжкѣ значилось, какъ достать *цвѣтъ папоротника*, который разцвѣтаетъ съ блескомъ и въ ту же минуту отцвѣтаетъ — въ полночь подъ *Ивана Купала*. Во второй годъ ученія моего въ низшемъ отдѣленіи уѣздаго училища я былъ увлеченъ товарищами караулить разцвѣтъ папоротника и запастись цвѣтомъ его. Обладателю этого цвѣта, говорилось въ книжкѣ, будутъ сами собою являться клады, выходя изъ земли на поверхность. Чтобы приобрѣсть этотъ цвѣтъ, по проекту книжки, — надобно было вокругъ папоротника обвести черту или кругъ, войти въ кругъ съ молитвою, сѣсть вокругъ папоротника, разостлать подъ нимъ платки и сохранять глубокое молчаніе. Предъ полночью послѣдуютъ страшныя видѣнія. Будутъ на васъ стремиться стада коровъ, табуны лошадей, потомъ стаи волковъ, будутъ летѣть на васъ повозки, коляски; но вы не оборачивайтесь въ стороны, но все смотрите на папоротникъ. Коровы, лошади, волки, повозки, коляски — вотъ, вотъ будутъ подлѣ васъ, но черта ихъ остановить. Послѣдуетъ вой, крикъ, выстрѣлы; но вы заткните пальцами уши — и не сводите

глазъ съ папоротника. Въ самую полночь папоротникъ вдругъ вспыхнетъ радужнымъ цвѣтомъ, цвѣты посыпятся на ваши платки, и вы, свертывая платки съ возможною скоростью, кричите: *чуру, чуру, чуру*. Тогда, завязавъ платки нѣсколькими узлами, спокойно отправляйтесь домой.

По проекту, начертанному въ книжкѣ, подѣ предводительствомъ старшаго моего брата *Ивана Троицкаго*, все исполнено какъ слѣдуетъ. Только что стало садиться солнце, мы вчетверомъ отправились за городъ къ опушкѣ лѣса, гдѣ прежде намѣченъ былъ кустъ папоротника. Вокругъ этого куста обвели черту и, перейдя ее съ молитвою, сѣли вокругъ куста, разостлавъ подъ нимъ свои платки. Водворилось глубокое молчаніе. Устремивъ испуганный взоръ на папоротникъ, мы урывкою взглядывали другъ на друга. Ни крику, ни гаму, ни вою и ни малѣйшаго шуму вокругъ не было; только слышенъ былъ отдаленный лай собакъ въ городѣ, который болѣе ободрялъ, чѣмъ пугалъ насъ. Не помню, долго ли я сидѣлъ; но вдругъ я пробудился какъ будто отъ сна; солнце всходило, я лежалъ на боку. Но боялся промолвить слово,—и всѣ лежали, какъ я. Проснулся другой—и что-то громко сказалъ. Тогда поднялись всѣ. Тогда двоюродный братецъ мой вздумалъ лгать, увѣряя, что онъ видѣлъ разцвѣтъ и запасся цвѣтомъ; но платокъ его, остававшійся подѣ папоротникомъ, тотчасъ обличилъ лгуна. Тогда всѣ поспѣшили домой, чтобы какъ можно тверже выучить уроки и увѣрять всѣхъ, что мы вовсе не отлучались изъ города, а ходили подлѣ двора, ожидая восхода солнца, и видѣли, какъ оно рядилось въ разные цвѣта, плясало по небосклону, какъ и слѣдовало ему въ утро Купалы рядиться и плясать. Хозяева квартиры отъ души повѣрили: они знали, что по всѣмъ селамъ дѣвки и парни ночь проводятъ безъ сна на улицѣ и выгонахъ—въ пѣсняхъ и пляскахъ, ожидая чуда при восходѣ солнца.

Въ теченіи 4-хъ лѣтъ я перемѣнилъ 5 квартиръ. Все, что писано выше, происходило на *первой* квартирѣ. Изъ пребыванія на *второй* квартирѣ врѣзалось въ памяти моей несчастіе съ молодыми хозяиномъ и хозяйкою. Хозяйкѣ сказали, что мужа ея за какой-то безпорядокъ схватили полицейскіе солдаты и потащили въ полицію. Она тотчасъ бросилась въ полицейскій дворъ. Тамъ кого-то сѣкли въ двѣ лозы; наказываемый не кричалъ; въ толпѣ говорили: „замерь!“ Но вдругъ обмершій вскрикнулъ: это

быль — мужъ хозяйки! Беременная, она ахнула и повалилась замертво. Хозяинъ безъ вреда для здоровья перенесъ наказаніе, а хозяйка „обросила“ — и ее привезли на телѣгѣ...

На *третьей* квартирѣ одинъ изъ учениковъ досталъ пороху — не больше $\frac{1}{8}$ доли фунта. Изъ него на столѣ дѣлали вензеля и зажигали. Коробочка съ порохомъ лежала тутъ же — на столѣ. Ученики, наклонившись надъ столомъ, любовались горящими вензелями. Но вдругъ послѣдовалъ взрывъ пороха въ коробочкѣ, — ученики попадали навзничъ, свѣча потухла. Хозяйка бросилась въ нашу комнату, но дымъ и мракъ остановили ее у порога. Послѣ испуга и безмолвія, раздался крикъ и слезы. Тутъ вбѣгаетъ со свѣчкой канцелярскій, квартировавшій черезъ сѣни въ другомъ отдѣленіи, — и дѣло объяснилось. Ученики были не-вредимы, только опалило имъ брови и немного волосъ. Къ счастью, въ ту секунду, я отвернулся отъ стола за клочками бумаги, которою поджигались вензеля.

Четвертая квартира памятна мнѣ страданіями хозяина отъ самосуда мѣщанскаго общества. Въ половодье Ока, протекающая черезъ весь городъ, для людей праздныхъ представляетъ собою величественное зрѣлище. Вода на ней поднимается на полторы сажени. По ней съ шумомъ и трескомъ плывутъ огромныя крыги льда, то становясь на ребро, то разбивая другія крыги; между ними плывутъ снесенные мосты, плетни и цѣлые хлѣва, разбитыя барки... Для мѣщанъ въ это время рѣка становится поприщемъ отваги и наживы. На лодкахъ, съ баграми въ рукахъ, они перехватывали все цѣнное — бревна, канаты и проч. Все пойманное и дорогое присваивалось обществу, продавалось и деньги обращались на общественныя нужды; малоцѣнныя вещи позволялось мѣщанамъ обращать въ свою пользу. Нашему хозяину въ полночь удалось поймать нѣсколько свертковъ новаго каната; одинъ изъ свертковъ онъ отнесъ къ себѣ въ домъ. Это дошло до свѣдѣнія общества. На сходкѣ рѣшили сдѣлать обыскъ. Всею гурьбою пришли въ домъ хозяина. Канатъ нашелся. Что же дѣлаютъ съ преступникомъ? Снимаютъ съ него портки. Связываютъ канатомъ ноги и привязываютъ къ колѣнямъ руки, и за конецъ веревки везутъ несчастнаго по замерзлой грязи и... поддерживаютъ за плечи, и привозятъ на мѣсто сходки полумертвымъ. Судить некого, сѣчь — не почемъ, — изъ задницы одни жилы и кости остались. Взвалили его на телѣгу и отдали его хозяйкѣ везти домой. Хозяйка повезла больного въ больницу; больница дала знать въ полицейскую часть. Многихъ, было, арестовали; но об-

щество на другой же день выкупило своихъ арестантовъ, а хозяинъ нашъ цѣлое лѣто пребылъ въ больницѣ.

Пятая моя квартира находилась на концѣ Слободки—къ выгону и въ 40 саженьяхъ отъ кабака, у котораго на площади собиралась сходка и производились судъ и расправа. Мы—ученики часто были свидѣтелями наказаній, производившихся возлѣ кабака. Однажды хозяева квартиры сказали намъ, что въ полдень будутъ наказывать 17-лѣтнюю красавицу. За что же? Отправившись, на другой конецъ города къ родителямъ, она застряла въ трактирѣ, не ночевала дома и только на другой день мужъ ея гдѣ-то напалъ на слѣдъ ея и, поймавъ, привелъ домой. Неизвѣстно, что ей досталось дома—отъ мужа, но свекоръ и свекровья не удовлетворились домашнимъ наказаніемъ, а настояли у Общества, чтобы невѣстка наказана была при сходкѣ, требовались на сходку и женщины, коихъ пришло немного. Старикъ требовали, чтобы женщины держали преступницу и сѣкли. Женщины положили красавицу на землю и подняли только юпку, но старики закричали: „поднимай рубаху!“ Двѣ женщины съ пучкомъ розогъ уже готовились сѣчь. Но какъ женщины не послушались поднять рубаху, то ихъ отпихнули, а на красавицу наѣли мужчины и такъ дернули на голову рубаху, что развязалась юпка и обнаружилось все тѣло — съ ногъ до головы. Тогда между женщинами поднялся крикъ—и изъ нихъ державшія въ рукахъ розги бросили ихъ на земь и замѣшались въ кучку другихъ женщинъ. Поднялся общій крикъ... Вышелъ изъ толпы мужъ и началъ сѣчь жену пучкомъ розокъ. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ и раздавашагося вопля, у мужа опустились руки... Тогда одинъ старикъ вырываетъ у него пучокъ, другой старикъ беретъ другой пучокъ и начинаютъ полосовать несчастную съ обѣихъ сторонъ: несчастная залилась отчаяннымъ крикомъ и скоро замолкла. Мужъ и нѣкоторые изъ женщинъ вырвали у стариковъ розги—и экзекуція прекратилась. Красавица приведена была въ чувство кружкою воды и отправилась домой. Черезъ день она уже выходила за ворота и весело разговаривала съ сосѣдками. Домъ ея былъ пятымъ отъ нашей квартиры.

На этой квартирѣ произведенъ былъ нами опытъ катанья по выгону подъ парусами. Вѣтеръ былъ большой, снѣгъ былъ не глубокій. Хозяинъ снабдилъ насъ санями и дрючками. Къ двумъ дрючкамъ мы привязали одѣяла и простыни, выпросивъ ихъ у хозяйки. Верхніе концы такимъ образомъ импровизированныхъ парусовъ прикрѣпили мы къ заднимъ копыльямъ са-

нокъ. Вѣтеръ понесъ насъ по выгону, но чрезъ нѣсколько минутъ опрокинулъ насъ, поднявъ задъ саней высоко отъ земли. Тогда мы прикрѣпили къ задъ дровяную доску и, сѣвъ на ней въ рядъ, своею тяжестью не позволяли передку врываться въ снѣгъ и опрокидывать насъ. Катанье по новости было интересное и довольно занимало мѣщанство; но жаль—не могли такъ устроить паруса, чтобы можно было лавировать.

Неразгаданный народъ — эти мѣщане 1818 года! Будучи завѣятыми мошенниками и ворами, въ иномъ случаѣ являлись жестокими преслѣдователями воровъ; будучи сами развратными и похабниками, иногда казались самыми ревностными поборниками цѣломудрія. Маленькаго вора они не выпускали изъ своихъ рукъ, не сокративъ его жизнь побоями, тогда какъ сами выѣзжали на большія дороги для разбоя и въ поля—для кражи лошадей.— Какому-нибудь молодому человѣку понравилась дѣвушка. Они условливаются поговорить между собою вечеромъ на огородѣ. Но ихъ замѣчаютъ не братья и родственники дѣвицы, но сосѣди,— и вотъ мущины нападаютъ на молодого человѣка, какъ на преступника или смертельнаго врага, бьютъ чѣмъ попало и увѣчаютъ. Но дѣвушку отпускаютъ невредимою. Я самъ видѣлъ, какъ вѣнчался одинъ молодой мѣщанинъ съ перебитою ногою и съ поврежденною рукою. Народъ въ церкви говорилъ: „это его избили сосѣди невѣсты, когда ночью имѣлъ онъ свиданье съ суженою на огородѣ ея.“—

Въ купечествѣ, какъ мценскомъ, такъ и орловскомъ, дѣвицы не ходили въ то время на общественное гулянье, не ходили и въ церковь, кромѣ одной или двухъ недѣль, которыя обычаемъ назначались исключительно для нихъ и въ которыя староста не пускалъ въ церковь неженатыхъ молодыхъ людей. Но за то со дня совершеннолѣтія дѣвица усаживалась родными у воротъ ихъ дома *на погляденье*, какъ тогда говорили, и молодые люди получали право проходить мимо дома и кланяться разряженной, набѣленной и нарумяненной красавицѣ.

Но для мѣщанъ орловскихъ мѣстомъ выбора невѣстъ служила мойка бѣлья на рѣкѣ, гдѣ дѣвицы, поднявъ до колѣнъ платье, выставляли на показъ бѣлизну и полноту тѣла, талію и гибкій станъ свой, особенно когда попеременно то наклонялись къ водѣ, то поднимались вверхъ. Другимъ мѣстомъ — не выбора невѣстъ, но похабныхъ наслажденій, служили торговые бани, бывшія при рѣкахъ—какъ Окѣ, такъ и Орликѣ. Въ торговыхъ баняхъ того времени женщины и мущины мылись и парились

вмѣстѣ. Въ самой банѣ парь добывался поливаніемъ камней дикарныхъ, которые раскаливались въ четырехугольной печи, а не изъ котловъ, какъ теперь дѣлается. Горячая и холодная вода бралась изъ двухъ огромныхъ котловъ не черезъ краны, а чрезъ края котловъ. Котлы стояли къ задней стѣнѣ бани рядомъ съ печью. Страшно, быцало, подойти къ горячему котлу; такъ и думалось, что кто-нибудь изъ тѣснившихся около него толкнетъ тебя въ кипяткъ, почему обыкновенно ожидаешь, пока толпа, стоявшая около котла, сколько-нибудь разрѣдится. Зачерпавшій ряжкой горячей воды, идя между народомъ, долженъ по заведенному порядку кричать: „ожгу!“—Прибанникъ, гдѣ мылись на скамьяхъ, былъ холодный и грязный,—а раздѣвальною служилъ сарай безъ дверей и оконъ; но какъ сарай былъ небольшой и въ немъ не было лавокъ, а только солома, которая подъ конецъ дѣлалась мокрою,—то большая часть народа раздѣвалась около бани, подъ открытымъ небомъ. Покражъ не было,—виднo былъ и караульщикъ.

Бани топились осенью, зимою и весною, а лѣтомъ двѣ рѣки, протекавшія по городу, каждый день наполнены были купающимися. Трудно объяснить, почему не позволялось пройти берегомъ мужчинъ тамъ, гдѣ купались женщины, и женщинъ, гдѣ купались мужчины, тогда какъ въ банѣ оба пола мылись вмѣстѣ. Я нѣсколько разъ бывалъ въ торговой банѣ, и не помню, чтобы какая изъ женщинъ словомъ затронута была со стороны мужчины. Правда, въ самой банѣ не до того, чтобы смотрѣть на женщину; каждый старается избѣжать столкновенія съ несущими горячую воду. Въ прибанникѣ—такой парь, что на самомъ близкомъ разстояніи не видишь, кто подлѣ тебя моется. Только въ раздѣвальной, и особенно при одѣваніи, женщина терпитъ стѣсненіе отъ наглыхъ вѣзоровъ мужчинъ. Впрочемъ возрастныхъ дѣвицъ рѣдко здѣсь видишь; ходятъ въ торговую только молодыя и пожилыя женщины и старухи, а съ ними уже дѣвочки до 15-лѣтняго возраста. Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ орловскомъ д. училищѣ я ходилъ въ торговую баню, будучи 16-лѣтъ; но право равнодушно смотрѣлъ на молодыхъ женщинъ, только любовался иногда прекрасною фигурою 15-лѣтней дѣвочки, и то нисколько не обращая вниманія на детали фигуры.—Въ раздѣвальной не позволялось (какъ обычаемъ принято было) мужчинамъ обращаться къ женщинамъ ни однимъ словомъ. Я помню, что досталось мѣщанину за нѣсколько безобидныхъ словъ, обращенныхъ къ молодой женщинѣ. Приходитъ толстая, претолстая старуха съ

красивою молодою женщиною, должно быть— неvěсткою. Раздѣлись. Красавица, прикрывъ себя спереди вѣникомъ, сопровождаемая старухою, шла въ прибанникъ. 30-лѣтній балагуръ изъ мѣщанъ со смѣхомъ сказалъ: „Эхъ! молодайка! Спереди-то закрыла, а сзади—видно!“—Старуха огрызнулась: „смотри у матери своей, сучій сынъ!“—и пошла, загораживая собою молодайку и проклиная озорника: „чтобъ тебѣ очи вылѣзли, чтобъ ты навѣки ослѣпъ!“ Всѣ женщины, бывшія въ раздѣвальнѣ, вѣзѣлись на несчастнаго. Выходятъ изъ бани два геркулеса; узнавъ, въ чемъ дѣло, накидываются на озорника: „ты что?“—А вы что?,—отвѣчаетъ озорникъ тихо.—„Ты что?“, вскрикиваютъ громче первые.—А вы что?,—отвѣчаетъ послѣдній еще тише.—„Давно у тебя считались ребра?“, вскричали первые. Тогда озорникъ, схвативъ остальное платье свое, котораго не успѣлъ надѣть, скорѣе вонъ изъ раздѣвальной; женщины дружнымъ хохотомъ проводили труса..

Въ послѣдній курсъ мой въ училищѣ со мною жилъ родной братъ мой *Евграфъ*, обучавшійся въ приходскомъ училищѣ. Между его товарищами я зналъ одного бѣленькаго мальчика—*Аретинскаго*. Еще раньше, чѣмъ онъ поступилъ въ училище я какъ-то увидѣлъ его. Однажды я шелъ по улицѣ; у воротъ одного дома стояли купидоны—мальчикъ и дѣвочка. „Чьи вы?“,—спросилъ я ихъ.—Аретинскіе. — „Кто вашъ отецъ?“—Дьяконъ.—Этотъ мальчикъ Аретинскій былъ впослѣдствіи *Серафимъ*, теперь Архіепископъ Воронежскій ¹⁾).

Поступленіе въ Семинарію.

(1821—1825 гг.)

Опять Сѣвскъ.—Три отдѣленія Семинаріи и науки въ нихъ преподававшіяся.—Новый архіерей *Гавріилъ Розановъ*.—Квартира на обществѣ.—Квартирование за *Морицей*.—Учтивое обращеніе въ Семинаріи.—Ректоръ о. *Владиміръ Сорокинъ* и его загадочная смерть.—Какъ принималъ архіерей Гавріилъ семинарское начальство.—Инспекторъ *Степанъ Левитскій* и его печальная судьба.—Новый

¹⁾ *Александръ Николаевичъ Аретинскій* (въ монашествѣ *Серафимъ*)—первый магистръ д. академіи—выпуска 1837. Оставленъ былъ при академіи бакалавромъ богословскихъ наукъ. Былъ впослѣдствіи Викаріемъ Кіевской митрополіи—*Епископомъ Чигиринскимъ* (1860—1865 гг.); скончался въ санѣ архіепископа воронежскаго 22 апр. 1886 г. Л. М.

инспекторъ о. *Іаковъ Вечерковъ* и его способъ умиловити архіерея.—*Прокуроръ* и его разсказы о прошломъ.—Воспоминанія хозяйки о плѣнныхъ французахъ: угощеніе ихъ *изъ черенка*.—Смерть хозяйской дочери *Гали* отъ обрыва земли.—Мѣщанинъ *Пальчикъ* и его разглагольствія.—Несчастіе хозяина отъ запоя жены.—Хозяйская дочь *Наташа*.—Опытъ съ селитрой на спинѣ борова.—Запой ветеринара.—Красавица *Саша Оболенская* и влюбленность въ нее автора.

Окончивъ курсъ въ Орловскомъ духовномъ училищѣ въ 1821 г., я поступилъ въ Семинарію—опять въ Сѣвскъ. Но была не прежняя Семинарія. Уже не было прежнихъ богослововъ съ косами, философовъ на распашку, и риторовъ—съ подпоясками у поясицы. Классовъ въ Семинаріи было не много: *нижнее отдѣленіе, среднее отдѣленіе и высшее отдѣленіе*. Но въ каждомъ, отдѣленіи былъ двух-годичный курсъ. Въ первомъ классѣ читались: словесность, исторія, алгебра, геометрія, греческій языкъ, латинскій языкъ и нѣмецкій языкъ. Во второмъ: философія и физика. Въ третьемъ: богословіе, свящ. писаніе, герменевтика, священная исторія и церковная исторія. Учители были изъ духовной академіи. Изъ старыхъ оставался одинъ *Илья Кузмичъ Соколовъ*, впослѣдствіи протоіерей Мценскаго собора. Въ 1870 г., въ бытность мою въ г. Мценскъ—на родинѣ, онъ объяснялъ мнѣ пребываніе свое въ Семинаріи по преобразованіи ея въ 1817 г.—такъ: „отъ прежнихъ преподавателей Коммисія духовныхъ училищъ потребовала конспекта по преподаваемому ими предмету и ученаго разсужденія на извѣстную тему. Немногіе рѣшились подвергнуться этому экзамену, говорилъ Соколовъ; но я подалъ и конспектъ и разсужденіе, и былъ признанъ профессоромъ философіи. Разсужденіе было: *De vi intuitionis animi*.“¹⁾ Мнѣ не досталось слушать философію у Соколова: черезъ два года онъ оставилъ Семинарію; но мнѣ говорили, что онъ, при своемъ знаніи нѣмецкаго языка, хорошо былъ знакомъ съ новою нѣмецкою философіею, и ему приписывали переводъ *Критики чистаго разума*, ходившій по рукамъ въ рукописи.

Каждый урокъ продолжался *два часа*. Два урока было до обѣда и одинъ послѣ обѣда.—Въ *нижнемъ отдѣленіи* главнымъ предметомъ считалась *словесность*—и ученики именовались *словесниками*. Учитель читалъ намъ словесность по запискамъ академическимъ, которыя начинались такъ: „Провидѣніе даровало людямъ безцѣнную способность выражать мысли и чувства сло-

¹⁾ То есть: „о силѣ душевнаго вниманія.“ Л. М.

вами.—Такъ какъ въ этихъ запискахъ исчислялись только роды прозаическихъ стихотворныхъ сочиненій, и нѣкоторые даже безъ примѣровъ и образцовъ,—то вмѣстѣ съ ними читалась и *Бургіева риторика*, которая знакомила насъ съ тропами и фигурами.—Гражданская исторія читалась по Шрекку.—Алгебра и геометрія только начинались; и почти на первыхъ страницахъ бросались. Не было кому преподавать. Часто приходилось быть преподавателемъ ихъ тому, кто самъ не проходилъ этихъ предметовъ. Начальники не сочувствовали этимъ предметамъ, и почти не экзаменовали: ограничивались на экзаменѣ спросомъ двухъ-трехъ учениковъ.—Требовались упражненія въ сочиненіяхъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Предлагались темы, по которымъ ничего не было въ головѣ. Требовали только „расужденій“, но никогда не считали нужнымъ знакомить насъ съ описаніями и повѣствованіями, предполагая, что этому научить сама природа. Заставляли заучивать наизусть нѣкоторые стихи, но не знакомили съ стопосложеніемъ. Руководства не имѣлось. Христоматій тогда еще не было; но мы откуда-то знали оду *Богъ*.—Профессоры приходили на урокъ спустя часъ; остальное время употребляли на выслушиваніе уроковъ и только нѣсколько минутъ посвящали на преподаваніе, т. е. на разъясненіе.

Въ *среднемъ отдѣленіи* преподавались философія, физика и, не помню, что-то еще— не важное. Философія преподавалась на латинскомъ языкѣ по *Баумейстеру*. Въ одной довольно объемистой книгѣ заключалась логика, психологія, онтологія и метафизика. Въ классѣ профессоръ излагалъ предметы латинскимъ языкомъ, но что относилось къ исторіи философіи, съ тѣмъ знакомилъ насъ на русскомъ языкѣ. Мы не знали древнихъ философовъ, равно и новой философіи; но намъ говорилось о Декартѣ, Малебрантѣ, Спинозѣ и Лейбницѣ. Меня очень занимали философскіе предметы.—Физика читалась по какой-то книжкѣ—и ограничивалась свойствами тѣлъ, акустикой, оптикой и общими понятіями объ электричествѣ и гальванизмѣ. И предметы физики очень занимали меня, но жаль, что при Семинаріи не было ни одного физическаго инструмента, и преподаватель самъ въ первый разъ изучалъ предметъ, какъ тогда водилось.—Химіи тогда не было и въ поминѣ...

Въ *высшемъ отдѣленіи* читалось богословіе на латинскомъ языкѣ по какому-то автору, приспособившему католическое богословіе къ православію. Даже тексты св. писанія здѣсь приводились и заучивались на латинскомъ языкѣ.—Свящ. писаніе

не читалось, а только герменевтика — по тетрадямъ. — Свящ. исторія проходилась по Филарету, церковная исторія — по Иннокентію Пензенскому, кажется. — Не помню, какимъ образомъ въ этомъ отдѣленіи мнѣ удалось читать *Льствицникъ*, *Патерикъ*, *Массильона* и *Эккартгаузена*, а на капикулахъ — *Сіонскій Вѣстникъ*. — Опять — въ среднемъ и высшемъ отдѣленіи насъ занимали однимъ только родомъ сочиненій: „разсужденіями“ — философскими и богословскими.

Когда училище духовное открылось въ г. Орлѣ и я оставилъ Сѣвскъ, — тамъ въ Сѣвскѣ умеръ архіерей *Досифей* ¹⁾. На мѣсто его поступилъ *Іона Павинскій*, высокій и толстый. Но онъ только нѣсколько дней пробылъ въ Орлѣ — и не помню, чтобы посѣщалъ наше училище. А во все время пребыванія моего въ Орловскомъ училищѣ онъ жилъ въ Сѣвскѣ ²⁾. Когда же я отправился опять въ Сѣвскъ — для поступленія въ Семинарію, — въ томъ же мѣсяцѣ сентябрѣ на мѣсто Іоны поступилъ *Гавріиль Розановъ*, отъ котораго много зависѣла судьба моего семейства и особенно моя. Ему уже повелѣно было жить въ губернскомъ городѣ, т. е. Орлѣ; а въ Сѣвскѣ являлся онъ по временамъ и являлся *страшнымъ пугаломъ*. Удивительно, какъ онъ скоро достигъ архіерейскаго сана; ему тогда не было и 35 лѣтъ ³⁾. Средняго роста, съ красивымъ складомъ лица и малою бородою, бѣлолицый, онъ по началу былъ въ волдыряхъ, которые закрывались черною шелковою матеріею и казались мушками, когда-то бывшими въ модѣ. Руки у него постоянно были въ перчаткахъ; такъ и благословлялъ ими; только для служенія въ церкви снималъ перчатки, но тогда прищипы были подкрашены подъ цвѣтъ тѣла. Не знаю, какъ онъ излѣчился отъ этой nereкомендательной болѣзни...

Проходя семинарскій курсъ ученія — въ Сѣвскѣ, первые три года я квартировалъ на Слободкѣ штатныхъ и въ теченіе этого времени перемѣнилъ три квартиры. Первый годъ я квартировалъ

1) Преосв. *Досифей Ильинъ* — уволенъ былъ на покой — 4 іюля 1817 г. — въ *Чолмскій* Спасо-Преображенскій монастырь — орловской епархіи, въ 8 верстахъ отъ г. Трубчевска, и жилъ тамъ до смерти своей, послѣдовавшей 6-го іюля 1827 г. — Л. М.

2) Преосвящ. *Іона Павинскій*, занявшій съ 22-го іюля 1817 г. катедру Досифея, — въ 1821 г. перемѣщенъ былъ въ Тверь; скончался въ званіи архіепископа казанскаго — 3 февраля 1827 г. — Л. М.

3) Пресв. *Гавріиль Розановъ* родился въ 1781 г. 26 янв. Слѣдовательно въ описываемое время ему было уже 40 лѣтъ отъ роду. — Л. М.

во дворѣ *Сиденчихи*; она и мужъ ея *Хома Андреевичъ* уже померли. Какая-то родственница построилась во дворѣ ихъ, и въ этой постройкѣ я жилъ въ обществѣ съ другими учениками-низшаго отдѣленія Семинаріи на своихъ харчахъ или, какъ тогда выражались, *на обществѣ*.—Общество состояло изъ 8 человекъ или, кажется, изъ 10. Каждый влагалъ въ общество 4 пуда ржаной муки, 2 фунта коровьяго масла, 4 фунта сала, 2 мѣрки крупъ и 2 рубля на говядину и постное масло въ треть года. За квартиру, за приварокъ и мытье бѣлья платилось отъ каждого по 10 рублей въ годъ. Деньги хранились у комисара, равно и ключъ отъ кладовой. За говядинною въ городъ ходилъ *дневальный*.—Но я, кажется, только годъ такъ квартировалъ; остальные годы жилъ на хозяйскихъ харчахъ, платя за квартиру, столъ и мытье бѣлья отъ 5 до 6 рублей съ половиною въ мѣсяцъ.

Послѣ квартированія на Слободкѣ Монастырской я два года квартировалъ въ части города, называвшейся *за-Морицей*, которая отстояла отъ семинарскаго корпуса на версту. Квартировавшие за Морицею ходили большею частію черезъ болото, скидая сапоги и заворачивая нижнее бѣлье выше колѣнъ. Чтобы не итти 2½ версты гатью, я совершалъ этотъ одновестный путь почти круглый годъ; только въ тѣ дни я покидалъ эту дорогу, когда неукрѣпившійся ледъ рѣзалъ до крови ноги. Удивительно, какъ я не простуживался. Ноги, бывало, озябали до ломоты и, какъ тогда говорилось, *съ пару заходились*. Но стоило обуться и пройти сажень 80 дубовою рошей,—все проходило безъ послѣдствій для здоровья.—Что же меня завлекло квартировать за Морицей?—Во первыхъ, свобода отъ тягостнаго надзора со стороны инспектора и старшихъ. Тамъ тоже были старшіе; но никогда не видали инспектора.—Во вторыхъ, на Слободкѣ квартировали и ученики училища, которыхъ, а вмѣстѣ съ ними и насъ—семинаристовъ, по прежнему обычаю, водили рядкомъ на утрени и обѣдни; а за Морицею мы—философы и богословы—ходили сами, какъ полноправные граждане. — Въ третьихъ наконецъ — возможность безнаказанно дѣлать шалости и пользоваться обществомъ гражданъ.

Изъ удовольствій, какими пользовался я, квартируя на Монастырской Слободкѣ, осталось въ памяти исправленіе уроковъ въ березовой рошѣ, купанье въ рѣкѣ и уединеніе въ кустарникахъ за рѣкою, которыми покрыта вся болотистая мѣстность на необозримое пространсто. Эта мѣстность на нѣсколько сажень отъ береговъ рѣки въ лѣтніе мѣсяцы обсыхаетъ. Я переплывалъ

туда, держа платье и обувь на головѣ и дѣйствуя только ногами. Особенно пріятными чертами залегли въ памяти экскурсіи по рѣкѣ или по берегу въ мѣловыя горы, которыя тянутся по лѣвому берегу—съ пещерами, и ручейками изъ подошвы ихъ. Протекая по бѣлому грунту, они кажутся хрустальными и серебристыми. Рѣка противъ горъ опушена смородиною, кисти которой висѣли надъ водою...

Съ переходомъ въ Семинарію учтивое обращеніе со мною профессоровъ много возвысило меня въ собственныхъ глазахъ. Прежде никто и никогда не относился ко мнѣ съ *вы*. А тутъ не только Инспекторъ и учителя, но даже и Ректоръ, обращаясь ко мнѣ, говорили „Вы“.

Уже не посылали учениковъ собирать травы и коренья, не посылали за цвѣтами для украшенія аудиторіи. Не помню, гдѣ была больница для учениковъ. Знаю только, что съ квартиръ не брали больныхъ, и нѣкоторыхъ навѣщалъ медикъ изъ города, вѣроятно договоренный начальствомъ.

Ректоромъ былъ ученый архимандритъ; объ немъ говорили какъ о знаменитомъ человѣкѣ, знавшемъ не только Канта, но и Гегеля—съ предшественниками его—Фихте и Шеллингомъ. Но онъ скоро умеръ. Замѣчательна была смерть его—не столько по скоропостижности, сколько потому, что самъ онъ съ точностью предсказалъ ее. Ректорамъ принадлежалъ мужескій монастырь въ г. Мценскѣ ¹⁾. Ректоръ ѣздилъ въ Мценскъ во время Рождественскихъ каникулъ. Выѣзжая оттуда и прощаясь съ купцемъ *Мнозенцовымъ*, который тогда былъ боленъ, сказалъ: „ты переживешь меня цѣлымъ годомъ. Я ожидаю смерти своей въ этомъ мѣсяцѣ“—т. е. въ январѣ. Когда ректоръ возвратился въ Сѣвскъ, профессоръ словесности просилъ его на именинный пирогъ. На утро послѣ классовъ ректоръ заходилъ къ имениннику. Тамъ были всѣ профессора. Онъ отказался отъ водки и вина и, поѣвши немного пирога, сказалъ: „Нѣтъ аппетита. Чувствую, что я нынѣ же долженъ умереть“. Всѣ на него взглянули съ изумленіемъ.—„Я не шучу“,—продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяину,—„вы вчера звали меня на этотъ пирогъ. Ночью, когда заснулъ я, мнѣ приснилось, будто я здѣсь на именинахъ, и мнѣ кто-то поднесъ вмѣсто пирога кутью съ словами: *помяните ректора!*—

¹⁾ Это былъ *Петро-Павловскій* монастырь—подъ г. Мценскомъ. Настоятелемъ его считался архимандритъ, бывший ректоромъ отъ Орловской Д. Семинаріи.—Л. М.

и произнесъ мое имя.—Всѣ принялись успокаивать ректора; но онъ оставался серьезнымъ и грустнымъ. Наконецъ, прощаясь съ хозяиномъ и гостями, сказалъ самымъ серьезнымъ тономъ: „Прощайте, господа сотрудники, не переживу я этого дня; жертвую свою бібліотеку Семинаріи.“—Въ 5 часовъ того же дня разнеслась на Слободкѣ вѣсть: *Ректоръ умеръ!* Всѣ бѣжали въ монастырь и я туда же. Я увидѣлъ покойника на кровати, на губахъ и на бородѣ была запекшаяся кровь. Черезъ полчаса пріѣхалъ изъ города докторъ. Старшіе ученики говорили, что, по объясненію доктора, ректоръ страдалъ геморроемъ, и геморроидальная кровь задушила его. Другіе слыхали отъ профессоровъ, будто возвращаясь изъ Мценска, жаловался онъ на архіерея Гавріила, который, ревизуя монастырь его въ Мценскѣ, сдѣлалъ начеть и доложилъ Синоду, слагая вину на него, какъ на настоятеля. Замѣчательно: въ сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ, въ которомъ разрѣшено было жить ему, какъ ректору семинаріи, онъ занималъ всего двѣ малыя комнаты, служившія прежде помѣщеніемъ для архіерейской прислуги¹⁾...

Инспекторомъ Семинаріи былъ тогда свѣтскій молодой человекъ, магистръ богословія, племянникъ архіепископа Григорія, вполсѣдствіи петербургскаго митрополита, не женатый; имя и фамилію его никакъ не припомню²⁾. Онъ былъ человекъ впе-

1) Ректоръ, загадочная кончина котораго описывается авторомъ, былъ архимандритъ *Владиміръ Сорокинъ*. Родомъ онъ былъ изъ г. Александрова, моск. губ., соборнаго протоіерея сынъ, учился въ *Троицкой Семинаріи*—бывшей въ Сергіевомъ посадѣ—при Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Учиться здѣсь началъ съ 1798 г. Въ 1812 г. опредѣленъ въ эту же семинарію учителемъ высшаго класса и нѣмецкаго языка; въ 1813 г. назначенъ учителемъ риторики. Постриженъ въ монашество (мірское имя его было *Левъ*) въ февралѣ 1814 г. и въ этомъ же году опредѣленъ *баккалавромъ нѣмецкаго языка* въ новооткрытую тогда—въ томъ же Сергіевомъ Посадѣ на мѣсто Троицкой семинаріи—*Московскую Духовную Академію*.—Въ мартѣ 1815 г. переведенъ на должность инспектора тверской д. семинаріи. Въ 1818 г. назначенъ ректоромъ орловской д. семинаріи въ Сѣвскѣ.—22 Января 1822 г. состоялось рѣшеніе о переводѣ его на должность ректора въ новгородскую д. семинарію и настоятеля новгородскаго Антоніева монастыря. Но описанная выше смерть его воспрепятствовала этому рѣшенію... См. *С. Смирнова*: „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“—стр. 518—519; также—*Павла Строева*: „Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей“ стран. 917-я.—Л. М.

2) Позже приписано рукою автора на поляхъ: „Левитскій“.—Ниже будетъ видно, что онъ не былъ племянникомъ преосвящ. *Григорія Постникова*, но только пользовался его покровительствомъ.—Л. М.

чательный, пылкій и гордый, но при такомъ ректорѣ, какъ былъ покойный, онъ велъ себя хорошо. Но при новомъ ректорѣ, характера слабаго, онъ овладѣлъ Семинаріею и по своей страсти и любви къ порядку, возбуждалъ въ насъ уваженіе и страхъ къ себѣ. Къ нему особенно привязаны были два ученика высшаго отдѣленія: *Яковъ Кузьмичъ Амфитеатровъ* и *Евфимъ Андреевичъ Остромысленскій*¹⁾. Они отзывались о немъ, какъ о самомъ даровитомъ профессорѣ. Но наѣздъ архіерея Гавріила и деспотическое обращеніе его съ начальствомъ Семинаріи такъ подѣйствовали на инспектора, что онъ сталъ пить и мстить деспоту всѣми возможными мѣрами...

Гавріиль прибылъ изъ Орла за нѣсколько недѣль предъ переводными экзаменами и, остановившись въ *Юшинѣ*, загородномъ архіерейскомъ домѣ за 15 верстъ отъ Семинаріи, потребовалъ къ себѣ семинарское начальство и всѣхъ профессоровъ. Экипажа никто не имѣлъ, даже и ректоръ. Пока распорядились нанять въ городѣ подводы (а городъ отстоялъ на двѣ версты отъ Семинаріи), день прошелъ. Нанятые подводы едва могли собраться къ 10 часамъ слѣдующаго дня, тогда какъ архіерей ожидалъ прибытія начальства въ тотъ же день, какъ прибылъ отъ него верховой.—Начальство прибыло въ *Юшино* на 3-хъ подводахъ къ 12-ти часамъ утра. Доложили о пріѣздѣ. Архіерей продержавъ подчиненныхъ полчаса въ передней, далъ знать, чтобы они вошли въ пріемную. Представъ предъ архіерея, ректоръ, по обычаю того времени, упалъ въ ноги и, поднявшись, принялъ благословеніе у архіерея и рекомендовалъ инспектора и профессоровъ. Инспекторъ, а за нимъ и профессеры не падали къ ногамъ, а учтиво кланяясь, принимали благословеніе. Архіерей, благословляя небрежно, все смотрѣлъ въ сторону; послѣ чего попросилъ ректора сѣсть, а прочимъ—ни слова. Инспекторъ постоявъ пол-минуты, взялъ стулъ и сѣлъ, гдѣ стоялъ. Архіерей вскипѣлъ.—„Я—хозяинъ въ домѣ,—сказалъ онъ; я не приглашалъ васъ садиться.“—„Я здѣсь по Вашему приглашенію,—отвѣчалъ рѣзко инспекторъ; если я лишній и во мнѣ нѣтъ надобности, позвольте удалиться къ моей должности!“—„Извольте себѣ!“—сказалъ сухо и дрожащимъ голосомъ архіерей. Инспекторъ вышелъ и, сѣвъ на подводѣ, уѣхалъ обратно въ Семинарію. Профессеры остались. Архіерей старался продлить разговоръ съ ректоромъ, даже не обращая лица къ стоявшимъ

¹⁾ Будущіе магистры Кіевской Д. Академіи—выпуска 1829 г.—Л. М.

профессорамъ. Проморивъ ихъ на ногахъ цѣлый часъ, архіерей наконецъ отпустилъ всѣхъ и, благословляя профессоровъ, съ язвительною улыбочкою сказалъ имъ на прощанье: „не подражайте вашему гордецу.“

Этотъ приемъ архіерея происходилъ именно такъ. Съ профессорами былъ одинъ изъ наставниковъ училища, съ подробностію передававшій объ этомъ приемѣ нѣкоторымъ старшимъ ученикамъ семинаріи; и какъ послѣдніе часто представляли его въ лицахъ, то и сохранился онъ у меня въ памяти. Сначала шутили надъ такимъ приемомъ; но какъ вслѣдствіе его произошли важныя событія, то съ горечью вспоминали о немъ...

Инспекторъ и профессеры сочли кровною обидою поступокъ съ ними архіерея. А между тѣмъ отцы ихъ въ свое время страдали больше отъ архіереевъ. Отецъ мой рассказывалъ, что архіерей *Аполлосъ Байбаковъ*, разсерженный чѣмъ нибудь, прибѣгалъ въ Семинарію и срывалъ сердце на учителяхъ; придираясь къ нимъ, ругая ихъ на чемъ свѣтъ стоялъ и таская ихъ за косу. Только учитель старшей риторики *Теодоръ Амфитеатровъ*, въ послѣдствіи кievскій митрополитъ *Филаретъ*,—скромнымъ видомъ, смиреннымъ голосомъ и затрапезнымъ халатомъ вмѣсто сюртука обезоруживалъ его.¹⁾

Инспекторъ началъ запивать и даже являлся на должность въ не совсѣмъ трезвомъ видѣ. Онъ пилъ съ товарищемъ своимъ по академіи. Архіерей ни разу не посѣтилъ Семинарію, хотя каждый день давалъ знать, что будетъ. Начались и окончились экзамены. Наконецъ архіерей приѣзжаетъ на послѣдній экзаменъ въ богословскомъ классѣ, или, можетъ быть, на актъ. Инспекторъ подпоилъ порядочно товарища и уговорилъ, чтобы, когда архіерей будетъ говорить по какому-либо предмету науки, возвра-

¹⁾ *Теодоръ Егоровичъ Амфитеатровъ* (будущій *Филаретъ*, митрополитъ кievскій) окончилъ сѣвскую Д. семинарію въ 1797 г. и 1-го Марта 1798 былъ назначенъ въ эту же семинарію учителемъ поэзи и низшаго грамматическаго класса. Постриженъ въ монашество 7-го ноября 1798 г.—на 20 г. жизни преосвящ. *Аполлосомъ*, епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ.—Такимъ образомъ онъ нѣкоторое время былъ учителемъ въ свѣтскомъ званіи и тогда-то онъ носилъ *затрапезный халатъ* вмѣсто сюртука. Тогда вообще въ отношеніи одежды въ духовной школѣ была крайняя простота—и отсутствіе всякой формы.—Будучи ученикомъ семинаріи, *Филаретъ*, по собственнымъ его словамъ,—*ходилъ въ лаптяхъ, а иногда и босикомъ до самой философіи, и не только въ халатъ, но и въ сѣромъ зипунъ*.—См. „Труды Кievск. д. Акад.“ 1884. Апрель: „Письма Филарета къ Иннокентію Херсонскому“. Л. М.

жать ему всѣми силами. Но товарищъ этотъ, едва начался экзамень, какъ тотчасъ заснулъ... Его вывели. Тогда было въ обычаѣ экзаменовать не учениковъ, а учителя или взаимно другъ друга, и часто въ диспутахъ проходилъ весь экзамень. Инспекторъ разилъ всѣхъ и особенно архіерея...

Послѣ экзамена архіерей со всѣми профессорами пошелъ на обѣдъ къ ректору. Я, наготовивъ билетъ для отпуска на каникулы, стоялъ подлѣ квартиры инспектора—въ ожиданіи его съ обѣда. Тогда квартира ректора была въ первомъ флигелькѣ на сторонѣ семинарскаго корпуса, гдѣ прежде квартировали инспекторъ, а квартира инспектора—тамъ, гдѣ была прежде больница, нѣсколько сажень отъ квартиры ректора. Слышу—поднялся шумъ и крикъ въ комнатахъ ректора. Гляжу—ведутъ подъ руки инспектора, пьянаго и кого-то ругающаго скверными словами. Я бѣжалъ въ корпусъ. Немного погодя, подана была карета. Архіерей вышелъ молча, ректоръ и профессоры тоже вышли встревоженные. На другой день извѣстно стало вотъ что: инспекторъ, упившись сильно или притворяясь пьянымъ, въ спорѣ, бросился на архіерея съ кулаками и успѣлъ ударить его два раза, пока не былъ схваченъ профессорами. Архіерей прекратилъ обѣдъ и, взявъ слово съ профессоровъ никому не говорить о случившемся, тотчасъ уѣхалъ въ свою Юшину—къ своимъ *исполатчикамъ* (маленькимъ пѣвчимъ), которыхъ возилъ съ собою, съ которыми, какъ говорили тогда нѣкоторые, будто мылся въ банѣ и купался въ рѣкѣ.

Архіерей тогда пріѣзжалъ собственно для того, чтобы отыскать охотниковъ купить на сломъ лишнія зданія, принадлежащія монастырю. А онъ считалъ принадлежащими монастырю ректорскій домикъ, стоявшій противъ монастыря, и двухэтажное зданіе семинарскаго аудиторіи. Ректорскій домикъ тогда-же былъ проданъ какому-то сѣвскому купцу и былъ снесенъ, а аудиторія только продана. Монастырь былъ нанятъ питейной конторѣ подъ складъ бочекъ съ водкою и помѣщеніе конторщиковъ.— По справедливости судя, не только ректорскій домикъ и аудиторія, но и корпусъ и флигеля, занимаемые профессорами, построены были прежними архіереями на ихъ счетъ. Самыя роцци насажены были ими. Послѣ я узналъ отъ земляка моего *Никанора Васильевича Доброхотова* (впосл. архіепископа тамбовскаго *Николая*), что Семинарія и учителя содержались прежними архіереями на свой счетъ. Изъ казны имъ отпускалось только 600 рублей въ годъ. Не даромъ съ такимъ стараніемъ, съ такими стихами и рѣчами

устроивали праздникъ архіерею *Досифею* въ рошѣ—во время рекреации. Я тогда былъ еще въ низшей элементаріи и только издали слушалъ и музыку и каеты...

Архіерей уѣхалъ. Инспекторъ съ товарищемъ своимъ начали пить. Въ первую попойку—ночью товарищъ померъ, и погребоба его. Спустя мѣсяцъ по отъѣздѣ архіерея вспыхиваетъ аудиторія, тогда какъ въ этомъ зданіи никто не жилъ и не было печей. Квартиру за Морицей, я не былъ на пожарѣ; но другіе ученики, бывшіе на немъ, говорили, что инспекторъ не допускалъ учениковъ тушить. Черезъ полгода загорается архіерейскій домъ въ монастырѣ и въ одно и тоже время корпусъ бывшей пѣвческой и консисторіи. Домъ началъ горѣть съ мезонина, пѣвческій корпусъ—съ нижняго этажа. Сгорѣли до тла эти зданія и примыкавшая къ архіерейскому дому теплая каменная церковь. Пожаръ распространился и на дворъ монастыря, гдѣ находился складъ водки. Все бы кануло въ воду Леты. Но чиновники конторы требовали строгаго обслѣдованія. Одинъ ученикъ *Добрынинъ* сталъ болтать, что его однажды призывалъ къ себѣ инспекторъ и, насыпавъ въ старый сапогъ горячихъ угольевъ, просилъ отнестъ къ аудиторіи и положить чрезъ окно на полъ, покрытый сухими украшеніями изъ цвѣтовъ. Когда слова его чрезъ штатнаго слушателя дошли до слѣдователя,—онъ отперся отъ своихъ словъ и, на очной ставкѣ съ доносчикомъ, говорилъ, что онъ выдумалъ это въ шутку.—Инспекторъ былъ арестованъ въ его квартирѣ, передъ дверьми ея стоялъ полицейскій солдатъ. Вдругъ закричали по корпусу: „Инспекторъ зарѣзался!“—Уроки прекратились. Я побѣжалъ къ флигелю квартиры инспектора, заглянулъ въ окно. Въ комнатѣ стояли два профессора и солдатъ. Инспекторъ лежалъ на своей кровати, подперши голову рукою. Изъ горла струилась кровь. Тѣ, которые были въ комнатѣ, рассказывали, что онъ рѣзался бритвою—передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, и отъ зеркала до кровати былъ слѣдъ крови. Пріѣхавшій изъ города медикъ зашилъ горло и увѣрялъ, что онъ будетъ живъ. Но на другой день слѣдователи явились снять съ него допросъ. Тогда больной сорвалъ повязку, схватилъ себя за горло, началъ трясти—и померъ! Его зарыли въ концѣ березовой роши—при дорогѣ—тамъ, гдѣ лежалъ уже его товарищ...¹⁾.

1) Инспекторъ съвской семинаріи, магистръ *Степанъ Левитскій*, такъ печально кончившій свою жизнь, былъ товарищемъ по С.-Петербургской д. академіи *Иосифа Акимовича Самчевскаго*, „Воспоминанія“ котораго напечатаны въ „*Кіев-*

На вакансію инспектора прибылъ іеромонахъ *Яковъ Вечерковъ*—магистръ еще съ бритой бородкой.¹⁾ Съ профессорами онъ

ской Старинъ 1893—1894 г.г. Въ одномъ мѣстѣ своихъ *воспоминаній* Самчевскій коснулся личности этого своего несчастнаго товарища—и то, что онъ говорить о немъ, интересно сопоставить съ рассказомъ протоіерея Соколова. „У насъ—въ академіи,—говорить Самчевскій,—былъ одинъ бакалавръ *іеромонахъ Игнатій*, вполс. архіеп. воронежскій. Сначала онъ преподавалъ греческій языкъ, который онъ зналъ основательно. Но потомъ его сдѣлали бакалавромъ по предмету чтенія Св. Писанія. Вотъ тутъ-то и открылась вся его непригодность... Къ счастью, Игнатій не долго томилъ насъ своими наставленіями въ Св. Писаніи. На мѣсто его скоро былъ вызванъ отличный бакалавръ *Азбукинъ* изъ московской духовн. академіи. Но отъ Игнатія мы все-таки не избавились. Ректоръ нашъ преосвящ. *Григорій Постниковъ*, (вполс. митрополитъ С.-Петербургскій), много занятый своими обязанностями по академіи, по званію викарія и по дѣламъ коммисіи духовныхъ училищъ, самъ уже не могъ преподавать намъ *догматическаго богословія* и перedalъ свои записки Игнатію, чтобы онъ продолжалъ по нимъ читать намъ лекціи. Ничего не было бы для насъ непріятнаго, если бы Игнатій былъ только чтецомъ. Но онъ сталъ пускаться въ объясненія, которыя были для насъ не нужны; многіе изъ насъ лучше его знали догматику болѣе смѣлые и бойкіе стали дѣлать ему возраженія, которыхъ онъ не умѣлъ опровергнуть, горячился и приходилъ въ тупикъ. Но среди товарищей нашихъ оказался его горячій защитникъ—*студентъ Левитскій*, изъ новгородскихъ семинаристовъ, весьма способный и съ крѣпкой головой. Еще въ низшемъ отдѣленіи академіи онъ былъ замѣченъ въ *вольномыслии*, за что мы и называли его *внукомъ Марфы Посадницы*. Начальство стало понижать его въ спискахъ. Левитскій сталъ осторожнѣе и, зная, что Игнатій пользуется расположеніемъ ректора Григорія, началъ къ Игнатію подлаживаться и угодилъ ему своею защитою противъ нашихъ возраженій.—Скоро Игнатій былъ сдѣланъ, по порученію Григорія, преподавателемъ у насъ, *Каноническаго права* и опять сталъ морочить наши головы своими лекціями... Между тѣмъ Левитскій болѣе и болѣе приходилъ въ фаворъ Игнатія, а этотъ своими рекомендаціями поселялъ въ Григоріи лучшее объ немъ мнѣніе. Предъ окончаніемъ нашего курса нужно было выбрать лучшее изъ студенческихъ сочиненій для напечатанія въ опытахъ. Григорій поручилъ сдѣлать это Игнатію. Игнатій не задумался отдать предпочтеніе разсужденію Левитскаго объ *Ангель хранитель*. Но, направляя его для печати, совсѣмъ его испортилъ. Тогда Григорій поручилъ исправить разсужденіе Левитскаго инспектору академіи *Іоанну*. Послѣ этого оно было напечатано и читано самимъ Левитскимъ на публичномъ экзаменѣ, что пріобрѣло ему карьеру. Но этою карьерою Левитскій воспользовался не къ добру. По окончаніи курса со степенью магистра, онъ былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ орловскую семинарію; тамъ вскорѣ предался пьянству, распойлъ пріѣхавшаго съ нимъ туда учителемъ товарища своего *Івана Вязнина* и въ бѣлой горячкѣ отъ пьянства зажегъ семинарскій домъ, а себя зарѣзалъ. Видно несчастный не подумалъ объ *Ангель хранитель*, о которомъ написалъ разсужденіе въ академіи...—(Кіевск. Старина—1893 г. Ноябрь, стран. 210—213). Л. М.

¹⁾ *Іаковъ Вечерковъ*—воспитанникъ С.-Петербургской д. академіи выпуска 1819 г.,—родомъ изъ курской губерніи. Скончался архіепископомъ нижегородскимъ въ 1850 г. Извѣстенъ, между прочимъ, своею подвижническою жизнію и своими проповѣдями—простыми безыскусственными. Онъ очень нравились Н. В. Гоголю.—Л. М.

жилъ хорошо и слишкомъ фамиліарно обращался съ учениками высшаго отдѣленія, особенно, съ богатыми. Изъ такихъ, отличался одинъ, сынъ священника—помѣщика черниговской губерніи, никакъ не вспомню его фамиліи, высокаго роста, красивой наружности и первый щеголь въ семинаріи. Онъ подружился съ женщиною или дѣвицею деревни *Ламакина*, находившейся близко отъ семинаріи, за рощею и маленькимъ болотомъ, обсыхавшимъ въ лѣто. Когда онъ возвращался изъ деревни съ однимъ изъ своихъ товарищей,—на него напали ламакинскіе мужики. Другіе два сильные ученика стояли на болотѣ и поспѣшили на помощь. Произошла драка. Кто-то далъ знать инспектору. Вечерковъ тотчасъ далъ знать на Слободку старшимъ; тѣ, пригласивъ хозяевъ и собравъ здоровыхъ учениковъ, бросились на выручку. Произошла свалка. Управляющій деревнею или староста ея жаловался барину, который жилъ въ Орлѣ. Дворецъ его съ рощею Ламакинской, куда весь городъ сходилъ на Троицынъ день, находился недалеко отъ архіерейскаго дома. Староста донесъ Ламакину, а Ламакинъ—архіерею, будто бы драка была по наряду инспектора—и у нѣкоторыхъ семинаристовъ были дубины и сабли.—Архіерей тотчасъ прикатилъ въ Сѣвскъ. Началась передряга. Всѣ и все преклонилось предъ архіереемъ и трепетало передъ нимъ. Ходатаями, кромѣ ректора, который былъ въ милости его, явилось мѣстное городское духовенство и настроенное имъ купечество, которые выставляли Ламакинскихъ мужиковъ какъ воровъ и разбойниковъ. Особенно заступался за семинарію и инспектора протоіерей сѣвскаго собора *Глыбовъ*, воспитанникъ древней кievской академіи. Его жаловалъ архіерей Гавріиль за бесѣду на латинскомъ языкѣ, въ знаніи котораго намѣренно уступалъ онъ архіерею.—Выѣзжая изъ Сѣвка въ Орелъ, архіерей объявилъ ректору, что два ученика высшаго отдѣленія, какъ недовольствующие своею рощею и бродившіе по деревнѣ, должны быть исключены изъ семинаріи, а объ іеромонахѣ Вечерковѣ онъ представить свои сообщенія въ комиссію духовныхъ училищъ.—Вечерковъ, хорошо понявъ характеръ архіерея, приказалъ несчастнымъ ученикамъ заготовить тройку лихихъ лошадей и, самъ сѣвъ на ней съ учениками, три раза обгонялъ архіерейскую карету и становился съ учениками на колѣни при дорогѣ. Архіерей проѣзжая мимо, все отворачивался; только въ предмѣстьи города *Дмитровка*, увидѣвъ ихъ, впереди почетныхъ гражданъ, выѣхавшихъ по обычаю на встрѣчу, стоящими на колѣняхъ, остановивъ свою карету, приказалъ ученикамъ ѣхать назадъ, а Ве-

черкова пригласилъ сѣсть съ нимъ въ карету и, благословивши почетныхъ гражданъ, поѣхалъ въ соборъ.—Вечерковъ служилъ съ нимъ на другой день обѣдню, былъ у него на обѣдѣ и отпущенъ съ миромъ какъ для него, такъ и для учениковъ.¹⁾

Въ теченіи 3-хъ лѣтъ мнѣ пришлось квартировать въ 4-хъ домахъ. Сначала—у *Прокурора*. Это былъ 70-лѣтній канцелярскій служитель консисторіи, служившій архивариусомъ. Когда настало рѣшеніе по какому-либо важному дѣлу и архіерей Досифей приглашалъ членовъ для совѣщанія,—то оканчивалъ это совѣщаніе призывомъ архивариуса и такими словами: „что намъ скажетъ Прокуроръ?“ И этотъ *Прокуроръ* изумлялъ всѣхъ припоминаніемъ однородныхъ дѣлъ, рѣшеній по нимъ и указовъ св. Синода. Не только въ архіерейскомъ домѣ и консисторіи, но и въ городѣ иначе не называли маленькаго и худенькаго старика, державшаго себя гордо. Настоящая фамилія его всѣми была забыта. Онъ много рассказывалъ анекдотовъ изъ жизни и управленія прежнихъ архіереевъ, особенно сумасброднаго *Анолоса*; какъ строилась семинарія, садились двѣ рощи руками причетниковъ и діаконввъ, награжденныхъ послѣ діаконствомъ и священствомъ. Но это тогда не много занимало меня, потому что считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Когда я поступилъ въ сѣвское училище, то и при мнѣ, въ 1817 г., вызывались дьячки и діакона для постройки теплой каменной церкви. Одинъ дьячекъ, лѣтъ 30-ти, квартировавши съ нами у Сиденчихи, при постройкѣ этой церкви получилъ калѣчество и награжденъ священствомъ. На него упало рештованье; онъ ходилъ согнутымъ и это не помѣшало архіерею посвятить его во священника и дать священническое мѣсто.

Послѣ дома *Прокурора* я съ 3-мя товарищами квартировалъ у мѣщанина—*Сонова*—лѣтъ 50-ти; хозяйка была лѣтъ 40, оба—самые добрые и ласковые. У нихъ было 2 дочери—одна *Маша*, другая—*Галя*. Первой было лѣтъ 15, другой—13. Эти рѣзвухи обращались съ нами слишкомъ фамильярно—при матери и отцѣ играли съ нами, на доскѣ прыгали, на веревчатыхъ качеляхъ качались, шутили, получали отъ насъ удары ладонью по плечамъ, давали и намъ сдачу; но эти близкія отношенія не захо-

1) Съ этихъ поръ о. Іаковъ Вечерковъ сдѣлался любимцемъ *Ггаріила*. Последний рекомендовалъ его на должность ректора въ Екатеринославъ, куда и самъ скоро былъ переведенъ архіепископомъ и тамъ еще болѣе сдружился съ о. Іаковомъ.—Л. М.

дили далеко и не доводили обѣ стороны до худаго.—Хозяйка рассказывала, какъ она угощала въ 1815 году возвращавшихся плѣнныхъ французовъ. „Они были такіе милые, веселые. Мнѣ было жалко ихъ,—рассказывала хозяйка,—я сварила имъ хороший обѣдъ; но какъ они были другой вѣры, то мнѣ не хотѣлось поганить своихъ блюдъ,—я паливала имъ въ черепокъ. Они, указывали мнѣ на блюда, лежавшія на полкахъ,—все смѣялись. Немного говорили по русски; я объяснила имъ, почему не подавала въ блюдахъ,—они еще больше хохотали.—Однажды хозяйнѣ, взявъ мѣшокъ и лопатку и приказавъ Галѣ съ мѣшкомъ идти съ нимъ, сталъ на поль-горѣ въ готовой ямкѣ копать глину. Наполнивъ свой мѣшокъ, вытащилъ его наружу, а Галя между тѣмъ влѣзла въ яму наполнять свой мѣшокъ; вдругъ послѣдовалъ обвалъ—и задавилъ дѣвочку. Соповъ бросился отрывать, сопровождая работу крикомъ. Сбѣжался народъ, съ трудомъ отрылъ изъ подъ массы земли дѣвочку; она была бездыханна. Отецъ помѣшался, мать перенесла ударъ. Погребая эту дѣвочку, мы оплакивали ее, какъ родную сестру.

На эту квартиру ходилъ къ намъ сосѣдъ мѣщанинъ *Пальчикъ*. Его, какъ грамотнаго, интересовало знакомство съ нами. Это былъ лѣнивѣйшій человѣкъ, лѣтъ 40, высокій и сухощавый; когда только приходилъ въ квартиру нашу, всегда у него были одни и тѣже рѣчи: „Эхъ-ма, хоть тресни, нѣту работы; но что мнѣ? жизнь-копѣйка, голова нажитое дѣло, а душа? хоть тынь подопрѣ ею. — Ну, каково поживаете?“—каковъ-бы ни былъ отвѣтъ учениковъ, онъ начинаетъ рассказывать изъ житій святыхъ. *Иванъ Смоленскій*, ученикъ низшаго отдѣленія, сосѣдъ мой по родинѣ, бывало станетъ трунить надъ благочестивыми размышленіями Пальчика. Тогда Пальчикъ, бывало, говоритъ ему: „Ой, Ваня, не миновать тебѣ ада, будешь ты въ смолѣ кипѣть.“ — А я запасусь шиломъ; вотъ когда и тебя будутъ опускать въ котелъ, я снизу такъ пырну, что ты вылетишь изъ котла! — разговоръ обыкновенно оканчивался словами: „Охъ, что будетъ, то будетъ, сыграемъ пока въ три-листика“, — и вынимаетъ засаленныя карты.

Третья квартира памятна тѣмъ, что хозяйнѣ, бывшій когда-то купцомъ и бургомистромъ, отъ запоя жены все потерялъ; кромѣ дома жена его хватала что попало подъ руку и несла въ кабакъ. Она не имѣла ни юпки, ни платка на головѣ. Ходила простоволосая съ распущенными волосами, сбитыми въ войлокъ и въ одной рубахѣ. Мы квартиранты жили въ особомъ флигелѣ и приходили только обѣдать и ужинать въ избу плановаго дома, въ

горницѣ жилъ хозяинъ; несчастная жена его обитала на полатяхъ. Кушанья готовила и подавала на столъ 15-лѣтняя дочь хозяина. Хозяинъ рѣдко занимался своимъ ремесломъ—дѣланіемъ восковыхъ свѣчей. Мущина въ 40 лѣтъ, бѣлаго лица, съ большими свѣтлыми глазами и съ черною прекрасною бородою, всегда одѣтый прилично, онъ все ходилъ изъ угла въ уголъ, по временамъ восклицая: „Жизнь — жизнь проклятая — вотъ жизнь!“ Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ. *Наташа*, дочь хозяина, была прекрасная дѣвушка, волосы черные, лицо бѣлое, глаза большіе, свѣтлые, только рубашка на ней и юпочка всегда грязныя до черноты. Одинокая и зануженная, она съ нетерпѣніемъ ожидала, когда мы придемъ обѣдать; когда приходимъ, безъ умолку щебетала своимъ серебрянымъ голоскомъ, и улыбка не сходила съ устъ ея. Разъ случилось мнѣ спать съ Наташей бокъ-о-бокъ. Это было такъ. Возвратившись съ Рождественскихъ каникулъ за два дня до срока и ночью, я насилу достучался въ двери хозяина. Былъ страшный морозъ. Флигель еще не былъ отопленъ, и хозяинъ, всегда спавшій въ нетопленной горницѣ, на этотъ разъ спалъ въ избѣ на лавкѣ. Я слишкомъ перезябъ и хотѣлъ нераздѣваясь лечь на другой лавкѣ. Хозяинъ, снисходя моему положенію, предложилъ мнѣ теплое мѣсто на печи. „Тамъ,—сказалъ онъ,—только Наташа“. Я легъ на печи, немножко поодаль отъ дѣвицы. Когда я проснулся, дѣвица лежала подлѣ меня и спала. Я тотчасъ отодвинулся отъ ней, чтобы рѣвушка не разболтала товарищамъ моимъ, по пріѣздѣ ихъ; я даже слѣзъ съ печи и цѣлое утро проспалъ на лавкѣ. Когда я проснулся, Наташа была уже въ своей запачканной юпкѣ и возилась у припечки. „Это ты спалъ со мною на печи?“—спросила она.—Да, я былъ сначала на печи, но какъ узналъ что ты тамъ, только обогрѣлся тамъ и тотчасъ сошелъ на лавку“. Я краснѣлъ какъ буракъ, а она нисколько. Я опасался, думая, что она послѣ разболтаетъ товарищамъ, отъ которыхъ не было бы мнѣ проходу; но, слава Богу, не видя тутъ ничего худого, она ни разу послѣ не вспоминала о томъ.

Съ этой квартирою связалось еще воспоминаніе объ одной глупости, которую мы позволили себѣ и за которую много могли пострадать. Кто-то изъ насъ досталъ селитры и узналъ на опытъ, что когда горитъ она, прожигаетъ мѣсто, на которомъ лежитъ. *Смоленскій* далъ намъ знать, что подлѣ двора лежитъ чей-то огромной величины боровъ, и предложилъ испытать горѣніе селитры на спинѣ борова. Планъ былъ одобренъ всѣми; всѣмъ хотѣлось видѣть, что будетъ съ боровомъ. Завернули кусокъ се-

литры въ губку, обмазали дегтемъ. Смоленскій подкрался съ этимъ аппаратомъ къ свинѣ и вложилъ аппаратъ въ щетину на спинѣ. Когда зажженная губка догорѣла до селитры и горючее вещество достигло тѣла, боровъ ухнулъ и бросился бѣжать. Сваливъ одного изъ насъ, онъ бросился на базаръ; тамъ онъ ниспровергалъ выставки товаровъ и самихъ торговыхъ. Поднялся крикъ, гамъ. Мѣщане взяли колья и убили борова, какъ взбѣсившагося. Но тотъ-же часъ замѣтили, что у убитаго животнаго спина горитъ. Что это? откуда огонь?—Узнай они, что это наша продѣлка, намъ не миновать бы бѣды. Но мы притаились въ квартирѣ и взяли другъ съ друга клятву никому не говорить о селитрѣ и боровѣ.

Въ это время я испыталъ другую тревогу. Пріѣхалъ въ Сѣвскъ архіерей Гавріиль, узналъ, что многіе изъ семинаристовъ курили табакъ, и далъ приказъ отыскивать таковыхъ, угрожая имъ солдатчиною. Въ числѣ курящихъ махорку и я былъ. Въ нашей квартирѣ курящіе тотчасъ побросали трубки — и трепетали, особенно я, чтобы кто-либо изъ старшихъ не донесъ на меня. Но старшимъ былъ упомянутый *Остромысленскій*, который тогда практиковалъ образъ жизни монашескій: онъ ходилъ, потупи взоръ, и старался избѣгать лишнихъ разговоровъ. Тогда вообще считалось признакомъ хорошаго поведенія, если ученикъ ходилъ съ наклоненною головою, говорилъ въ полголоса и никогда не смѣлся. — Архіерей уѣхалъ, — опасенія мои прекратились.

Четвертую квартиру, у молодого кузнеца, я занялъ вдвоемъ съ *Веселовымъ*, ближайшимъ моимъ другомъ, уже по переходѣ изъ средняго отдѣленія въ высшее, или въ богословію. Домъ былъ новый и просторный. Мы спали уже на кроватяхъ. Съ нами въ другой комнатѣ квартировалъ военный ветеринарный медикъ съ деньщикомъ *Шаповаленкомъ*. Медикъ подверженъ былъ періодическому запою. Когда бывало начнется запой, медика запирали деньщикъ и ухаживалъ за нимъ какъ за ребенкомъ. Въ періодъ запоя ходилъ больной безъ портокъ и бушевалъ. Шаповаленко, вопреки нашему совѣту сперва на сутки приносилъ ему штофъ водки, и потомъ, по полштофу, наконецъ только по стакану. Чрезъ недѣлю или полторы больной переставалъ пить и тогда онъ терялъ силы; дня три не вставалъ съ постели. По минованіи болѣзни, онъ становился добрымъ, старался всѣмъ угодить, и какъ онъ былъ очень просвѣщенный человѣкъ, разговоръ его былъ самый пріятный и интересный. Хозяинъ и мы души не слышали въ немъ. Проходилъ періодъ болѣзни, и онъ не могъ выносить запаха водки, тогда какъ прежняя наша хозяйка, тоже страдав-

шая запоемъ, постоянно томилаcь жаждою водки и не выходила изъ состоянiя идиотизма. Такой особѣ, какъ ова, мѣсто только въ сумашедшемъ домѣ. Но и ветеринаръ уже ли неисцѣлимый человѣкъ? Стыдъ и срамъ медицинской наукѣ! Больной перестаетъ ѣсть, питается однимъ углеродомъ водки, какъ бы тутъ не извлечь изъ этихъ данныхъ какого-либо средства исцѣлять несчастныхъ отъ запоя!

Не помню, въ какомъ отдѣленіи Семинаріи я былъ, когда на лѣтнихъ каникулахъ довелось мнѣ быть въ Мценскѣ и дня два гостить у тетки или у діакона *Степана Федоровича Троицкаго*. Дочери ихъ Машенькѣ было уже 15 лѣтъ. Къ ней приходитъ дочь Протопопа Оболенскаго — *Саша*. Маша была хорошенькою, но Саша до того поразила меня красотою, что я трехъ словъ не могъ сказать при ней съ толкомъ. А между тѣмъ она все обращалась ко мнѣ и, замѣтя мою неловкость, вызвала всѣхъ на дворъ играть въ горѣлки. Маша съ сестрами, братья ея, товарищъ мой Петръ и малый Степанъ и я вышли. Но дворъ оказался тѣсень, вышли на улицу. Въ этой игрѣ я освоился съ красавицей. Это было первое мое знакомство съ нею. Вечеромъ опять пришла къ намъ Саша; мы сидѣли за воротами. Тутъ она больше всего говорила со мною, разспрашивая объ Орлѣ, Сѣвскѣ. Она говорила и обращалась со мною такъ наивно, какъ и Маша, т. е. „Коля, Количка. Вы уѣзжаете (я былъ со своею матерью), когда же Коля опять пріѣдешь къ намъ?“, — говорила она. — Дорогой я мало думалъ о Сашенькѣ; но когда пріѣхалъ домой, она не выходила у меня изъ головы, и чтобы свободнѣе думать о ней и припоминать ея слова, я искалъ уединеннаго мѣста, и большею частію забирался въ коноплянникъ. Тамъ я предавался сладкимъ воспоминаніямъ объ ея прекрасныхъ глазахъ, бѣломъ лицѣ, алыхъ губкахъ, стройной и рѣзвой походкѣ и звучномъ голосѣ. Эти воспоминанія всегда оканчивались сладкими слезами. Я часто ни съ того ни съ сего сводилъ разговоръ на Сашеньку, особенно когда говорилъ съ сестрою Катєю. Она поняла мое состояніе, подмѣтила и слезы. Однажды сестра затѣваетъ разговоръ о будущихъ невѣстахъ моихъ. „Вотъ ты кончишь курсъ, тебѣ придется жениться, куда бы ты поѣхалъ искать невѣсты?“, — говорила она. — Я никуда бы не поѣхалъ, какъ во Мценскъ, тамъ все хорошенькія. — „Когожь ты тамъ видѣлъ кромѣ сестеръ?“ — Тамъ всѣ хорошенькія. — „Да ктожь тамъ?“ — Хоть бы Саша Оболенская. — „Да Саша не можетъ быть твоею невѣстою, она наша троюродная сестра; ты помнишь бабушку Елену и бабушку Лушу. Вѣдь онѣ

родныя сестры, а Протопопъ — сынъ Луши“. — Я заплакалъ и бѣжалъ въ свой коноплянникъ... Тамъ на свободѣ я выплакалъ все свое горе — и больше не думалъ о прекрасной Сашѣ. — Какая жъ судьба красавицы? Она выдана была за учителя духовнаго училища, рябого урода и пьяницу, который отъ пьянства скоро и померъ. Въ 1870-мъ году красавица была жива; въ бытность мою въ Мценскѣ въ это время я хотѣлъ отыскать ее, чтобы взглянуть на 60-лѣтнюю старуху. Но, слава Богу, обстоятельства помѣшали мнѣ, и хорошо. Пусть она останется въ моей памяти 15-лѣтнею красавицею навсегда!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.¹⁾

Постыдній мой курсъ въ Орловской д. Семинаріи.

(1825 — 1827 гг.).

Увлеченіе идеею подвижничества и стремленіе къ отшельничеству.— Путешествіе пѣшкомъ въ Кіевъ—на богомолье въ іюль 1826 года.—Духовный восторгъ при видѣ Кіева.—Встрѣча съ молодымъ монахомъ, нарушившая идеальное настроеніе автора.—Приключенія въ лаврѣ.—Посѣщеніе Кіевской Академіи и свиданіе со студентами земляками.—Историческое свѣдѣніе о частицахъ мощей въ церквахъ г. Кіева.—Переворотъ въ духовномъ настроеніи автора.—Приключенія на возвратномъ пути.—Малорусскія корчмы.—Переводъ семинаріи изъ Сѣвска въ Орель.—Мечты о женитьбѣ.—Посѣщеніе Сѣвска Императоромъ Александромъ I.—Окончательный экзаменъ и неожиданное назначеніе въ Кіевскую Академію.—Прощаніе съ родителями предъ отъѣздомъ въ Академію.—

Въ высшемъ отдѣленіи семинаріи я шелъ не отставая отъ первыхъ учениковъ. Оставалось время и для чтенія книгъ; но намъ не позволяли читать свѣтскія книги, а все духовныя. Я дома на ка-никулахъ много читалъ житій святыхъ изъ Четьи-Минеи, но они не производили на меня такого впечатлѣнія, какъ попавшійся подъ руку въ семинаріи *Лѣстничникъ*, а потомъ *Патерикъ*. Прочитавши *Лѣстничника*, я убѣдился, что всѣ люди, какихъ я зналъ, погибшіе, потому что они не совершаютъ покаянія въ такомъ со-крушеніи сердца, какъ совершали подвижники, изображенные въ этой книгѣ, и поэтому участь всѣхъ будетъ гибель и вѣчное му-

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1906 г. 7—8.

ченіе во адѣ. Когда я прочиталъ Патерикъ, у меня родилось сильное желаніе спастись въ Кіевской лаврѣ. Тамъ — пещеры, мощи святыхъ, тамъ икона Успенія Божіей Матери, полученная изъ пречистыхъ рукъ Ея, тамъ и церковь, построенная чудеснымъ образомъ. Я рѣшился бѣжать изъ міра и съ трудомъ могъ открыться товарищу моему и другу *Веселову*. Зачѣмъ бѣжать? — лучше уволиться изъ Семинаріи, взять билетъ и итти себѣ въ любимый монастырь. — Вотъ я, не говоря никому и даже *Веселову*, пошелъ сказать о своемъ намѣреніи ректору семинаріи. Тогда былъ ректоромъ у насъ *Гавриилъ*, глазами косой; онъ послѣ былъ преподавателемъ философіи въ какомъ-то университетѣ, загнанный архіепископомъ Гавріиломъ.¹⁾ Онъ былъ большой мастеръ говорить проповѣди экспромтомъ, что сначала слишкомъ удивляло насъ, пока не нашелся одинъ изъ учениковъ, *Вознесенскій*, ловкимъ подражателемъ ему. — Когда я трепещущимъ голосомъ объявилъ ректору свое намѣреніе и просилъ увольнительнаго билета, онъ отъ души захохоталъ. „А ктожь тебя станетъ удерживать? — сказалъ онъ, — вотъ почти только годъ остается до окончанія курса; окончи—и съ Богомъ, иди на всѣ четыре стороны!“ Знаніе не спасаетъ, — возразилъ я, — а подвиги, и всякое знаніе теперь я обращаю во уметы. — „Какъ? — вскричалъ онъ, — и знаніе ученія Христова? вѣдь въ Богословіи излагается ученіе Христово. Дуракъ! пошелъ въ классъ!“

¹⁾ Тогдашній ректоръ Орловской семинаріи, архимандритъ *Гавріилъ Воскресенскій*, былъ магистромъ Москов. Духовной Академіи выпуска 1820 г. Сначала онъ былъ преподавателемъ философскихъ и богословскихъ наукъ въ Московской же Академіи, а затѣмъ съ 1824 г. переведенъ въ С.-Петербургскую д. Академію—профессоромъ богословія и инспекторомъ.—Отсюда 2 сентября 1825 былъ назначенъ ректоромъ Орловской д. семинаріи. — Въ 1829 г. онъ переведенъ былъ въ Казань — и здѣсь вполнѣ раскрылись его ученые таланты... Здѣсь онъ преподавалъ богословіе и церковное право въ духовной семинаріи, богословіе и философію въ Казанскомъ университетѣ, а также издалъ нѣсколько капитальныхъ сочиненій, именнo: *Исторію философіи* (въ 6 частяхъ); *Философію права*; *Понятіе о церковномъ правѣ* и другія.—Кромѣ того былъ ревностнымъ церковнымъ проповѣдникомъ. Подобно другому воспитаннику Московской Академіи, своему младшему сверстнику, *Н. И. Надеждину*, архим. Гавріилъ. Воскресенскій оставилъ замѣтные слѣды въ исторіи русскаго просвѣщенія: онъ былъ—піонеромъ въ насажденіи въ Россіи философскаго образованія. Его „Исторія философіи“ была очень популярна въ свое время. Но точно также какъ Надеждинъ, онъ подвергался преслѣдованіямъ. Изъ Казани его гоняли то въ одинъ, то въ другой монастырь. Тогда въ Россіи было по истинѣ *горе отъ ума*. Скончался архим. Гавріилъ въ 1868 г. — въ Муромскомъ Спаскомъ монастырѣ — Л. М.

До каникулъ оставалось не много. А тутъ пришла мать одного изъ товарищей моихъ *Азбукина*, чтобы, взявъ съ собою сына, по обѣту итти въ Кіевъ. По окончаніи экзаменовъ я взялъ билетъ, и увязался съ ними. У меня, кромѣ сертука, который былъ на мнѣ, и кромѣ 3-хъ рублей, никакой ноши не было. Я взялся нести провизію, которой было въ мѣшкѣ до одного пуда. Первую станцію прошелъ безъ большого утомленія; но до другой едва могъ доплестись, и когда завидѣлъ ее, присѣлъ и не могъ итти далѣе. Съ меня сняли ношу; я полѣзъ уже четверикомъ и чуть только доползъ, растянулся на сухомъ навозѣ и заснулъ мертвецкимъ сномъ. Компанія моя тоже утомилась и безпокоилась, какъ я буду продолжать путь. Но проснувшись утромъ, я былъ бодрѣ ихъ. Другіе богомольцы объяснили намъ нашу усталость тѣмъ, что мы въ одинъ день прошли 40 верстъ, а слѣдовало первый день пути до обѣда пройти 15 верстъ, послѣ обѣда—10, и итти самымъ тихимъ и короткимъ шагомъ. Мы послушались. На другой день шли очень тихо и до обѣда прошли 18 верстъ, а по обѣдѣ 12. На третій и четвертый день мы проходили уже по 40 верстъ, но должны были кожаную обувь перемѣнить на лапти и на каждой станціи перемѣнять постилку въ нихъ, потому что подошвы у насъ отстали отъ тѣла и налились влагою. Мы прокалывали волдыри и спускали эту влагу.

Послѣдній приваль или отдыхъ были *Бровары*. Когда вышли мы изъ Броваровъ и отошли версты три, предъ нами открылся Кіевъ съ Лаврою, церквами и возвышающимися надъ ними необыкновенными колокольнями. Мы остановились въ восторгѣ и благоговѣніи, и минутъ нѣсколько молились. Не знаю, съ такимъ ли благоговѣніемъ и восторгомъ я увидѣлъ бы Іерусалимъ, съ какимъ смотрѣлъ тогда на Кіевъ. По мѣрѣ приближенія нашего, Лавра и рядъ церквей поднимались все выше и выше. Оказалось, Лавра и старый Кіевъ стояли на горѣ, выше которой я дотолѣ не видалъ. Открылся и Подоль съ церквами. Перешли мы мостъ черезъ Днѣпръ и расположились пообѣдать у подошвы горы на берегу рѣки противъ Дальнихъ пещеръ. Мои спутники перемѣнили бѣлье, а я, какъ умѣющій хорошо плавать, купался, вымылъ бѣлье, которое было на мнѣ, и, выкрутивъ его покрѣпче, развѣсилъ на кустѣ. Спутники торопились въ Лавру, и я, не дождавшись высушки бѣлья, надѣлъ его почти сырымъ.

Шли берегомъ, какъ вдругъ является монахъ, молодая женщина и вдали отъ нихъ кто-то третій. Монахъ былъ въ чер-

номъ шолковомъ подрясникѣ, подпоясанный кожанымъ поясомъ, безъ камилавки, но въ скуфейкѣ. На видъ ему было не болѣе 30 лѣтъ. Круглая черная бородка окаймляла бѣлое лицо. Онъ выказывалъ предъ женщиной свою силу, поднимая большія каменья и катая ихъ внизъ къ рѣкѣ. Женщина смѣялась. Третій компаньонъ былъ дьячекъ, какъ показывала одежда его. Видъ монаха въ сообществѣ съ женщиной слишкомъ смутилъ меня...

Въ Лавру вошли мы при закатѣ солнца и расположились въ гостинницѣ. Клопы не дали мнѣ спать на нарахъ. Я оставилъ гостинницу и рѣшилъ провести ночь съ другими богомольцами посреди монастыря на травѣ. Но была холодная ночь; я сильно продрогъ. Я рѣшилъ возвратиться въ гостинницу; ворота закрыты. Пошелъ къ святымъ воротамъ, чтобы выйти въ городъ и въ немъ найти пріютъ; но и св. ворота были закрыты. Я сталъ усиленно бѣгать, чтобы согрѣться, но это мало помогало. У воротъ я разбудилъ привратника, чтобы онъ или отворилъ ворота, или принялъ меня въ келью. Но это былъ не изъ числа тѣхъ привратниковъ, о которыхъ я читалъ въ Патерикѣ. Онъ грубо отказалъ мнѣ и въ томъ, и въ другомъ. Наконецъ въ самую полночь раздался гулъ колокола въ 2000 пудовъ. Отворили и св. ворота. Я выскочилъ изъ Лавры, думая, что вступилъ въ городъ; а нѣтъ: предо мною огромное зданіе съ часовымъ у воротъ. Я направо. Стоитъ церковь, сзади ея крѣпостные валы. Я замѣтилъ у самаго вала домикъ и туда сталъ стучаться; но, видно, отъ нетерпѣнія стучалъ слишкомъ безцеремонно. Слышу женскій голосъ въ сѣняхъ: „кто такой?“—Пустите переночевать. Видно отъ дрожанія голосъ мой былъ подозрителенъ... — „Пошелъ прочь! тутъ не постоялый дворъ...“ Черезъ нѣсколько минутъ я опять сталъ стучать. Тогда раздался крикъ: „что ты за нахаль? Не хочешь ли въ полицію?“ — Тогда я скорымъ шагомъ опять въ Лавру. Продолжалась въ Соборной церкви утренняя. Я вошелъ въ церковь,—въ церкви было тепло. Я помолился и хотѣлъ было выйти, чтобы возвратиться въ гостинницу; но вдругъ вижу—сидѣлки вокругъ стѣнъ. Въ нихъ сидѣли не одни монахи; много было порожнихъ. Я сѣлъ въ одну изъ нихъ и тотчасъ заснулъ. Передъ утромъ разбуженъ былъ съ такою грубостью, съ какою будятъ пьянаго, и высланъ изъ церкви. Возвратившись въ гостинницу, я узналъ, что мои компаньоны вовсе не спали, проводя время то на дворѣ, то въ гостинницѣ. Сейчасъ они пошли искать другого пріюта. Возвратясь, они хвалились, что наняли квартиру за оградой Лавры у дьячка церкви Спаса на Бору. Иду съ ними на квартиру и

чтожъ оказывается? это—тотъ самый домикъ, куда я стучался ночью, и это тотъ самый дьячекъ, а дьячиха, жена его, та самая женщина, которыхъ наканунѣ видѣли мы гуляющими на берегу съ монахомъ. Они рассказывали, какъ ночью кто-то врывался къ нимъ и сильно перепугалъ; а какъ я видѣлъ, что они не узнавали меня, то ни гу-гу даже и своимъ компаньонамъ...

Въ обѣднѣ не были, спали. Пошли къ вечернѣ. Но я, не выстоявъ вечерни, вышелъ изъ церкви и осматривалъ наружность храма, повѣряя сказанія о немъ *Патерика*. Фигура храма оказалась знакомою; я видѣлъ его въ нѣсколькихъ церковныхъ книгахъ. Обошелъ кругомъ храма. Длинные и узкія окна, а равно входъ въ него какъ въ погребъ подтвердили, что храмъ дѣйствительно при постройкѣ входилъ въ землю и только послѣ вышелъ изъ земли, оставшись въ ней только на аршинѣ.

На другое утро я ходилъ по пещерамъ и въ тотъ же день отправился въ Академію къ землякамъ: *Остромысленскому*, *Амфитеатрову* и *Переверзеву* (впослѣдствіи *Мелитону* ¹⁾). Добрый дьячекъ указалъ мнѣ дорогу. Земляки ахнули, когда увидѣли меня и я рассказалъ, зачѣмъ я-въ Кіевѣ. Остромысленскій уже не смотрѣлъ внизъ, понуря голову, но держалъ себя прямо и весело смотрѣлъ своими большими глазами. Амфитеатровъ остался безъ перемѣны,—такой же искренній и простодушный, какъ былъ. Съ Переверзевымъ я мало былъ знакомъ въ Семинаріи: онъ квартировалъ все на Слободкѣ. Но онъ ближе былъ ко мнѣ по мѣсту родины. Отецъ его священникъ былъ человѣкъ богатый и полный тѣломъ, даже съ брюшкомъ. Но священники не очень жаловали его, ставя ему въ безчестіе то, что онъ женатъ былъ на холопкѣ, т. е. на дочери богатого управителя крѣпостнаго какого-то вельможи. Амфитеатровъ ругалъ монаховъ и монашество, а Переверзевъ трунилъ надъ частицами мощей, которыхъ множество выставлено было въ серебрянной ракъ въ Братскомъ монастырѣ. Объ этихъ частицахъ говорилъ онъ съ крайнимъ неуваженіемъ. По его словамъ, эти частицы были

²⁾ Эти Орловцы были старше автора сихъ *Воспоминаній* на одинъ курсъ (по тогдашнему на два года) и поступили въ Кіевскую Академію въ 1825 г. Окончили ее въ 1829 г. и всѣ трое лучшими изъ магистровъ. *Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ* и *Михаилъ Осиповичъ Переверзевъ* (впосл. іеромонахъ *Мелитонъ*) оставлены были при Академіи *баккалаврами* (доцентами), а *Ефимъ Андр. Остромысленскій* возвратился на родину, гдѣ прославился какъ просвѣщеннѣйшій протоіерей-законоучитель и проповѣдникъ Л. М.

когда-то отобраны у одного монаха, принесшаго цѣлый мѣшекъ ихъ изъ Палестины. Послѣ я узналъ вотъ что: лѣтъ за 80 одинъ монахъ, пришедши изъ Турціи, дѣйствительно продавалъ богатымъ людямъ частицы св. мощей съ подписью Святого, тѣлу котораго принадлежали онѣ. Его схватили и отобрали у него цѣлый ящикъ, требуя отъ него указанія, отъ кого и гдѣ приобрѣлъ ихъ. Монахъ бѣжалъ, ящикъ вмѣстѣ съ дѣломъ о немъ сданъ былъ въ архивъ. Въ правленіе кіевскаго митрополита Серапіона архиваріусъ доложилъ консисторіи, а консисторія митрополиту объ ящикѣ съ мощами. Доказательствъ подложности ихъ не было, и подлинность ихъ ничѣмъ не доказывалась. Основываясь только на томъ, что столько десятковъ лѣтъ онѣ оставались невредимыми, не смотря на сырость мѣста, гдѣ хранились, консисторія рѣшила раздать ихъ для храненія по церквамъ. Митрополитъ утвердилъ, и вотъ онѣ появились не только въ Братскомъ монастырѣ, но и въ приходскихъ церквахъ Кіева.

Земляки просили меня бывать въ Академіи, тѣмъ болѣе, что у нихъ были каникулы и каждый изъ нихъ на койкѣ проводилъ время, наслаждаясь кейфомъ, или перелистывая какуюнибудь книжку изъ академической библіотеки. Но я уже ни разу послѣ не былъ. Возвратясь на квартиру, рѣдко ходилъ въ церковь и все время проводилъ или шатаюсь по городу, или лежалъ на валу съ книгою, какую могъ дать лаврскій книгопродавецъ. Однажды книгопродавецъ далъ мнѣ для чтенія избранныя слова Златоустовы. Слово на изреченіе апостола: *Аще ясте, аще пиете, аще ино что творите, вся во славу Божию творите*—при сравненіи съ ученіемъ Лѣствичника пришлось какъ разъ по состоянію моей души. Всѣ дни лежа на валу, я размышлялъ о спасеніи тѣхъ добрыхъ и простыхъ людей, какихъ я видѣлъ въ дорогѣ и которые не вели подвижнической жизни. Ужели они обречены на вѣчныя муки? Не вездѣ скиты и монастыри, а въ селахъ и въ городахъ только церкви. Не достаточна ли для спасенія мірянъ той честной и трудолюбивой жизни, которую они проводятъ, и тѣхъ молитвъ, которыя совершаютъ и дома — въ будень, и въ церкви — по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ?—Послѣ того какъ въ другой, и послѣдній, разъ обошелъ я пещеры, мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: ужели тѣ только святые, которые теперь почтены нетлѣніемъ тѣлъ? Зачѣмъ это преждевременное нетлѣніе? Со вторымъ пришествіемъ Господа всѣхъ умершихъ ожидаетъ воскресеніе и нетлѣніе... Въ головѣ моей сталъ хаосъ. Я рѣшилъ перечитать Евангеліе и Посланія Апосто-

ловъ съ цѣлю точнѣе опредѣлить, что необходимо для спасенія и вѣчной жизни, и какъ устроить временную жизнь, чтобы она соотвѣтствовала вѣчной, вела къ ней...

Какъ дорогою, такъ и въ Лаврѣ я питался сухою пищею; только разъ пошелъ въ обжорный рядъ и полакомился горячею пищею. На двѣ копѣйки купилъ блюдо супу или борщу съ рубцами, т. е. мясомъ изъ желудка.

На возвратномъ пути изъ Кіева я былъ уже не богомольцемъ, а туристомъ. Меня не занимали воспоминанія о Кіевѣ и святынь его, а малороссійская природа и люди. Черезъ черниговскую губернію дорога шла лѣсомъ съ дикими плодовыми деревьями. Когда шли въ Кіевъ, по совѣту богомольцевъ мы по мѣстамъ, набравъ грушъ, зарывали ихъ десятками въ землю, и замѣчали мѣста нашего клада; теперь, на возвратномъ пути, открывали запасъ, и груши, тогда не спѣлыя, теперь улеживались. На тогдашній аппетитъ и желудокъ они служили намъ порядочнымъ лакомствомъ. Матушка Азбукина и я разрѣшили на водочку — и товарищъ мой Азбукинъ пробовалъ съ разрѣшенія матушки. Это дѣлалось нами не только предъ обѣдомъ и ужиномъ, но приходилось и предъ завтракомъ и полдникомъ. Постоялые дворы назывались въ Малороссіи *корчмами*. Это были два домика, соединенные одною повѣтью, или крышею, между ними были ворота — и въ одномъ домикѣ открытое окно, на которомъ красовались штофы, полуштофы и четверки съ бѣлою водкою, настойкою и наливками, особенно вишневою. Четверка или четверть кварты водки стоила 4 копѣйки мѣдью, вишневки — восемь и десять копѣекъ. Въ Малороссіи тогда не было откуповъ. Тамъ пить водку не считалось безчестіемъ и пьянствомъ. Почти подлѣ каждой корчмы встрѣчаешь кружокъ женщинъ и даже дѣвокъ, которыя, взявъ четвертку, потчуютъ маленькимъ стаканчикомъ и каждая изъ нихъ не вдругъ выпиваетъ чарку, а, безпрестанно припрашиваемая подругою, отпиваетъ изъ ней понемногу. Вслушаваясь въ ихъ разговоръ, я мало понималъ. Пьяныхъ впрочемъ не видалъ — не только между женскимъ поломъ, но и мужескимъ. Корчма не то, что нашъ кабакъ, куда входятъ не крестясь и гдѣ сидятъ или стоятъ въ шапкахъ; корчма тогда служила и заѣзднымъ домомъ, и поселянскимъ клубомъ. Разъ случилось видѣть передъ корчмою танцующихъ — подѣ игру на скрипкѣ. Въ корчмѣ и при корчмѣ не слышно было сквернословія. Малороссія съ дешевою водкою начиналась въ 40 верстахъ отъ Сѣвска, и богомольцы великороссійскіе иногда до того на-

пивались, что, какъ говорили тамъ, проснувшись часто идутъ обратно въ ту сторону, изъ которой пришли, особенно когда за ноги перевернуть ихъ въ другую сторону.

Компаньоны мои Азбукины вадумали зайти къ своему родственнику—священнику—помѣщику. Дворъ у него былъ большой, въ избахъ на дворѣ помѣщалась дворня и сверхъ того было 4 двора принадлежащихъ ему крестьянъ. Мы нашли его въ великомъ горѣ. Онъ былъ подъ запрещеніемъ за что-то столь маловажное, что разсказъ его о поступкѣ не остался въ моей памяти, кажется за то, что ѣздилъ въ другую епархію на ярмарку, не испросивши разрѣшенія и билета консисторіи. Хоромы его — барскіе; въ первый разъ я видѣлъ такіе зеркала и диваны, какіе были въ этихъ хоромахъ; хотъ мы попрятали лапти свои въ сумки и были въ кожаной обуви, но платье наше было слишкомъ не чисто, а мой сюртучишка — сверхъ того порванный. У него были двѣ дочери, по одеждѣ настоящія боярышни. Старшая говорила даже по русски съ малороссійскимъ акцентомъ, а меньшая — по малороссійски, какъ мать ея. Когда усадили насъ за столъ, съ хорошимъ приборомъ и чистыми салфетками, я такъ конфузился, что рубашка стала мокрою отъ поту. Священникъ замѣчалъ это и ласково относился ко мнѣ и товарищу моему, какъ къ *богословамъ*. Я ободрился, и сталъ говорить о Мценскихъ и Болховскихъ нравахъ, обычаяхъ и костюмахъ. Послѣ обѣда дѣвицы насѣли на меня и просили разсказывать: отъ нечего говорить, я сталъ разсказывать о штукахъ семинаристовъ, о томъ, какъ я засталъ въ Кіевѣ земляковъ—студентовъ академіи. Оказалось — это имъ болѣе нравилось, чѣмъ этнографическія описанія. Священникъ не пустилъ насъ пѣшкомъ, а далъ прекрасный рессорный экипажъ въ четверо лошадей, убѣдивъ матушку Азбукину, что она вполне исполнила свой обѣтъ и возвратилась пѣшая если не въ домъ свой, то въ домъ родственника своего. Этотъ экипажъ доставилъ насъ въ Сѣвскъ. Отсюда я за пустякъ, кажется — полтину, доѣхалъ до Орла, а тутъ нашелъ своихъ мужиковъ и возвратился домой къ Успенію.

Еще въ Сѣвскѣ говорили мнѣ, что семинарія переводится въ Орелъ. Въ Орлѣ узналъ объ этомъ больше и видѣлъ издали новый корпусъ семинаріи. Дома же увидѣлъ указъ семинаристамъ болѣе не ѣхать въ Сѣвскъ, а въ октябрѣ явиться въ Орловскую семинарію ¹⁾. Не столько я, сколько родители мои были ра-

¹⁾ То есть въ октябрѣ 1826 года. П. М.

ды перемѣщенію семинаріи въ Орелъ. Меня экипировали съ ногъ до головы. Сшили новый сюртукъ сатиновый, панталоны полевой нанки, бѣлый жилетъ и чернѣй шелковый галстукъ. Купили пуховую шляпу. Мнѣ оставалось годъ до священства. Родители готовили мнѣ невѣсту. Сестра моя *Катя* хвалила дѣвицу—дочь зятя Везилковскаго священника. Сестра моя жила въ Везилкахъ—верстъ 20 отъ Спасскаго—у свекра, заштатнаго діакона, а мужъ ея дядечкѣ Иванъ Николаевичъ служилъ въ сосѣднемъ селеніи верстъ за восемь и каждый день ѣздилъ на должность ¹⁾. Въ Везилкахъ 8-го сентября былъ храмовой праздникъ, и я рѣшился быть на этомъ праздникѣ. Везилковскій священникъ былъ или слылъ богачемъ. У него была единственная дочь за Карачевскимъ священникомъ. Дочь съ мужемъ и невѣстою пріѣхали къ отцу въ коляскѣ. Домъ Везилковскаго священника былъ барскій, у него же было нѣсколько душъ дворовыхъ крестьянъ. Красавицу невѣсту я видѣлъ въ обѣдни. Не знаю, почему въ полдень священникъ просилъ меня на чай. Да, — по совѣту сестры я отъ обѣдни заходилъ поздравить старика съ праздникомъ. Тогда у него было много постороннихъ. Дѣвица не выходила. Мать ея и бабушка приглашали меня на вечерній чай. Оба священника повторили приглашеніе. Передъ вечеромъ я пришелъ. Старога не было дома. Но зять его и женщины приняли меня ласково; тутъ была и дѣвица. Меня разспрашивали дамы, а съ дѣвицею не пришлось я слова сказать. Но я внимательно слушалъ, какъ она говорила съ другими. Голосъ былъ у нея пріятный. Она понравилась мнѣ, но я не могъ представить себѣ, что бы такую дѣвицу, пріѣхавшую въ коляскѣ, согласились выдать за меня. Сестра моя послѣ разузнала какимъ-то образомъ, что я понравился семейству, и если получу хорошее мѣсто, могу свататься. Это обстоятельство заставило меня стараться окончить курсъ въ первомъ разрядѣ. Но какъ я ни бился, а все стоялъ во второмъ разрядѣ...

Корпусъ семинарскій въ Орлѣ строилъ архіерей Гавріилъ чрезъ эконома—не подряднымъ, а экономическимъ образомъ, и надо отдать справедливость, какъ находили знатоки, строилъ хо-

¹⁾ Мужъ сестры автора Екатерины—*Иванъ Николаевичъ Владиміръцевъ*—былъ дьячкомъ въ с. *Насѣдѣинѣ*, Болховскаго уѣзда.—Почему онъ принужденъ былъ ѣздить на свою должность изъ отцовскаго дома въ с. Везилкахъ, —объ этомъ разсказано авторомъ раньше—въ статьѣ: „Жизнь моего отца“.—Л. М.

рошо и прочно. Не помню, съ какою церемонією заняли мы этотъ корпусъ. Кажется, профессеры еще во время вакацій первые поселись въ немъ—съ ректоромъ и инспекторомъ. Только ректоръ оставался прежній, а профессеры и инспекторъ были новые. Инспекторъ *Іаковъ Вечерковъ* поступилъ ректоромъ въ Екатеринославскую семинарію. Профессоръ *Подлитовскій* получилъ священническое мѣсто въ Ливнахъ и былъ тамъ смотрителемъ училищъ. Прочіе, боясь архіерея, разсѣялись по другимъ епархіямъ и семинаріямъ.

Въ началѣ моего богословскаго курса черезъ Сѣвскъ проѣзжалъ государь Александръ Павловичъ ¹⁾. Онъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ самую малую рысью; по правую руку съ нимъ сидѣлъ невзрачный собою Дибичъ. Странное было сдѣлано тогда распоряженіе. Каждый священникъ съ причтомъ въ облаченіи при проѣздѣ государя долженъ былъ стоять противъ своей церкви. Еще за Морицею по дорогѣ была одна церковь: государь остановился, слѣзъ съ экипажа и, приложась ко кресту, принялъ окропленіе св. водою. Въ городѣ—въ соборѣ ожидалъ его архіерей Гавріилъ. Я успѣлъ пробраться въ соборъ прежде государя. Архіерей встрѣчалъ не въ церкви, а на паперти. Да томилъ же онъ государя своею рѣчью, продолжавшеюся едвали не полчаса. Я стоялъ на два аршина сзади государя; меня поразила его слишкомъ полная шея, перевязанная галстукомъ: она свѣшивалась нижнею частію на воротникъ вицъ-мундира, а верхнею—на галстукъ. Архіерей въ своей рѣчи часто выкрикивалъ слово: *городокъ*. Это—небольшая частица города, отдѣленная отъ него рвомъ и окруженная валами, съ церковію по срединѣ. Это древняя крѣпостенка, современная Самозванцу.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ ректоръ нашъ Гавріилъ со слезами возвратилъ намъ смерть Александра. Послѣ класса я отклонился отъ товарищей,—я долго и горько плакалъ, какъ никогда. Я тогда много зналъ изъ исторіи его царствованія. *Пльва въ станъ русскіхъ воиновъ* я зналъ наизусть; были подъ руками и книжки журнала Глинки ²⁾, Тогдашніе рассказы и изображенія входа

¹⁾ Это было въ началѣ сентября 1826 года.—Л. М.

²⁾ То есть *Сергія Николаевича Глинки*, который съ 1808 года сталъ издавать журналъ подъ заглавіемъ: *Русскій Вѣстникъ*, съ патріотическимъ направленіемъ. Журналъ этотъ имѣлъ тогда громадное вліяніе на умы и подготовилъ отпоръ французамъ и подъемъ духа въ 1812 году.—Онъ издавался Сергіемъ Глинкой до 1824 г.—Л. М.

въ Парижъ и мира Европы, гдѣ Александръ рисовался первымъ между двумя другими государями; пѣсни на его любовь и кротость, въ родѣ: *красны какъ прошли денечки*—все это пробуждало во мнѣ благоговѣніе и любовь къ нему до экстаза. Большое анакомство съ событіями его царствованія и критическій взглядъ на нихъ не много поохладили чувство мое къ нему; но и теперь—спроси меня, чье царствованіе было лучше?—Скажу въ отвѣтъ: Александра I.

Мы присягали сперва Константину, а потомъ Николаю. Потомъ ректоръ, придя въ классъ, больше говорилъ о событіяхъ, слѣдовавшихъ за смертію государя, чѣмъ о предметахъ Богословія. Мы съ страшнымъ негодованіемъ произносили имена *Рылѣва, Бестужева* и другихъ, покушавшихся, какъ намъ говорилъ ректоръ, раздѣлить Отечество на части, чтобы самимъ господствовать въ нихъ.

Цѣлый вѣкъ мой меня тревожило сомнѣніе въ естественной смерти Благословеннаго. Но записки доктора Тарасова совершенно успокоили меня ¹⁾. Неразрѣшимою задачею осталась для меня смерть супруги Александра—Елизаветы Алексѣевны. Допустимъ, что она возвращалась изъ Таганрога больная и нигдѣ не принимала встрѣчи; но какъ она за Болховомъ на пути къ Бѣлеву объявлена умершею, между тѣмъ какъ она въ проѣздѣ черезъ Орелъ была не въ постели?! Правда, въ Орлѣ она никого не принимала; но архіерей Гавріиль какъ-то успѣлъ протереться въ ея квартиру,—и она приняла его. Она была одѣта, четверть часа говорила съ нимъ... Жаловалась на слабость здоровья, но не была въ такомъ состояніи, чтобы можно было ожидать смерти ея, которая послѣдовала черезъ одни сутки, какъ въ 40-хъ годахъ высказывался архіерей Гавріиль въ Одессѣ, на обѣдѣ у священника *Михаила Карповича Павловскаго*... ²⁾.

¹⁾ „Записки“ лейбъ-медика Тарасова, бывшаго въ Таганрогѣ при Императорѣ Александрѣ I-мъ, во время болѣзни и кончины его, напечатаны въ *Русской Старинѣ* 1872 года.

²⁾ Бывшій орловскій архіерей Гавріиль Розановъ съ 1837 г. былъ архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ и имѣлъ мѣстопробываніе въ Одессѣ. Священникъ, а впослѣдствіи протоіерей *Михаилъ Карп. Павловскій*, магистръ Кіевской Академіи—выпуска 1833 года, былъ тогда профессоромъ богословія въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ.—О встрѣчахъ своихъ съ Императоромъ Александромъ I—сначала въ Орлѣ въ 1823 г., а потомъ въ Сѣвскѣ въ 1825 г., а также о свиданіи съ Императрицей Елизаветой Алексѣевной, возвращавшейся изъ Таганрога, въ Орлѣ 3 мая 1826 г.,—Архіепископъ Гавріиль Розановъ рассказываетъ въ своей *Автобіографіи*, напечатанной послѣ его смерти въ *Херсонскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1861 года, въ № 23-мъ. Л. М.

Какъ я провелъ послѣдній годъ семинарскаго курса въ Орлѣ, не могу дать подробнаго отчета. Помню только, что я занимался прилежно, даже читалъ журналъ *Христіанское Чтеніе* ¹⁾. Ходилъ въ церковь, гдѣ служилъ ректоръ нашъ Гавріилъ, чтобы слышать, какъ онъ говорилъ экспромтомъ проповѣди. Я удивлялся этой способности, пока товарищъ мой *Александръ Семеновичъ Вознесенскій* на одномъ экзаменѣ, по вызову ректора: „кто можетъ сказать экспромтомъ проповѣдь?“, сказалъ почти такъ же, какъ и ректоръ...

Приближался окончательный экзаменъ. Требовалось, чтобы каждый, оканчивающій курсъ, представилъ разсужденіе на одну изъ заданныхъ темъ. Я искалъ образца. Въ *Христіанск. Чтеніи* попалось мнѣ разсужденіе и по его постройкѣ я построилъ свое. Оно удалось, и ректоръ назначилъ его для чтенія на публичномъ экзаменѣ. По выпускному списку прочли меня въ концѣ перваго разряда. Получивъ аттестатъ, я съ восторгомъ бросился домой. Всѣ радовались. Но каково было изумленіе и горе, когда, спустя недѣлю, получено было черезъ благочиннаго предписаніе о явкѣ моей въ правленіе семинарии для поступленія въ Академію... Чтобы такое это значило?... А то, что первые ученики, кромѣ Вознесенскаго, откупились у ректора. Развѣдавъ это, отецъ мой самъ пошелъ къ ректору ходатайствовать объ увольненіи меня и не пожалѣлъ поднести ему бѣленькой ассигнаціи—25 рублей. Онъ принялъ со словами: „Охотно принимаю даръ вашъ; я устроилъ такъ, что сынъ вашъ будетъ человѣкомъ, будетъ твоимъ кормильцемъ, и въ послѣдствіи больше будетъ благодарить меня“. Онъ усадилъ отца и такъ красно говорилъ съ нимъ, что отецъ, возвратясь отъ него, сказалъ мнѣ: „Чтожь? Видно—воля Божія, иди въ Академію, будешь протоіереемъ“. Но я рѣшилъ самъ дѣйствовать. Я объявилъ себя больнымъ грудью. Меня—къ медику. Семинарскій медикъ замѣтилъ только, что плеча не ровны, одно ниже другаго, но прибавилъ: „это—ничего“. Когда мы, назначенные въ Академію, получили приличную одежду—суконные сюртуки и панталоны,—ректоръ велѣлъ намъ итти къ архіерею, а самъ поѣхалъ къ нему впередъ. Я и у ар-

¹⁾ Журналъ *Христіанское Чтеніе* былъ тогда новинкой въ духовномъ мірѣ. Онъ сталъ издаваться при С.-Петербургской д. Академіи съ 1821 г. Въ періодъ 1823—1829 гг. журналъ этотъ славился трактатами и статьями *Иннокентія Боровцова*, вполн. архіепископа херсонскаго.—Л. М.

хіерея началъ говорить о своей болѣзни и въ доказательство указалъ на неравныя плеча. Я даже рассказалъ, отчего это. Назадъ тому годовъ за шесть, учениковъ заставили переносить тонкія бревна съ одного мѣста на другое. Когда я несъ съ однимъ ученикомъ бревно, оно сорвалось съ плеча его и ударилося объ землю. При этомъ послѣдовало такое потрясеніе въ моемъ плечѣ, что я упалъ наземь и на нѣсколько минутъ прекратилось дыханіе.—Архіерей терпѣливо выслушалъ и обратился къ ректору съ серьезнымъ видомъ; но ректоръ сказалъ: „вѣдь это было давно—шесть лѣтъ назадъ, а теперь онъ такъ здоровъ, какъ никто изъ насъ“. И это сказалъ онъ такимъ веселымъ голосомъ, съ такимъ полу-смѣхомъ, что архіерей сказалъ: „пошелъ, пошелъ,—почувствуешь слабость, пойдешь въ монахи“,—и отпустилъ насъ, благословивъ на дорогу.

Вознесенскій, Лавровъ и Спасскій-Автономовъ, получивъ прогонныя деньги, уѣхали; а я и *Переверзевъ*, по совѣту брата его Переверзева, смотрителя училищъ, должны были выѣхать 1-го сентября съ *Никоноромъ Васильевичемъ Доброхотовымъ*, (въ послѣдствіи архіепископомъ *Николаемъ*), который, окончивъ курсъ въ Кіевской Академіи и подавъ прошеніе въ монашество, теперь гулялъ по знакомымъ, прощаясь съ міромъ; онъ увѣрялъ, что въ Кіевской Академіи пріемные экзамены начинаются не ранѣе 10-го сентября.—Я еще успѣлъ съѣздить домой, чтобы проститься. Съѣхались сестры замужнія и всею семьею провожали меня до самой Оптухи, останавливаясь при каждомъ лѣскѣ. Много было пролито слезъ, но это были уже не слезы скорби, а родственной любви. Отецъ и мать помирились съ моею судьбою и утѣшали меня хорошою будущностію; мать даже подчивала меня настойкою...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.¹⁾

Поступленіе въ Кіевскую Академію.

(1827—1831 гг.).

Отъѣздъ изъ Орла на почтовыхъ—съ *Доброхотовымъ* и *Переверзевымъ*.—Въ гостяхъ по дорогѣ—у священника черниговской губ. —Непріятное приключеніе на одной изъ станцій.—Пріѣздъ въ Академію.—Начальники и товарищи.—Увлеченіе автора историческими науками—рѣшимость его взять одну изъ задачъ по русской исторіи, предложенную на премію *м. Евгеніемъ*.—Какъ и кѣмъ преподавались въ Академіи философія и эстетика. Переходъ на старшій академическій курсъ въ 1829 г.—Развитіе въ авторѣ *критицизма*.—Неожиданная смерть товарища *Успенскаго*.—Знакомство съ ученымъ монахомъ Михайловскаго монастыря.—Поѣздка на родину въ каникулярное время.—Пребываніе въ г. Мценскѣ у родныхъ.—На свадьбѣ у товарища по семинаріи—*Тихвинскаго*.—Авторъ неожиданно играетъ роль свата.—Рѣзная *статуя Святителя Николая* въ Мценскомъ соборѣ и интересные факты изъ исторіи этой статуи.—Назначеніе орловскаго архіерея *Гавріила* въ Екатеринославъ и несчастное приключеніе съ архіерейской короной.

Пріѣхавши изъ дому въ Орелъ съ тѣмъ, чтобы отсюда отправиться въ Кіевъ уже со своими спутниками, какъ объ этомъ раньше было условлено, я уже засталъ въ Орлѣ *Доброхотова*. А другой мой спутникъ, *Переверзевъ*, жилъ у брата своего, смотрителя духовныхъ училищъ, въ Орлѣ же. Изъ-за прещаній *Доброхотова* съ разными священниками, бывшими товарищами его по семинаріи, мы выѣхали на почтовыхъ только 1-го или 2-го сентября. Кто-жъ это былъ Доброхотовъ? Это—товарищъ *Ивана Алексѣевича Борисова*²⁾. Борисовъ поѣхалъ въ Академію

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1906 г. № 9.

²⁾ То есть—будущаго архіепископа херсонскаго *Иннокентія*.—Л. М.

по окончаніи семинаріи, а онъ оставался учителемъ училища въ Сѣвскѣ. Борисовъ звалъ его въ Академію; но Доброхотовъ не соглашался. Но когда Доброхотовъ сталъ просить мѣста въ городѣ, а архіерей сталъ навязывать ему въ невѣсты одну дѣвушку, которая ему нисколько не нравилась, то вышла непріятность, — и вотъ, послѣ 4-хлѣтней службы учительской, Доброхотовъ бѣдняга самъ искалъ спасенія въ академіи. Онъ принять былъ прямо въ старшій курсъ и кончилъ со степенью магистра, вѣроятно потому, что, поступая въ Академію, письменно изъяснилъ согласіе принять монашество, по окончаніи курса академическаго ¹⁾).

И такъ, мнѣ пришлось летѣть на лихихъ тройкахъ по той самой дорогѣ, по которой годъ назадъ плелся я богомольцемъ. Но теперь эта дорога не представляла прелести новизны и не то было настроеніе духа. Когда перевалились мы въ черниговскую губернію, то напали на дешевую вишневку: не рѣдко случалось быть отъ нея въ ненормальномъ состояніи.—Въ одномъ мѣстѣ черниговской губ. Доброхотовъ свернулъ немного въ сторону отъ большой дороги и завезъ насъ къ знакомому ему священнику, кажется товарищу его по семинаріи. Многіе черниговцы воспитывались почему-то въ Сѣвской семинаріи, какъ напр., въ мое время *Крыловскіе*, два брата. Священникъ съ круглою черною бородкою, отгнѣнявшею бѣлое лице, и супруга его, молодая, роскошная женщина, приняли насъ, казалось, не совсѣмъ радушно. Подали чай—съ подливочкой спирта, настоящаго на вишневыхъ косточкахъ. Эта подливочка сперва развязала языки и гостей и хозяевъ, а потомъ привела въ такой экстазъ, что начались пѣсни и поднялся безцеремонный гамъ. Жена священника первая начала пѣть: „Охъ нудно мнѣ, охъ тяжело мнѣ, що пипѣ съ бородою“. Тогда и въ Великороссіи борода была принадлежностію мужика и ея всѣ, кромѣ купцовъ, стыдились; а въ Малороссіи тѣмъ болѣе не любили ея, что сами мужики постригали боро-

¹⁾ *Никаноръ Васильевъ. Доброхотовъ*—окончилъ Кіевскую Академію въ 1827 г., а въ 1828 г. постриженъ въ монашество съ именемъ *Николая*.—Съ 1837 г. по 1841 г. былъ ректоромъ С.-Петербургской д. академіи; съ 1841 по 1857 г. былъ епископомъ Тамбовскимъ —Съ 1857 г. жилъ на покоѣ въ *Трегуляевъ* монастырѣ (въ 8 верстахъ отъ Тамбова) и скончался 21 Окт. 1864 г.—Интересную характеристику его, какъ епископа Тамбовскаго, см. въ „Русской Старинѣ“ за Іюнь 1905 г. въ „Запискахъ Протоіерея Виктора Пѣвницкаго“—стр. 135—143.—Л. М.

ду. По сему заключаю, что жена священника своею пѣснiю выражала искреннее сожалѣніе, что мужъ ея, по священническому званію, навсегда останется съ бородою. Въ горницѣ происходило пѣніе и взаимныя изліянія души, а въ кухнѣ рѣзали и жарили разную птицу. Ужинъ былъ прекрасный, съ разными наливками. И на другой день не выпустили насъ изъ дому безъ двухъ пуншовъ и завтрака.

Въ дорогѣ я сдѣлалъ такую погрѣшность, за которую совѣсть мучила меня долгое время. На одной станціи мы хотѣли переждать дождикъ и помѣстились въ корчмѣ. Пооѣдали, выпили вишневки. Вдругъ входитъ челоуѣкъ высокаго роста съ заплывшими отъ жиру глазами, лѣтъ 40, въ польскомъ кунтушѣ. У него была гитара. Потребовалъ онъ себѣ рюмку вишневки, сѣлъ и началъ пѣть съ акомпаниментомъ на гитарѣ: „У сусіда хата біла, у сусіда жінка мила“. Мои товарищи спокойно отнеслись къ игрѣ и пѣнію и даже пошли на печь обсушиваться и отогрѣваться послѣ ненастной дороги. А я приросъ къ игравшему на гитарѣ и слухомъ, и взоромъ. Игра и пѣніе прекратились. Незнакомецъ въ кунтушѣ, вынимая давно подержанныя карты и обращаясь ко мнѣ съ кошачьею улыбкою, спросилъ: „не сѣиграемъ ли, пока дождь не пройдетъ?“—Пожалуй, въ ' дурачка, или въ возокъ,—отвѣтилъ я.—„О, нѣтъ, что тамъ возить-ся; развѣ въ трилистика на вишневку?“—продолжалъ онъ.—По копѣчкѣ пожалуй,—согласился я. Но это былъ не *Пальчикъ*, незабвенный компаньонъ мой, когда я квартировалъ у Сопова. Онъ проигралъ 12 коп. и приказалъ подать четвертку наливки. Подъ парами наливочки игра продолжалась. Чтожъ? Я ли сдаю, онъ ли, но у него, особенно при его сдачѣ, всегда три туза. Я проигрываю до рубля и останавливаюсь; но онъ ободряетъ надеждою отыгратъся—и я продолжаю. Гляжу—мѣлокъ сводить счетъ почти на три рубля. Я плачу и требую, чтобы на все количество куплено было вишневки. Тотъ покупаетъ четвертку, а остальные деньги кидаетъ въ карманъ. Я начинаю спорить, а онъ, не обращая вниманія на мои слова, начинаетъ играть и пѣть: „У сусіда хата біла, у сусіда жінка мила“. Доброхотовъ съ печки зличетъ меня къ себѣ, и не зная, сколько я просадилъ, строго потребовалъ, чтобы я оставилъ дѣло. Я послушалъ, и когда кунтушъ продолжалъ свое „У сусіда хата біла“, какъ мнѣ показался гадокъ и страшенъ онъ и какимъ упрекомъ звучала его пѣсня! Послѣ—долго я не могъ слышать этой пѣсни безъ того,

чтобы она не пробуждала во мнѣ мрачное воспоминаніе и не вызывала у меня досаду на самого себя ¹⁾).

Прибыли въ Кіевъ. Тогда былъ ректоромъ академіи архимандритъ *Кириллъ* ²⁾. Его почему-то студенты называли *Цирил-люсомъ*. Митрополитъ Евгеній любилъ его за знаніе французскаго языка. Онъ былъ изъ воспитанниковъ старой академіи.—Ректоръ принялъ наши билеты и отослалъ насъ въ новый корпусъ. Насъ помѣстили въ номеръ, завѣдуемый старшимъ—*Подгурскимъ* ³⁾. Товарищами по номеру были кіевскіе студенты: *Максимовичъ* ⁴⁾, *Климовичъ* и *Лаврентій Егоровичъ Орловъ*. Черезъ недѣлю открылись пріемные экзамены. Не помню темъ, предложенныхъ тогда для разсужденій; но онѣ были изъ предметовъ, во все незнакомыхъ. Какъ бы то ни было, но я поставленъ былъ въ первомъ пяткѣ втораго разряда.

При академіи оставались еще окончившіе студенты 3-го курса ⁵⁾. Они сбиты были въ двухъ нумерахъ стараго корпуса и

1) „У Сусіда хата біла“—старинная и популярнѣйшая украинская пѣсня. Вотъ первые два куплета ея:

У сусіда хата біла,
У сусіда жінка мила,
А у мене ні хатинки,
А ні щастя, а ні жинки.
А вже сусід жито сіє
У сусіда зеленіє,
А у мене ні орано,
А ні жито не сіяно.

Напѣвъ этой пѣсни—грустный.—Л. М.

2) *Кирилъ Куницкій*, сынъ священника села *Гвоздова*, Кіевского уѣзда, *Алексѣя Куницкаго*, умершаго въ 1807 г. Послѣ окончанія курса въ старой Кіевской академіи, онъ оставался въ ней наставникомъ до самаго преобразованія ея въ 1819 г.—Л. М.

3) *Давидъ Александровичъ Подгурскій*, тогда студентъ старшаго курса,—впослѣдствіи профессоръ Кіевской академіи.—Л. М.

4) *Иванъ Петровичъ Максимовичъ*, сынъ Кіевского протоіерея, впослѣдствіи профессоръ Кіевской академіи.—Л. М.

5) То есть—3-го выпуска изъ академіи, бывшаго въ 1827 г., или 3-го приѣма въ академію, происходившаго въ 1823 г. Приѣмъ въ академію и выпускъ изъ нея бывали не такъ, какъ теперь—ежегодно, а черезъ два года. И студенты академіи сохраняли навсегда числовое имя приѣма или выпуска, зависѣвшее отъ хронологическаго порядка—со времени преобразованія Кіевской академіи въ 1819 г.—и знаменовавшее собою *курсовое товарищество* студентовъ, столь для нихъ памятное и дорогое.—Первый приѣмъ въ академію былъ въ 1819 г., и потому студенты это-

цѣдую третью по обычаю ожидали отъ тогдашней комиссіи духовныхъ училищъ при Св. Синодѣ утвержденія въ ученыхъ степеняхъ и назначенія мѣстъ службы. Изъ нихъ я хорошо помню нѣкоторыхъ и большею частію изъ орловскихъ: *Крыловскаго*, *Орлова*, *Резнта* (забылъ его фамилію ¹⁾), *Данкова*,—а также изъ другихъ губерній: *Яцина*, *Малышевскаго*. Окончившіе курсъ явно стѣсняли экономію академіи ²⁾.

Началось ученіе. Потянулись дни, не различавшіеся одинъ отъ другого. Кромѣ исторіи философіи, которая проходила по *Бруккеру*, и эстетики, проходимой по запискамъ, предметы ученія были одни и тѣ же, что проходились и въ семинаріи. Я записался изъ вспомогательныхъ предметовъ на математику и французскій языкъ. Но профессоръ математики съ такою поспѣшностію преподавалъ предметъ свой, что въ два или три урока прошелъ до уравненій 2-й степени. Я отсталъ и долженъ былъ перейти на классъ исторіи. Для этого я обратился къ ректору, а онъ обратилъ меня къ профессору *Граникову*. Граниковъ согласился принять меня, но требовалъ, чтобы самъ я не смѣлъ войти въ классъ на его предметъ, а внѣ класса у порога ожидалъ его. Какъ ни тяжело было мнѣ, а все это было мною исполнено. Граниковъ читалъ по своимъ *запискамъ*. Оказалось послѣ, что онъ слово въ слово переписывалъ съ выписанной имъ книжки: исторія *Бурьена*. Я считалъ себя отставшимъ въ этомъ предметѣ и потому во время рождественскихъ каникулъ забралъ изъ академич. бібліотеки всѣ существовавшіе въ ней исторіи. Но ихъ было мало; я воспользовался только *Ролленемъ* и еще какою-то книгою. Послѣ чего, когда Граниковъ спрашивалъ меня, я всег-

го приѣма удержали навсегда названіе студентовъ *перваго курса*; второй приѣмъ былъ—въ 1821 г.,—это студенты *второго курса*; а третій приѣмъ былъ въ 1823 году—это студенты *третьяго курса*, — и т. д.; слѣдов. авторъ этихъ записокъ, *Н. И. Соколовъ*, поступившій въ академію въ 1827 г., былъ студентомъ *пятаго курса* Кіевской академіи.—Л. М.

1) То есть регента академич. хора. Это былъ *Андрей Вас. Бакулинъ*, изъ Орловской семинаріи.

2) Они стѣсняли академію, и сами, бѣдные, были въ высшей степени стѣснены, ожидая назначенія на мѣста и не имѣя въ карманѣ ни копѣйки... Мѣсто въ старомъ корпусѣ, гдѣ ихъ скучивали и гдѣ они спали просто на полу,—называлось *вертепомъ*.—Ректоръ академіи *Иннокентій* обращалъ вниманіе высшаго петербургскаго начальства на бѣдственное положеніе оканчивающихъ курсъ студентовъ... См. сборникъ „Старина и Новизна“—*книга девятая*—(1905 г.) стр. 216.—Л. М.

да отвѣчалъ пространнѣе, нежели мнѣ читано, что приводило его въ досаду и онъ ставилъ меня по списку послѣднимъ.

Черезъ годъ митрополитомъ Евгеніемъ предложены были археологическія задачи младшему и старшему отдѣленію академіи. Задачи были слѣдующія: 1) О мѣстѣ, гдѣ находилась церковь, въ которой присягали Варяги Игорева времени. 2) О крещеніи Владиміра и 3) О крещеніи Ольги. Тому, кто рѣшитъ, общались 100 рублей. Первую задачу удалось рѣшить *Остро-мысленскому*—и онъ получилъ призъ 100 р. изъ процентовъ Румянцевскаго капитала ¹⁾. Вторую задачу занимался Амфитеатровъ. Разрабатывая предметъ, онъ вдавался въ посторонніе, но самыя важныя вопросы: о происхожденіи Варяжскихъ князей—не изъ Скандинавскаго полу-острова, а изъ южныхъ областей Россіи—изъ Галиціи, или изъ Крымскаго полуострова—изъ Тмутаракани, въ которыхъ жило христіанство еще до Владиміра, Ольги и Оскольда и Дира. Эти предметы составили только *введение* въ трактатъ, и какъ это введеніе въ 20 листахъ показалось огромною пристройкою въ маленькой клѣтѣ и его соображенія не сходились съ общепринятыми тогда взглядами,—то задача была брошена. Она принята была моимъ товарищемъ *Спасскимъ-Автономовымъ*, и рѣшеніе ея, хотя не удостоилось приза, но было отпечатано ²⁾. Третья задача: о времени крещенія Ольги не была принята никѣмъ. Первые каникулы я не ѣздилъ домой, а провелъ надъ книгами академич. библіотеки. Какъ въ рождественскія, такъ и въ эти лѣтнія каникулы я бралъ большею частію книги по исторіи; но какъ ихъ было мало, то бралъ и *лѣтописи*. Ими я такъ увлекся, что прочиталъ даже рукопись о Варяжской вѣрѣ препод. Θεодосія Печерскаго. Шлецеровъ критическій разборъ лѣтописи Нестора развилъ во мнѣ и безъ того закравшійся критицизмъ.—Вдумавшись въ подробную программу задачи о времени крещенія Ольги и приготовивши источники, указаные въ

¹⁾ Сочиненіе студента *Евфима Андр. Остромысленскаго* было напечатано въ типографіи Кіево-Печерской лавры и вышло съ свѣтъ отдѣльной брошюрой 29 апрѣля 1830 г. подъ такимъ заглавіемъ: „О древнѣйшей кіевской церкви св. Іліи“.—„Руководимый ученѣйшимъ архипастыремъ, авторъ превосходно раскрылъ и объяснилъ этотъ темный пунктъ нашей древнѣйшей лѣтописи“. Смотри *В. И. Аскоченскаго*: „Исторія Кіевокой Академіи“—стр. 118-я.—Л. М.

²⁾ Сочиненіе студента *Козьмы Ѳеодор. Спасскаго* было напечатано во 2-мъ томѣ „Опытовъ упражненій воспитанниковъ Кіевской д. академіи пятаго учебнаго курса“—(Кіевъ, 1832 г.)—подъ заглавіемъ: „Объ обращеніи великаго князя Владиміра въ христіанскую вѣру и о насажденіи оной въ Россіи“.—Л. М.

программѣ самимъ митрополитомъ Евгеніемъ, я взялся за рѣшеніе, но не объявилъ о томъ начальству. Подобно Амфитеатрову, я раздвинулъ предметъ широко, стараясь доказать, что на Руси было много христіанъ и не одна церковь, стоявшая въ Кіевѣ у Боричева Вавоза—въ концѣ Пасынчи Бесѣды; что мы давно были въ сношеніяхъ съ Константинополемъ, Болгарією и Богемією, съ христіанами Крыма; но выходило у меня, что Ольга не имѣла нужды ѣхать въ Царь-Градъ за крещеніемъ. Жаль было разстаться съ работою; но я придумалъ способъ склонить трактатъ къ тому, что Ольга крестилась въ Константинополѣ, хотя уже имѣла своего священника и открытую церковь въ Кіевѣ. На другой годъ пребыванія моего въ академіи, зимою, кажется на святкахъ, митрополитъ посѣщаетъ столовую студенческую и здѣсь спросилъ: „а кто еще пишетъ задачи на Румянцевскую премію?“ Надобно замѣтить, что сочиненіе Остромысленскаго уже печаталось.—„Я пишу о времени крещенія Ольги“,—отозвался я.—„А читалъ ли указанные источники?“—Читалъ, кромѣ *Григорія Амартолога*; его нѣтъ въ бібліотекѣ.—„Ну, безъ него обойдешься; онъ также кратко упоминаетъ объ Ольгѣ, какъ Кедринъ, Зонара и Курополать“.—Начальники насмѣшливо смотрѣли на меня. „Не изъ тучи громъ“,—думали они...

При переходѣ изъ младшаго отдѣленія академіи въ старшее былъ экзаменъ въ конгрегаціонной залѣ. Спрашивали по предмету исторіи. Мнѣ достался вопросъ о царствованіи Анны Іоанновны. Граниковъ прошелъ только до Екатерины I, а въ программѣ показалъ, что пройдено до Отечественной войны включительно. Но мнѣ какъ разъ передъ этимъ пришлось прочитывать, не помню гдѣ, о царствованіи Анны, кажется у Щербатова. Я началъ говорить нѣсколько подробно. На словѣ, что ограниченіе самодержавной власти сдѣлано помимо духовенства, митрополитъ Евгеній прервалъ меня, начавъ говорить такія подробности, какія извѣстны были ему только изъ рукописей. Ректоръ сталъ объяснять митрополиту, что 18-й вѣкъ и начало 19-го не повторено воспитанниками.—„А эти вѣка нужныѣ, чѣмъ древніе“, сказалъ митрополитъ Евгеній.—Взглянувъ на послѣднюю статью программы, онъ продолжалъ: „Вотъ Отечественная Война,—они ее не помнятъ, а какъ надобно бы знать! Ну, что вы можете сказать объ этомъ великомъ событіи?“, обратился онъ ко мнѣ.—Я пріосанился и началъ рассказывать что недавно читалъ въ журналѣ Глинки, или Качановскаго.—Митрополитъ сказалъ: „хорошо, хорошо, что любите исторію“.—Тогда и Граниковъ согласился поставить меня четвертымъ во 2-мъ разрядѣ.

Другіе предметы я проходилъ безъ любви и охоты. Только исторія философіи занимала меня. Руководство *Бруккера* тѣмъ хорошо, что въ немъ главнѣйшія мнѣнія философовъ приводятся ихъ собственными словами, только на латинскомъ языкѣ; жаль только, что руководство кончается Лейбницемъ и не касается новѣйшей философіи. Впрочемъ протоіерей *Скворцовъ* знакомилъ насъ съ Кантомъ, но на столько, на сколько нужно было, чтобъ показать относительность нашихъ познаній къ нашимъ чувствамъ и нашему уму и существованіе истинъ, не доступныхъ уму и составляющихъ предметъ вѣры. Одна лекція посвящена была *антиноміямъ* Канта. Четвертый курсъ ¹⁾ особенно занимался философіею; ходили межъ студентами въ переводѣ и въ рукописи Фихте, Шеллингъ, Окенъ. Но Гегель не былъ извѣстенъ. Проводникомъ новѣйшей философіи или піонеромъ ея въ академіи былъ студентъ *Окопенко*—изъ екатеринославской д. семинаріи. Я уже не засталъ его. Онъ до того увлекся *Велланскимъ*, что уволился изъ академіи и поступилъ въ медико-хирургическую академію ²⁾. Оказалось, что Велланскій проводилъ свое философское воззрѣніе только на домашнихъ своихъ лекціяхъ, а въ классѣ онъ былъ обыкновеннымъ фізіологомъ. Чтобы слушать домашнія лекціи этого Гегеліанца (?), которые иногда замѣняла и жена его, какъ писалъ Окопенко,—надобно было платить ему. Для чего Окопенко долженъ былъ давать уроки на сторонѣ и заработокъ свой относить Велланскому. И надобно было при этомъ изучать реальные предметы по медицинѣ. Бѣдняга впалъ въ чахотку и померъ. Его карьера отрезвила Остромысленскаго, но не меня...

Преподавалась эстетика; выдавались профессоромъ *Крышинскимъ* листики; списывались, заучивались; но я не могу припомнить теперь, въ чемъ состояла эта наука. Въ ней говорилось о высокомъ и прекрасномъ, равно какъ и о противоположныхъ имъ—низкомъ, пошломъ, безобразномъ въ пластикѣ и словѣ.

¹⁾ То есть—студенты приняты въ академію въ 1825 г. и составлявшіе тогда старшее отдѣленіе студенчества; а Соколовъ (авторъ записокъ сихъ) былъ въ младшемъ или низшемъ отдѣленіи.—Л. М.

²⁾ *Данило Михайловичъ Велланскій*—родился въ г. *Борзні*, черниговск. г., и до поступленія въ Кіевскую академію носилъ фамилію *Кавунныкъ*.—Поступилъ въ медико-хирургическую академію въ 1806 г. и сдѣлался знаменитымъ ея профессоромъ. Онъ былъ ученикомъ Шеллинга и особенно увлекся его *натуръ-философіею*—Самъ онъ увлекалъ своихъ слушателей до экстаза. См. „Русскую Старину“ янв. 1901 г.: „Русскій философъ Д. М. Велланскій“. Ст. акад. *К. С. Веселовскаго*.—Л. М.

Приводились и образцы въ родѣ: „Рече и бысть“ и немногія строфы изъ оды *Богъ*. Разъ профессоръ потребовалъ отъ насъ даже опыта въ стихахъ. Я написалъ: „*Апостолъ Андрей на горахъ Кіевскихъ*“, сохранившійся у меня доселѣ. Какъ первый опытъ, очень удаченъ; но Крышинскій поставилъ вмѣсто 1, которая считалась тогда высшею отмѣткою, только 2. Странная была тогда метода. Учили прекрасному въ словѣ, требовали изящной одежды для облаченія мыслей и чувствованій, а запрещали читать Пушкина, по крайней мѣрѣ—игнорировали его. Не знаю, дороги ли тогда были сочиненія Пушкина, что я ни одного не видѣлъ въ академической библіотекѣ. А вѣдь это было въ 1828 и 1829 годахъ. Кажется, тогда сочиненія Пушкина помѣщались большею частію въ журналахъ. Но академія не получала журналовъ ¹⁾. И изъ духовныхъ журналовъ тогда издавалось только *Христіанское Чтеніе*.—Впрочемъ нѣкоторыя сочиненія Пушкина и романы *Загоскина* прокрадывались сквозь стѣны академіи, и я помню, съ какимъ наслажденіемъ въ кружкѣ читали подобныя сочиненія. Чтецомъ былъ всегда *Димитрій Самсоновичъ Любичскій*, который на долго оставилъ память о себѣ тѣмъ, что въ столовой на столѣ вырѣзывалъ полными словами свое имя, отчество и фамилію; но кто-то вырѣзалъ подъ ними: *Nomina stultorum ubique jacent*—т. е. имена дураковъ вездѣ лежатъ ²⁾).

Кромѣ философіи, исторіи, эстетики, еще читались въ младшемъ отдѣленіи греческій, французскій и нѣмецкій языки. Не помню, кто былъ лекторомъ французскаго и нѣмецкаго языка. Но на греческій приходилъ *Колоколовъ*. Это былъ худой, сугорбенный человѣкъ, смотрѣвшій внизъ и всегда одною рукою закрывавшій лицо. Видъ его возбуждалъ состраданіе и смѣхъ. Не помню, что онъ переводилъ съ нами съ греческаго. Черезъ годъ онъ померъ ³⁾.

1) Въ тогдашней (до-*Иннокентіевской*) Кіевской академіи господствовало отчужденіе отъ современной ей науки и литературы. Когда Иннокентій сдѣлался ректоромъ (съ 1830 г.), тогда, излагая нужды кіевской академіи предъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ св. Синода С. Д. Нечаевымъ, онъ писалъ ему между прочимъ такъ: „...Нить современной литературы давно выпущена (если только была когда либо) изъ рукъ нашихъ, и мы потому самому обращаемся въ давно-прошедшемъ времени и нерѣдко принуждены трудиться надъ тѣмъ, что, можетъ быть, сдѣлано уже нѣсколько разъ, и притомъ лучше“...—„Старина и Новизна“—IX, 214.—Л. М.

2) *Дим. Сампсон. Любичскій*, товарищъ автора, былъ изъ харьковскаго коллегіума.—Л. М.

3) *Алексій Дмитр. Колоколовъ*—магистръ с.-петербургской д. академіи—выпуска 1819 года—сначала былъ профессоромъ кіевской семинаріи, а въ концѣ 1825 г. перешелъ въ академію. Скончался 29 іюня 1829 года.—Л. М.

Каждый мѣсяцъ требовалось отъ студента *два разсужденія*: одно—на русскомъ языкѣ, другое—на латинскомъ. Я подавалъ ихъ неупустительно. Но что это были за разсужденія? Онѣ отнимали только время для чтенія книгъ. Эти задачи, эти частые экзамены мѣшали свободѣ занятій. Было не ученіе, не образованіе, а погоня за отмѣтками, за разрядомъ и номеромъ въ списокѣ, за ученою степенью,—утомительная погоня, продолжавшаяся цѣлыхъ 4 года...

Прошли два года. Перевалилъ я въ старшее отдѣленіе. Голова осталась такою же пустою, какъ и была, только въ ней развивался больше и больше *критицизмъ*, а съ нимъ—страшное колебаніе вѣры. Я уже не готовился къ духовному званію. Цѣлю воспитанія я поставилъ себѣ быть *адъюнктомъ университета*. Насъ было четверо такихъ отщепенцевъ: я, *Спасскій*, *Максимовичъ* и *Успенскій* изъ Курчанъ. Съ Успенскимъ я раздѣлялъ занятія по философіи; съ Максимовичемъ—изученіе мѣстной археологіи, съ Спасскимъ—занятія исторіею ¹⁾. Кіевъ посѣтилъ докторъ *Пелехинъ* ²⁾. Спасскій сталъ кашлять кровію. Онъ обратился къ Пелехину; его сопровождалъ Успенскій. Пелехинъ, выслушивая грудь, не нашелъ въ ней ничего подозрительнаго. Успенскій, человѣкъ совершенно здоровый, съ голосомъ звонкимъ и съ выдавшеюся впередъ грудью, просилъ медика посмотрѣть и его грудь. Не долго Пелехинъ держалъ трубку при груди Успенскаго, какъ спросилъ его: можетъ ли онъ совсѣмъ оставить академію и поѣхать домой? Успенскій отвѣчалъ: нѣтъ. Докторъ сталъ совѣтовать ему поѣхать домой хоть на одно лѣто—для поправленія здоровья. Успенскій, ссылаясь на Спасскаго, увѣрялъ Пелехина, что онъ совершенно здоровъ, что приглашенъ только сопровождать больного.—Это было весною. Успенскій не оставилъ академіи въ ожиданіи каникулъ,—какъ чрезъ недѣлю вдругъ полилась у него изъ горла кровь. Пошелъ въ больницу. *Бунге*,

¹⁾ На поляхъ сдѣлана позже авторомъ такая прибавка: „Максимовичъ и Спасскій впрочемъ не были отщепенцами, а только не расположены были быть священниками“.—Л. М.

²⁾ *Петръ Петр. Пелехинъ*—воспитанникъ старой кіевской академіи и затѣмъ наставникъ ея. Послѣ преобразованія кіевской академіи въ 1819 г., Пелехинъ поступилъ въ число студентовъ с.-петерб. медико-хирургической академіи, блистательно окончилъ въ ней курсъ, оставленъ въ ней профессоромъ и сдѣлался *медицинскою знаменитостію*.—Въ 50-хъ годахъ XIX в. онъ перешелъ на жителство въ Кіевъ и состоялъ штатнымъ врачомъ при кіевской академіи и семинаріи.—Въ 1857 г. мы еще застали его въ Кіевѣ—глубокимъ старцемъ.—Л. М.

академическій лекарь¹⁾, нашель у него чахотку. Кровохарканіе продолжалось; больной сталъ слабѣть—и въ двѣ недѣли его не стало. Умирая онъ не произносилъ имени Христа, а только вызывалъ: *Отецъ мой, Отецъ Небесный!* Причащаться не хотѣлъ; его однако причастили, когда онъ былъ въ жару и бреду.—Съ нимъ вмѣстѣ лежалъ больнымъ и землякъ мой *Переверзевъ*, съ коимъ я вмѣстѣ ѣхалъ первый разъ въ академію,—тоже въ чахоткѣ, приключившейся отъ напряженія голоса въ пѣніи. Но онъ умеръ съ совершеннымъ спокойствіемъ духа; даже самъ распорядился своимъ погребеніемъ: назначилъ, какой сюртукъ надѣть на него.—За погребеніемъ Переверзева заболѣлъ горломъ и кашлемъ красавецъ *Климовичъ*—изъ кievской семинаріи, со-номерантъ мой; онъ тоже надорвалъ горло и грудь пѣніемъ. Онъ старался пѣть басомъ, тогда какъ у него такого голоса не было.

Смерть этихъ трехъ товарищей моихъ сильно подѣйствовала на меня. Я тогда старался быть христіаниномъ,—но *критицизмъ* одолѣвалъ меня, и я долго оставался съ колеблющеюся вѣрою. Надежда утвердиться въ истинахъ вѣры не оставила меня—и я ожидалъ этого отъ предстоявшихъ богословскихъ запятій въ старшемъ отдѣленіи.

Когда я поступилъ въ академію, въ семинаріи орловской оставался ректоромъ Гавріилъ Косой и инспекторомъ іеромонахъ магистръ, человекъ лѣтъ 25, небольшого росту, съ малою бородкою и прекрасною наружностью. Не знаю, за что епископъ Гавріилъ напалъ на обоихъ этихъ начальниковъ и скоро лишилъ ихъ должности. Ректоръ успѣлъ скоро найти должность, кажется, при Казанскомъ университетѣ: тамъ читалъ онъ исторію философскихъ системъ и издалъ ее на русскомъ языкѣ. Это, кажется, первое философское сочиненіе, появившееся у насъ на русскомъ языкѣ. Мѣсто ректора въ Орловской семинаріи занялъ или *Арсеній*, недавно умершій кievскимъ митрополитомъ, или *Исидоръ*, теперешній митрополитъ петербургскій²⁾. Новый ректоръ, по настоянію архіерея, такъ налегъ на семинарію, что многихъ учениковъ въ высшемъ отдѣленіи вогналъ во гробъ. Не знаю, кто поступилъ на мѣсто инспектора, но бывший инспекторъ очутился въ Кіевѣ—

¹⁾ Отецъ бывшаго ректора кievскаго университета и затѣмъ министра финансовъ *Николая Христіановича Бунге*.—Л. М.

²⁾ Ректоромъ Орловской д. семинаріи, послѣ *Гавріила Воскресенскаго*, былъ сначала *Арсеній Москвинъ*, именно съ 1827 по 1829 г., а потомъ *Исидоръ Никольскій*—съ 1829 по 1833 г.—Л. М.

въ Михайловскомъ монастырѣ простымъ монахомъ. Вотъ въ этомъ-то человѣкѣ я нашелъ философа съ христіанскимъ направленіемъ, и, похоронивши товарищей, я съ Спасскимъ частенько ходилъ къ нему для собесѣдованія. Онъ помѣшанъ былъ на Эккартсгаузенѣ и явленіяхъ магнетическихъ ясновидѣній. Онъ снабжалъ меня книгами, подобными книгѣ Эккартсгаузена.

Настали каникулы. Я нашелъ случай поѣхать домой и поѣздка обошлась не дорого. Въ домѣ нашемъ всѣ были живы и здоровы. Только дядя *Никаноръ* ваятъ былъ въ солдаты и отъ жестокаго обращенія съ нимъ учившихъ унтеръ-офицеровъ заболѣлъ и умеръ. И зять Иванъ Николаевичъ потребованъ былъ для разбора. Сестра Катя убивалась. Но Слава Богу—на третій день моего пріѣзда зять возвратился благополучно. Объ этомъ писано мною въ жизни отца.

Въ эти каникулы я былъ въ Мценскѣ. Машенекъ уже не было въ городѣ, повышли замужъ: двоюродная—за священника села Горохова, а троюродная—*Оболенская*—за уroda и пьяницу, учителя Орловскаго духовнаго училища¹⁾.—Степанъ Федоровичъ и тетка Поля приняли меня радушно. Саша ихъ расцвѣтала и становилась невѣстою; Дуню готовили въ монастырь, такъ какъ она потеряла одинъ глазъ, выколовъ его вилкою, когда отнимала ее у брата. Степанъ Федоровичъ былъ уже священникомъ кладбищенской церкви. Сынъ его Степанъ, окончивъ курсъ, получилъ въ какомъ-то селѣ священническое мѣсто. Все это дѣлалось чрезъ старшаго сына его Петра, моего товарища по семинаріи. Служа при архіерейскомъ домѣ смотрителемъ надъ пѣвчими, Петръ не только помогалъ отцу и брату получить священническія мѣста, но и себѣ выпросилъ у архіерея Гавріила мѣсто въ г. Мценскѣ при Пятницкой церкви, стоящей на Торговой площади и считающейся богатою. Онъ искалъ невѣсты. Во Мценскѣ много было красавицъ и достаточныхъ; но тогда требовалось, чтобы духовные брали у духовныхъ. Была одна невѣста у священника Мценской Георгіевской церкви; но она была засватана за товарища моего по семинаріи *Тихвинскаго*—и назначена была свадьба на другой день моего пріѣзда. Отцу хвалили невѣсту въ Болховѣ—у тамошняго протоіерея. Чего-же долго думать,—ѣхать туда.

¹⁾ Эту *Оболенскую*, въ которую авторъ былъ влюбленъ, онъ называлъ выше *Сашей*. А теперь ее и дочь о. Стефана Троицкаго онъ называетъ уже *Машеньками*.—Л. М.

Прка наняли тройку, я на другой день успѣлъ побывать на свадьбѣ Тихвинскаго. Когда я подходилъ къ дому Георгіевскаго священника,—изъ церкви вели повѣнчанныхъ съ процессією. Впереди шелъ вѣнчавшій священникъ съ крестомъ и дьяконъ въ облаченіи, за ними—женихъ и невѣста, а за послѣдними—свахи и дружки, сопровождаемые народомъ. Когда обрядъ встрѣчи въ домѣ окончился, я вошелъ въ домъ, отрекомендовался... Женихъ бросился въ мои объятія, и пока накрывали свадебный столъ, Тихвинскій, взявъ меня и невѣсту, вышелъ въ садикъ, Тутъ пошли у насъ объясненія. Я завидовалъ его счастію, а онъ—моей участи. Я приглашенъ былъ къ обѣду. Послѣ обѣда началось пѣніе свадебныхъ, пѣсень: „Груша—яблоня садовая, кора золотая“ и другихъ. Меня оставляли на вечеръ; но мнѣ нельзя было изъ-за поѣздки въ Болховъ. Подвода была готова. Утромъ я и братъ Петръ Троицкій отправились въ Горохово, которое лежало на полдорогѣ къ Болхову, чтобы взять сестру Машу и мужа ея—священника. Въ полдень мы были уже въ с. Гороховѣ. Сестра съ изумленіемъ и радостію встрѣтила насъ. На утро блины и выѣздъ. Священникъ почему-то не могъ отлучиться изъ дома. Дорога была веселая. Машенька немного измѣнилась, но за то свободнымъ обращеніемъ такъ обворожила меня, что я зацѣловалъ бы ее, еслибы не было съ нами брата. Братъ Петруша, оказалось, былъ не совсѣмъ здоровъ: лицо его было затянутое, глаза тусклые, и смѣялся онъ сонною улыбкой. Прибывъ въ обѣдъ въ городъ и остановясь на постояломъ дворѣ, мы запискою просили позволенія протоіерея быть у него. Послѣдовало тотчасъ приглашеніе на чай въ 4 часа. Мы не заставили себя ждать. Протоіерей и жена его приняли насъ ласково. Я отрекомендовался студентомъ академіи, братъ—студентомъ семинаріи, имѣющимъ поступить въ Пятницкую церковь, а наивная сестра—прямо свахою брата своего. Спустя четверть часа вышла невѣста, на головѣ жемчужное ребретто (sic.), въ фисеровой рубашкѣ, золотой душегрѣйкѣ и парчевой юпкѣ, въ башмачкахъ шитыхъ золотомъ, лицомъ бллая, волосами не бллокурая, а русая. Она поклонилась и, принявъ поднось съ чаемъ у служанки, поднесла сперва сестрѣ, потомъ мнѣ; но я отклонилъ отъ себя, показавъ ей жениха. Принявъ чашку, женихъ, по требованію обычая, спросилъ дохлымъ и трепещущимъ голосомъ: „какъ ваше имя и отечество“?—Невѣста отвѣтила голосомъ звучнымъ и пріятнымъ.—„Сколько вамъ лѣтъ“?—опять спросилъ женихъ.—16—отвѣчала невѣста. Только и позволялось жениху говорить; онъ долженъ

былъ только узнать: не глуха ли, и не нѣма ли невѣста.—Выпивъ по чашкѣ, мы должны были выйти въ другую комнату и спросить жениха: нравится ли ему невѣста? Такъ и сдѣлано. Петръ отвѣчалъ: *хороша*. Постѣ этого должны были войти и брать по другой чашкѣ уже отъ прислуги; невѣста не должна была выходить. На постояломъ дворѣ мы условились, чтобы я спросилъ родителей о согласіи ихъ выдать дочь за Петра Степаныча; а Степанъ Федоровичъ просилъ, чтобы я даже торговался за приданое, начавъ 1000 до 500. Но вышло такъ, что сестра все приняла на себя. Взявъ другую чашку, она говорила: „Ваша прекрасная дочь очень нравится моему брату; согласны ли будете осчастливить его NN—овною?“¹⁾—„Мы не прочь отъ добрыхъ людей; но она молода,—жаль выдавать ее такъ рано“,—сказали родители въ одинъ голосъ, а мать при этомъ заплакала.—Сестра продолжала: „Какъ ни молода ваша дочь, но вы, конечно, приготовили ей приданое“.—Мать начала пересчитывать бѣлье и одежду, жемчужныя украшенія,—сестра прервала ее на какомъ-то словѣ: „Кромѣ одежды нужно и обзаведеніе; а нынѣ хорошій домъ купить въ Мценскѣ—надобно по крайней мѣрѣ 1000 р.; вы, конечно, не пожалѣете наградить ее хоть 1000-ю“.—Тогда протоіерей, возвышая голосъ, говоритъ: „Гдѣ нынѣ 1000-у взять? Да кто нынѣ имѣетъ ее, кромѣ большихъ помѣщиковъ? Въ пору намъ собраться хоть бы съ 2 сотнями“.—Началась торговля. Сестра мало по малу спустилась на 500, какъ совѣтовалъ Степанъ Федоровичъ, а протоіерей поднялся на 300 р.—Кончили тѣмъ, что мы признались, что такого важнаго вопроса мы не осмѣливаемся рѣшить сами. Обѣщали скорый пріѣздъ родителей и рукобитье, прибавляя: „а до того времени пусть дѣло останется между нами“. Съ тѣмъ и распрощались.

По возвращеніи въ Мценскъ, мы слышали отъ Степана Федоровича, что есть у деревенскаго священника невѣста съ приданымъ въ 1000 р. и что онъ рѣшился самъ ѣхать. Я отправился домой въ Спасское.

Въ эту поѣздку во Мценскѣ мнѣ рассказано было и дядею и теткою, какимъ образомъ *рѣзная статуя* Николая угодника оставлена въ Мценскомъ Соборѣ, тогда какъ во всей Россіи такія изображенія отобраны и скрыты. Такъ, въ г. Сѣвскѣ, близъ Архангельской мельницы, надъ ручьемъ въ капличкѣ, стояла статуя Бо-

1) То есть, она назвала имя и отчество невѣсты.—Л. М.

жіей Матери въ одеждѣ еще въ 1816 и въ 1817 гг., а когда въ 1820 г. я опять поступилъ въ Сѣвскъ, этой статуи уже не было.

Около 1818 г. послѣдовалъ указъ Св. Синода отобрать вездѣ статуи иконы. Пріѣхалъ отъ архіерея протоіерей съ чиновникомъ во Мценскъ взять рѣзной образъ святителя Николая. Граждане не дали. Городничаго не послушали. Губернаторъ прислалъ особаго чиновника уговорить гражданъ; но и этого чиновника не послушали. Поѣхала депутація къ губернатору и просила у него дозволенія ходатайствовать у Государя и до той поры повременить исполненіемъ указа, доказывая, что указъ не касается чудотворныхъ иконъ, а мценская икона св. Николая чудотворная. Губернаторъ дозволилъ ходатайствовать установленнымъ порядкомъ, но не иначе, какъ съ представленіемъ неопровержимыхъ доказательствъ чудесъ, совершившихся при этой иконѣ. Такихъ чудесъ не было, а въ преданіи сохранилось, что эта икона найдена въ рѣкѣ *Зушѣ* и поставлена была въ соборѣ. Соборъ два раза горѣлъ, а икона оставалась невредимою, а только чернѣла. Говорили еще, что когда городъ сосредоточивался на горѣ и осаждаемъ былъ Литвою, Николай угодникъ или являлся за городомъ на конѣ и прогонялъ непріятелей своимъ мечемъ, или ослѣплялъ ихъ. Дѣйствительно же икона эта—католическаго устройства. Св. Николай сдѣланъ изъ прочнаго матеріала: въ одной рукѣ у него—мечъ, въ другой—церковь. Явно, что это образъ символическій, означающій то, что святитель защищалъ св. церковь на Вселенскомъ соборѣ. Мѣстность Мценска принадлежала литовскому княжеству. Но когда она была взята Москвитянами и обращена въ пограничную крѣпость, то икону, какъ папешскую, бросили въ рѣку *Зушу*. Это, положимъ, было при Іоаннѣ III. Спустя сто лѣтъ, крѣпость стала считаться искони русскою, и когда въ рѣкѣ найдена икона и принята въ церковь, ее уже считали православною. Подобныхъ изображеній святителя Николая много въ западныхъ губерніяхъ. Какъ бы то ни было, чудеса были собраны, прошеніе Государю приготовлено; депутація избрана. Главный депутатъ, кажется, *Баборыкинъ*, въ день молебствія на путь, устроилъ у себѣ обѣдъ духовенству и почетнымъ гражданамъ, а на дворѣ и на улицѣ—нищей братіи. Кибитка была на готовѣ. По окончаніи обѣда, купецъ сталъ прощаться съ семействомъ. Во время прощанія хвятились двухлѣтняго сына,—его нѣтъ. Къ нянькѣ—нянька отвѣчала незнаемъ. Пало подозрѣніе, не украденъ ли нищими. Пошла суматоха. Городничій оцѣпилъ нищихъ и городъ. Одна изъ ни-

щихъ вспомнила, что ребенокъ былъ на рукахъ няни, что она оправляла рубашку на ребенкѣ, поставивъ его на срубъ колодезя: не уронила ли его въ колодезь? Колодезь не глубокій, но воды въ немъ всегда на аршинъ. Спустились по бадьѣ въ колодезь,—ребенокъ тамъ, вынули мертвымъ, но качнули два раза,—и онъ ожилъ. Отъѣздъ отложенъ до слѣдующаго утра. Ребенокъ трясся отъ холода и просилъ ѣсть. Тогда все духовенство сказало: „на что намъ другія чудеса? Вотъ чудо св. Николая!“ Начался благодарственный молебенъ. Городничій составилъ актъ и за подписью всѣхъ свидѣтелей чуда вручилъ депутатамъ.

Черезъ нѣсколько недѣль депутація достигла Петербурга. Тамъ только узнали, что государь—за границу, и неизвѣстно, когда возвратится. Что дѣлать? ходили по вельможамъ. Одинъ изъ нихъ, добрый человекъ, посовѣтовалъ депутаціи обратиться къ великому князю Николаю Павловичу, увѣряя, что князь часто пишетъ къ государю и много добра дѣлаетъ. Депутаты на другой же день отправились слишкомъ рано къ Николаю. Служитель замѣтилъ имъ, что пришли очень рано, что имъ придется долго ожидать пріема великаго князя, и, чтобы не стояли на дворѣ, позволилъ имъ ожидать въ залѣ. Черезъ залъ рѣзновременно прошло нѣсколько военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и каждый изъ нихъ просилъ депутатовъ сидѣть. Но вотъ проходитъ черезъ залъ человекъ высокаго роста, худощавый, въ поношенномъ военномъ сюртукѣ. Депутаты и ему привстали, но тотчасъ сѣли. Чиновникъ подходитъ къ нимъ и, садясь на стулъ, спрашиваетъ: „вы къ князю? о чемъ намѣрены просить его?“—„За великаго угодника Николая чудотворца,—берутъ его отъ насъ; а вотъ чудеса его“, показывая тетрадку и актъ. Чиновникъ прочелъ только актъ и просьбу—и долго разспрашивалъ, какъ отбиралась начальствомъ и какъ защищалась икона гражданами, наконецъ сказалъ: „дайте, братцы, мнѣ эти бумаги,—я представлю ихъ великому князю; онъ на досугѣ прочтетъ, а то вамъ придется и долго ожидать, и просить его вмѣстѣ съ другими,—тогда некогда будетъ князю поговорить съ вами и прочесть бумаги“.—„Нѣтъ уже, господинъ, бумагъ тебѣ не дадимъ, а подадимъ ихъ самому князю“,—отвѣчали депутаты.—„Да долго ждатель!“—замѣтилъ чиновникъ.—„Мы небольшіе господа, подождемъ“.—Чиновникъ удалился въ другія комнаты. Началъ собираться въ залу народъ. Къ 11-ти часамъ набралось много просителей. Вдругъ изъ другой комнаты отворяются двери. „Великій Князь! Великій Князь!“—зашептали всѣ. Мценскіе купцы

какъ глянулъ, такъ душа въ нихъ замерла. Это они съ княземъ калякали и не дали ему бумагъ. Князь былъ въ мундирѣ, вытянулся и, кланяясь просителямъ, звучнымъ голосомъ позвалъ къ себѣ мценскихъ депутатовъ. Они приблизились и пали на колѣни. Князь еще звучнѣе крикнулъ: „встать съ колѣней! Это не нужно! Гдѣ ваши бумаги?“—Вскочивъ съ колѣней, депутаты уже безъ всякаго поклона вручили ему бумаги.—„Дѣло ваше мнѣ извѣстно, отправляйтесь съ Богомъ домой, кланяйтесь нашимъ согражданамъ и скажите, что св. икона останется въ соборѣ“.—Одинъ изъ депутатовъ заикнулся было о губернаторѣ, но великій князь прервалъ его, сказавъ: „и губернатору, и архіерею теперь же объ этомъ дано будетъ знать“.—И дѣйствительно, депутаты застали городъ свой въ ликованіи: и губернаторъ, и архіерей объявили городу и духовенству о монаршей милости. Одни говорили, что губернатору далъ знать прокуроръ сената, а архіерею—прокуроръ синода. Другіе же утверждали: будто курьеръ привезъ именной Высочайшій указъ за подписомъ Александра, и будто государь оставилъ великому князю бланки.

По возвращеніи изъ города Мценска домой, я услышалъ пріятную новость: епископа Гавріила переводятъ въ Екатеринославъ, и на мѣсто его назначенъ *Никодимъ* ¹⁾. Эту новость привезъ зять мой, возвратившійся изъ Орла священникомъ на мѣсто дѣда—священника села *Сычева*. Какъ онъ нигдѣ не обучался, то опредѣленіе его діакономъ въ село Спасское, стоившее ему 200 рублей, считалось чудомъ. Теперь онъ получилъ священство. Хотя это священство стоило ему 700 рублей, но это не много значило, когда съ священствомъ онъ получалъ домъ дѣда даромъ, а свой продавалъ другому дьякону, поступавшему на его мѣсто.—Черезъ недѣлю этотъ зять пріѣзжаетъ къ намъ—въ Спасское и рассказываетъ страшную новость. Его тетка, молодая вдова—дьячиха, была коровницею у архіерея Гавріила. Прощаясь съ нею, архіерей наградилъ ее деньгами и подарилъ много вещей. Келейники давно злобились на эту, покровительствуемую архіереемъ, женщину,—и вотъ въ ночь подъ тотъ день, когда архіерей въ послѣдній разъ долженъ былъ служить въ соборѣ и

1) Епископъ *Гавріилъ Розановъ* перемѣстился въ Екатеринославъ лѣтомъ 1828. На его мѣсто въ Орель въ то же лѣто поступилъ епископъ *Никодимъ Быстрицкій*.—Между тѣмъ авторъ *записокъ* приурочиваетъ описываемое имъ ваканціальное время къ лѣту 1829 г.—Очевидно, въ его старческой памяти перемѣшались событія того и другого лѣта и тѣхъ и другихъ академ. ваканцій.—Л. М.

послѣ обѣда выѣхать изъ Орла, эти негодяи втроемъ (два келейника и кучеръ) ворвались въ помѣщеніе женщины, поочередно насильовали ее, а затѣмъ ругали ее, издѣвались надъ нею, сѣкли розгами, густымъ дегтемъ мазали голову и леготнымъ помазкомъ совали въ оба нижніе прохода, между тѣмъ ротъ ея былъ забить платкомъ. Наконецъ ограбили ее: взяли деньги и лучшія вещи. Послѣ полуночи женщина пришла въ себя, освободила ротъ отъ платка и выползла вонъ изъ своего помѣщенія. У воротъ она гдѣ-то притаилась, и когда съ звономъ на утреню ворота отворились, она выползла на улицу слободки. Тутъ услышанъ былъ стонъ ея, собрался народъ; по никто не рѣшился взять ее въ домъ, а дали знать полиціи. Полиція свезла несчастную въ больницу. Она была вся распухшая, въ жару и бреду. На первый разъ полиція узнала, кто она, и то, что она, какъ показывали въ архіерейскомъ домѣ, рассчитана была архіереемъ наканунѣ; наканунѣ вышла изъ монастыря и, гдѣ проходила ночь, неизвѣстно. Архіерей послѣ обѣдни поспѣшилъ выѣхать. По обычаю, его проводили за городъ съ помпою. Свѣтскіе его любили. Такъ: отецъ Ермолова даже построилъ себѣ домъ рядомъ съ архіерейскимъ монастыремъ, чтобы постоянно наслаждаться бесѣдою съ Гавріиломъ и ходить въ его домовую церковь ¹⁾. По выѣздѣ архіерея, едва ли полиція производила слѣдствіе; потому что несчастная женщина черезъ недѣлю возвратилась въ деревню къ своимъ роднымъ.—Нерасположенные къ архіерею изъ орловскаго духовенства распускали слухъ, будто коровница, наканунѣ ея страданій, имѣла счетъ и неудовольствіе съ архіереемъ и что негодяи дѣйствовали не безъ воли его. Но это совершенная клевета.. Несчастная, которую спустя недѣлю видѣлъ Поликарпъ, племянникъ ея, а нашъ зять, далека была отъ подобнаго подозрѣнія и отзывалась объ архіереѣ, какъ о благодѣтелѣ своемъ.

1) „Отецъ Ермолова“—это статскій совѣтникъ *Петръ Ермоловъ*, отецъ знаменитаго богатаго генерала первой четверти XIX вѣка—*Алексѣя Петровича Ермолова*, жившій въ отставкѣ въ г. Орлѣ. Послѣ отъѣзда преосв. Гавріила Розанова изъ Орла,—Петръ Ермоловъ написалъ о немъ статью—съ выраженіемъ благодарныхъ чувствъ къ нему—и помѣстилъ ее въ журналъ *Отечественныя Записки*, издававшійся тогда *Павломъ Свиньинымъ*. См. этотъ журналъ за 1828 г.—Л. М.

Послѣдніе мои два года въ Кіевской Академіи.

(1829—1831 гг.).

Возвращеніе въ академію съ ваканцій.—Мысли при проѣздѣ чрезъ Батурино.—Ректоръ *Смарагдъ Крыжановскій*.—Инспекторъ *Нилъ Исаковичъ*.—Профессоры *Іоакимъ Орловъ*, *Аверкій Пушиновъ* и бакалавръ *Шокотовъ*.—Печальный случай съ бакалавромъ іером. *Рафаиломъ Шипулинскимъ*.—Молодой бакалавръ *Яковъ К. Амфитеатровъ* и его научные планы.—Тяжесть 2-хъ часовыхъ лекцій для наставниковъ и для студентовъ. — Работа надъ преміальной задачей, данной М. Евгеніемъ.—Работа надъ курсовымъ сочиненіемъ на академич. степень.—Перемена начальниковъ: новый ректоръ академіи *Иннокентій Борисовъ* и увлеченіе студентовъ его лекціями по богословію.—Новый инспекторъ *Іеремія Соловьевъ*.—Археологическія экскурсіи по Кіеву и его окрестностямъ въ ваканціи 1830 г.—Посѣщеніе театра.—Академическій обычай угощенія товарищей послѣ произнесенія проповѣди.—Академическій столъ.—Религіозное вольнодумство студентовъ.—Перемена темы для курсоваго сочиненія.—Причины неудачи въ полученіи высшей академической степени.—Сочувствіе студентовъ къ подвигамъ русскихъ войскъ во время тогдашнихъ войнъ Россіи на балканск. полуостровѣ, въ Персіи и на Кавказѣ.—Посѣщеніе Кіева Импер. Николаемъ Павловичемъ.—Холера и польскій мятежъ.—Окончаніе академич. курса и послѣднія каникулы въ академіи.

Проведши на родинѣ лѣтнія каникулы, я возвращался въ академію. На пути я съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ столицу гетмана Мазепы — *Батуриноцъ*. Не смотря на то, что въ недѣлю Православія Иванъ Мазепа проклинался наравнѣ съ Стенькою Разинымъ и Гришкою Отрепьевымъ, я нѣсколько иначе смотрѣлъ на гетмана, измѣнившаго Петру. Я жилъ въ стѣнахъ академіи, молился въ церкви Братскаго монастыря, построенныхъ гетманомъ; въ академической бібліотекѣ я читалъ рѣчи студентовъ, которыми они встрѣчали покровителя наукъ. — Въ Батуриноцѣ мнѣ указывали его дворецъ. — Проѣзжая Нѣжинъ, я остановилъ вниманіе на Лицеѣ больше, чѣмъ прежде. Лицей стоялъ за прудомъ или стоячею рѣкою, опушенною осокою. Мѣстоположеніе—хорошее, но едва-ли здоровое.

Прибылъ въ академію. Ректоръ Кириллъ уже былъ викаріемъ. На его мѣсто поступилъ ректоръ кіевской семинаріи *Смарагдъ*, человекъ бездарный, но кичливый, простотою обращенія прикрывавшій монашескую гордость, презиравшій всѣхъ и особенно науку; умѣвшій артистически падать предъ митрополитомъ, а не позволявшій никому итти съ нимъ рядомъ; неопытный циникъ, не заботившійся о приличіи въ служеніи до того, что никто не могъ угодить ему; онъ толкалъ кого-ни-попало и дер-

галъ діаконовъ за волосы. Преподавая Богословіе, онъ только критиковалъ положенія автора и мнѣнія другихъ: и то не такъ, и тотъ дуракъ, а какъ?, — объ этомъ ни слова. Только ни къ селу, ни къ городу съ самохвальствомъ вспоминалъ о своемъ прохожденіи академическаго курса. „Вѣдь у меня вышло 20 аппробованныхъ задачекъ!“, — всегда говорилъ онъ, оканчивая свое самохвальство.¹⁾

Инспекторомъ оставался іеромонахъ *Нилъ* (послѣ архіепископъ иркутскій), человѣкъ съ дарованіями, но грубый и деспотъ. Онъ читалъ священное Писаніе и только одни Евангелія. Когда преподаваніе дошло до евангелиста Іоанна и разсматривались замѣчательныя мѣста, — я обратилъ вниманіе на мѣсто, на которое особенно опираются нѣкоторые духоворы. И на первый взглядъ вкушеніе хлѣба, спешаго съ небесъ, правильнѣе понимать въ смыслѣ не собственномъ. Самъ Господь сказалъ, что Его глаголы надобно понимать духовно. Не помню, какъ я сказалъ, но Нилъ рѣзко зарычалъ на меня, произнося скрипучимъ въ носъ голосомъ: „только развращенному придетъ въ голову гнилая мысль объ иносказаніи въ словахъ Евангелія, гдѣ говорится такъ прямо и просто.“ „Глаголы мой духъ и животъ“, — доказывалъ я, „по крайней мѣрѣ эти слова Спасителя требуютъ изъясненія.“ — „Для вѣрующаго все ясно, а для развращеннаго сердца—всюду тьма. Садись!“ — Вотъ вамъ и ученіе въ академіи!

Однажды я послѣ обѣда не пошелъ на греческій языкъ, и заперся въ своемъ номерѣ на замокъ. Вдругъ стучить Нилъ, „Отвори!“, кричитъ онъ. Я отворилъ. — „Почему ты, красная рожа, не въ классѣ? Пошелъ!“ — Я повиновался, но объяснялъ, что не совсѣмъ здоровъ. Онъ словно на веревкѣ привелъ меня въ классъ²⁾.

¹⁾ Ректоръ *Смарагдъ* (въ мірѣ *Александръ Петровичъ Крыжановскій*) былъ родомъ изъ села *Великой Березянки*, тарашанскаго уѣзда, кievской губ., гдѣ священствовали его отецъ и еще дѣдъ *Михаилъ*. — По окончаніи курса въ старой Кіевской Академіи въ 1815 г., — Александръ Крыжановскій былъ назначенъ въ С.-Петербургскую д. Академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1819 г. со степенью магистра и принялъ монашество. — Скончался въ санѣ архіепископа рязанскаго 11 ноября 1863 г. — Личность его многими порицается, но многими и восхваляется. Безспорно, она была типична и своеобразна. — Л. М.

²⁾ Инспекторъ *Нилъ Исаковичъ*, магистръ С.-Петербургской д. академіи выпуска 1825 г., передъ службою въ кievской академіи, былъ инспекторомъ черниговской д.-семинаріи, — и, какъ таковой, фигурируетъ въ воспоминаніяхъ *Іосифа Акимов. Самчевскаго* и въ письмахъ архим. *Іеронима Визерскаго*, помѣщенныхъ въ *Кіевской Старинѣ* 1894 г. и 1904 г. — Л. М.

Изъ прежнихъ профессоровъ священникъ *Іоакимъ Егоровичъ Орловъ* преподавалъ церковную исторію, священникъ *Аверкій Пушновъ* греческій языкъ, а бакалавръ *Шокотовъ* — еврейскій языкъ. — Іоакимъ Егоровичъ теръ Библейскую исторію Филарета почти весь курсъ, а для Церковной исторіи — самой важнѣйшей части предмета, — для которой единственнымъ руководствомъ служило сочиненіе пензенскаго Інноктентія, — оставлялась одна или двѣ трети курса. Онъ всегда ходилъ на лекціи безъ приготовленія и потому ничего не прибавлялъ къ печатнымъ руководствамъ, съ которыми мы были знакомы еще въ семичаріи. — Священникъ Пушновъ, тоже одинъ на приходѣ, грызъ вторую часть Греческой христоматіи и въ цѣлый двухгодичный курсъ прочиталъ только нѣсколько страницъ изъ Климента Александрійскаго. — Еврейскій языкъ ограничивался только Грамматикою *Павскаго*, да нѣсколькими главами изъ Еврейской христоматіи болѣе историческаго содержанія, и потому бакалавръ Шокотовъ (студенты звали его *Шокотко*) хорошо зналъ, что читалъ. Онъ въ послѣдствіи былъ архіепископомъ кишиневскимъ.

Я забылъ сказать, какъ молодой монахъ бакалавръ *Рафаилъ Шипулинскій*, первый магистръ III курса или выпуска, перочиннымъ ножичкомъ вздумалъ зарѣзаться и не дорѣзался, послѣ того, какъ Шокотка женился и онъ увидѣлъ супружеское счастье товарища по службѣ. Начальники-монахи, начиная съ инспектора до митрополита, любили завлечь въ монашество даровитыхъ, или красивыхъ студентовъ. Къ первымъ принадлежалъ *Шипулинскій*; да и надѣлалъ же онъ хлопотъ начальникамъ! Однажды великій князь *Михаилъ Павловичъ* былъ въ церкви Братскаго монастыря. Шипулинскій подалъ ему прошеніе. — О чемъ прошеніе? — о томъ, чтобы предоставлено было ему, монаху, снять свой чинъ и возвратиться къ состоянію свободнаго христіанина. Не знаю всѣхъ послѣдствій такого прошенія. Кажется, просителя насильно удержали въ монашествѣ и поступили съ нимъ или какъ съ болнымъ, или какъ съ узникомъ¹⁾

1). Бакалавръ іером. *Рафаилъ* (въ мірѣ *Степанъ Дмитріевичъ Шипулинскій*) первый магистръ 3-го курса кievской д. академіи, т. е. выпуска 1827 г., былъ родомъ изъ черниговской губерніи. — Принятіе монашества послужило для него источникомъ большихъ душевныхъ страданій... Послѣ подачи прошенія великому князю Михаилу Павловичу о снятіи монашества, онъ былъ признанъ *лишеннымъ ума* и посланъ въ заточеніе въ извѣстную ссылочную для духовенства крѣпость въ *Суздальскій Спасо-Евфиміевъ Монастырь*, Владимірской Епархіи. — Въ 1836 г., по ходатайству мѣстнаго архіерея-преосв. *Паренія Черткова*, добросердечнаго

Ізъ старымъ преподавателямъ присоединились новые изъ IV курса: *Мелитонъ Переверзевъ*, бывшій *Михаилъ*, и *Яковъ Амфитеатровъ*. Мелитонъ читалъ, кажется, герменевтику, или же одинъ отдѣлъ св. писанія, а Амфитеатровъ церковное собесѣдованіе или краснорѣчіе. Первый не помню какъ читалъ, а послѣдній занимался только разборомъ проповѣдей. Не помню, чтобы онъ давалъ какія записки и чтобы мы что-либо учили по его предмету наизусть. Да и самъ онъ еще не уяснилъ себѣ тогда даже названія своего предмета. Ему не нравились слова: *церковное краснорѣчіе, церковная словесность, церковное собесѣдованіе*. Въ головѣ его носился идеалъ проповѣди, идеалъ поученія, но въ существовавшихъ тогда печатныхъ словахъ, или проповѣдяхъ, онъ не находилъ осуществленія этого идеала. Всѣ слова ему не нравились по своей вычурности, *поученія*—по недостатку искренности. Онъ удовлетворялся нѣкоторыми словами св. Димитрія Ростовскаго. Но тогда еще не была рѣшена задача, на сколько долженъ быть допускаемъ въ словахъ и поученіяхъ *Славянскій языкъ*. Не нравились ему тогдашніе образцы: *Массильонъ*, по его мнѣнію, *резонеръ*; *Филаретъ* митрополитъ московскій . . . , но онемъ тогда не смѣли говорить правды. И то была большая смѣлость со стороны преподавателя, что изъ словъ епископа *Гавріила* онъ приводилъ образцы *безсмыслицы* и предвѣренной темноты, выдавашіеся за выраженіе глубокихъ и великихъ истинъ. Амфитеатровъ тогда требовалъ въ церковныхъ словахъ простоты и приличія, и не допускалъ тѣхъ оборотовъ, которыми выражались благоговѣйный восторгъ, или сокрушеніе сердца. Въ требованіяхъ своихъ относительно формы церковнаго собесѣдованія *словъ, рѣчей и поученій* онъ былъ демократомъ.

Въ то время каждый урокъ продолжался 2 часа. Ихъ до обѣда было два, и послѣ обѣда—одинъ. И преподавателю нужно было наполнить чѣмъ-нибудь двухчасовой урокъ. Хотя онъ теръ одно и то же, пересыпая *изъ пустого въ порожнее*, но весь обливался потомъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ благодатнаго звонка. А чтобы ему принести добрую книгу и читать ее—или самому, или для облегченія своей груди, всегда надорванной, заставляя это дѣлать студентовъ, обладающихъ даромъ чтенія? Правда, на

пастыря, Рафаиль былъ освобожденъ изъ заключенія, принятъ въ число монашествующихъ архіерейскаго дома, и скоро былъ назначенъ профессоромъ богословскихъ наукъ, а затѣмъ и инспекторомъ Владимірской д. семинаріи.—О дальнѣйшей судьбѣ его мы пока не добыли свѣдѣній. Л. М.

многихъ урокахъ такъ почти и было. Отважные студенты, во время преподаванія, читали, скрывая книги за столомъ. Но этого нельзя было дѣлать на урокахъ Смарагда и Нила. Часы, занимаемые ихъ уроками, считались временемъ погибшимъ по преимуществу.

Не помню, какого автора читали Богословію; но только она была на латинскомъ языкѣ; даже и тексты Св. Писанія цитовались въ ней изъ *Вульгаты*. Вотъ вамъ русская духовная академія!..

Въ первый же годъ старшаго отдѣленія даны были темы сочиненій *на степень*. Не успѣлъ я выбрать себѣ тему, какъ митрополитъ Евгеній потребовалъ археологическихъ задачъ, предложенныхъ имъ годъ назадъ. Я уже говорилъ, какъ я похвастался митрополиту, что принялъ на себя рѣшеніе одной задачи. Вопросъ о времени крещенія великой княгини Ольги самъ по себѣ не важный; но, по программѣ митрополита, онъ былъ обставленъ многими другими, обнимавшими чуть-ли не всю исторію Руси до временъ Владиміра. Тутъ были вопросы о *Крымской Руси* (Тмутаракани, Суражѣ), о Юго-Западной Руси (Волинскомъ и Галицкомъ княжествахъ), Казарской (Донской) Руси, о Варягахъ преподобнаго Θεодосія или его рукописи, неудобной для печати (?), и о Варяжскихъ пещерахъ. Изслѣдованіе по этимъ вопросамъ привело къ неожиданнымъ догадкамъ и предположеніямъ, которыя и въ настоящее время показались бы слишкомъ смѣлыми. Ими затрогивалась достовѣрность Патерика и Несторовой лѣтописи.—По программѣ митрополита у меня было собрано множество матеріаловъ и сдѣлано множество вѣроятныхъ предположеній, счастливыхъ догадокъ, и все это сведено къ вопросу о крещеніи Ольги. Разказы со словъ Багрянороднаго, пріемъ княгини въ Цареградскомъ дворцѣ, хожденіе ея по заламъ дворца, представленіе ей русскихъ негоціантовъ, подарки, парадный обѣдъ—съ означеніемъ кто съ кѣмъ сидѣлъ за нимъ; перечислены князья и бояре разныхъ областей и городовъ, бывшіе въ свитѣ княгини. Все это я стачалъ кое-какъ и подчинилъ вопросу о крещеніи Ольги. Сочиненіе вышло обширное... Не знаю, какъ взглянулъ на него митрополитъ, но черезъ мѣсяць оно было возвращено мнѣ инспекторомъ Ниломъ для переписки—съ словеснымъ отзывомъ его, что оно сшито изъ разнаго хлама, набито чушью фантастическихъ предположеній и переполнено посторонностями, вовсе не относящимися къ предмету, и что я безъ уваженія относился къ св. лѣтописцу и препод.

Оеодосію. Въ отвѣтъ я сослался на Шлецерова *Нестора*. Но крикъ его (инспектора) заставилъ меня молчать. --Возвратившись въ свой номеръ, я съ ужасомъ увидѣлъ, что сдѣлано съ моимъ трудомъ. Все занимательное и все, чѣмъ дорожилъ я, похерено, а въ иныхъ мѣстахъ и переиначено. Изъ большого сочиненія осталась восьмая доля. Переписывая, я рѣшился кой-что помѣстить въ сноскахъ, особенно—о приѣмѣ, сдѣланомъ княгинѣ во дворцѣ. Но Нилъ опять замаралъ и требовалъ переписки. Требованіе, конечно, исполнено, но я не подписалъ подъ сочиненіемъ своего имени. Нилъ не замѣтилъ, а сочиненіе, казалось, кануло въ лету. Объ немъ не было помину ни въ теченіе курса, ни по окончаніи мною его. Я занялся сочиненіемъ *на степень*, избравъ темою его *Евангельское Царствіе*¹⁾.

Для темъ, предлагаемыхъ на степень, не давалось программы и не были указываемы пособія, по крайней мѣрѣ—для темы, избранной мною. Другое дѣло—для темы, предложенной митрополитомъ Евгеніемъ о *Духоборцахъ*... Студенту *Новицкому*²⁾, который принялъ эту тему, данъ былъ цѣлый ворохъ рукописей.

И безъ того направленіе критическое развито было во мнѣ въ достаточной степени, а тутъ попались мнѣ изъ библіотеки двѣ книжки: въ одной—проводился взглядъ на исторію человѣчества, какъ на раскрытіе Царствія Божія,—это сочиненіе лютеранское; въ другой—излагались *Евангельскія древности*. Разсуждая о царствіи Божіемъ, о царствіи Небесномъ, какъ преимущественномъ ученіи Іисуса Христа, я нашелъ, что Господь, прежде

1) Сочиненіе автора о *времени крещенія Ольги* было напечатано уже въ 1832 г.—въ ректорство *Иннокентія*—въ первомъ томѣ сборника подъ заглавіемъ: „Опыты упражненій воспитанниковъ кіевской д. академіи пятого учебнаго курса“. Премія въ 100 р. с. была отослана автору, когда онъ уже былъ на службѣ въ Херсонѣ, о чемъ онъ будетъ говорить ниже—въ своей *автобіографіи*.—Ректоръ Смарагда, переведенный на ректорство въ с. петербургскую д. академію, писалъ оттуда митроп. Евгенію, между прочимъ: „Здѣсь весьма хвалятъ разсужденіе о *времени крещенія Ольги*, котораго впрочемъ я еще не имѣю“ (см. „Письма архіеп. Смарагда къ М. Евгенію и архіеписк. Иннокентію“ въ „Рязанскихъ Епарх. Вѣдом.“ 1885 г., сообщ. *Н. И. Варсова*).—Авторъ „исторіи кіевской духовной академіи“ (СПб., 1863 г.), *Викт. Инат. Аскаченскій*, такъ отзывается о сочиненіи Н. И. Соколова: „Вопросъ, слегка затронутый св. Димитріемъ Ростовскимъ, занимавшій Евгенія Булгара, Тунмана“, Шлецера, Круга и Геснера, рѣшенъ былъ окончательно, при руководствѣ такого знаменитаго историко-археолога, какимъ былъ митрополитъ Евгеній“ (стран. 137-я).—Л. М.

2) Студентъ *Орестъ Марковичъ Новицкій*, товарищъ автора,—въ послѣдствіи извѣстный профессоръ философіи въ университетѣ Св. Владиміра.—Л. М.

чѣмъ предложить новое ученіе о своей церкви, старался поправить грубыя и узкія понятія іудеевъ объ ожидаемомъ царствѣ Мессіи, и потому долженъ былъ говорить современнымъ языкомъ, употребляя не только современные выраженія и метафоры, но и тѣ образы, въ коихъ привыкли Іудеи представлять себѣ ожидаемыя событія въ царствѣ Мессіи. Такимъ образомъ у меня вышло, что многія мѣста Евангелія слѣдовало понимать уже иначе, тогда какъ на нихъ основаны нѣкоторые пункты нашей догматики. Это мое сочиненіе въ свое время послано было въ комиссію духовныхъ училищъ—съ опасеніемъ, но объ этомъ скажу послѣ.

Въ послѣднемъ году моего пребыванія въ академіи послѣдовала перемѣна въ главномъ начальствѣ. вмѣсто ректора Смарагда поступилъ *Иннокентій Борисовъ*, вмѣсто инспектора Нила—*Іеремія Соловьевъ*. Борисовъ былъ мнѣ извѣстенъ по семинаріи, а прочимъ студентамъ—по *Христіанскому Чтенію*, единственному тогда духовному журналу, гдѣ онъ, будучи инспекторомъ петербургской дух. академіи, помѣщалъ свои проповѣди и свои статьи подъ заглавіемъ: „*Послѣдніе дни жизни Спасителя*“. Это не были тѣ „*Послѣдніе дни жизни Спасителя*“, которые онъ приготовилъ къ изданію въ Одессѣ—въ послѣдніе дни собственной своей жизни и, сдавши въ типографію, не успѣлъ видѣть ихъ въ печати, а завѣщалъ херсонскому духовному попечительству ¹⁾. И въ этой его послѣдней редакціи мнѣ не нравилось отношеніе автора къ Сыну Божію, какъ лицу политическому. А въ той первоначальной редакціи, какая печаталась въ *Христ. Чтеніи*, Иннокентій позволялъ себѣ слишкомъ большія вольности; но на тогдашнемъ безрыбьи духовной литературы, это сочиненіе Иннокентія, по ясности и живости слога, очень нравилось публикѣ. Старики архіереи покачивали головою, а московскій Филаретъ сильно протестовалъ, но только на словахъ, потому что журналъ издавался подъ покровительствомъ с.-петербургскаго митрополита *Серафима* ²⁾. Иннокентій вообще отличался тогда новыми взгля-

1) Объ этомъ авторъ подробнѣе говоритъ въ своихъ *запискахъ*—ниже. Л. М.

2) Знаменитое сочиненіе Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа“ испытало много превратностей.. Тѣ книжки „Христіанскаго Чтенія“, гдѣ оно помѣщалось, были послѣ запрещены. - Въ 40-хъ годахъ, будучи уже архіепископомъ,—Иннокентій хотѣлъ издать отдѣльно это свое сочиненіе, которое въ духовныхъ кругахъ извѣстно было подъ именемъ *Голгофы*. Но духовная цензура воспрепятствовала этому. „Голгофа“,—писалъ Иннокентію одинъ его пріятель изъ С.-Петербурга, протоіерей Кочетовъ,—*для собственной безопасности и для*

дами. Такъ, въ проповѣди на Троицынъ день, длинномъ трактатѣ, который едва ли могъ вынести народъ въ Казанскомъ соборѣ, интересуясь по обычаю больше вечернею и колѣнопреклоненіемъ;—въ этой проповѣди Иннокентій проводилъ мысль, что времена апостольскія были *дѣтскими временами* церкви, что дары языковъ и исцѣленій были низшими дарами Св. Духа, что настоящее состояніе церкви выше и многоплоднѣе — и проч. и проч. ¹⁾).

Когда сталъ читать лекціи послѣ Смарагда Иннокентій, то онъ до того увлекъ насъ, что мы находили его несравненнымъ. Онъ не сновалъ, подобно прочимъ, по классу, а читалъ съ кафедры. Онъ былъ молодой архимандритъ, съ прекрасными волосами, почти бѣлокуроыми, и недлинною окладистою бородою, съ большими свѣтлыми глазами. Когда онъ говорилъ, лицо его оживлялось. Онъ читалъ намъ *Религіозистику*, т. е. какова должна быть религія и удовлетворяетъ ли требованіямъ идеальной религіи вѣра христіанская. Въ этотъ предметъ входилъ и разборъ другихъ религій. Въ этомъ году Иннокентій мало говорилъ проповѣдей, или, можетъ быть, я забылъ объ этомъ. Осталось только впечатлѣніе, какое произвелъ онъ на меня словомъ предъ Плащаницею, начинавшимся стихомъ: *Да молчитъ всякая плоть человѣча*.—Лекцій онъ не выдавалъ, но ихъ со словъ его списывали и сообщали другимъ; ихъ мы не сдавали на экзаменѣ. А къ послѣднему экзамену онъ заставилъ насъ сдавать богословіе по Филаретову катехизису,—должно быть въ угоду автору; программу этого катехизиса онъ, кажется, представлялъ и въ тогдашнюю комиссію духовныхъ училищъ.

предотвращенія всякихъ недобрыхъ толковъ и перетолковъ, шума, гама и тревогъ, скоро возвратится въ свой кабинетъ“ (т. е. будетъ возвращена автору). И только, въ началѣ 50-хъ гг., засѣдая самъ въ св. Синодѣ,—Иннокентій выхлопоталъ разрѣшеніе издать отдѣльно свое сочиненіе. сдѣлавши въ немъ нѣкоторыя исправленія.—Къ сожалѣнію, смерть помѣшала Иннокентію издать уже совсѣмъ приготовленное къ печати сочиненіе это, — и только послѣ смерти автора *Голгофа* явилась на свѣтъ Божій—въ отдѣльномъ изданіи, — въ Одессѣ.—Л. М.

¹⁾ Объ этой проповѣди Иннокентія вотъ что писалъ къ нему архіепископъ ярославскій *Филаретъ Амфитеатровъ*, впол. митрополитъ кіевскій: „слово ваше въ день Сошествія Св. Духа—изъ темы: „*бѣ присно, есть и будетъ*“, требуетъ исправленія. *Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что съ продолженіемъ времени церковь Христова приходитъ въ большее совершенство*. Это значило бы дѣло Божіе смѣшивать съ дѣлами человѣческими“... (См. „*Письма Филарета Амф. къ Иннокентію Борису*“ въ „Трудахъ Кіевской Академіи 1884 г.“)—Л. М.

Иннокентій замѣтно рисовался предъ нами, но многіе ли изъ насъ стоили того? Онъ выписывалъ нѣмецкія и французскія книги и давалъ студентамъ переводить отъ листа, платя за листъ съ французскаго по 1 рублю, а съ нѣмецкаго—по 1 р. 50 к.; и мнѣ пришлось заработать рублей пять.

Кто жъ такой былъ новый инспекторъ *Іеремія*? Это *Родивонъ Ивановичъ Соловьевъ*, учитель Сѣвскаго духовнаго училища, товарищъ Борисова по сѣвской семинаріи, высокаго росту, тощій, вспыльчивый, но вмѣстѣ самый добрый челоувѣкъ. Его, также какъ и вышеупомянутаго мною Доброхотова, тянулъ въ академію Борисовъ. Но онъ не хотѣлъ и долго оставался учителемъ въ Сѣвскѣ. Съ нимъ случилось то же, что и съ Доброхотовымъ. Тоже ему было отказано епископомъ Гавріиломъ въ мѣстѣ, а тутъ невѣста его вышла за другого. Что-то было похожее на это. Родивонъ Ивановичъ пошелъ въ монастырь,—кажется въ Софоніеву пустынь, черниговской губерн., и не принимая сана іеромонаха, рѣшился навсегда остаться *послушникомъ*. Онъ захотѣлъ подвизаться въ хлѣбнѣ. Услышалъ объ этомъ Иннокентій, тогда уже инспекторъ С.-Петербургской д. академіи, началъ бомбардировать его письмами. Но послушникъ рѣдко отвѣчалъ ему. Однажды онъ изъ одного отвѣта послушника замѣтилъ, что этотъ послѣдній *отказался отъ своей воли*, отдавъ ее духовнику и настоятелю. Послѣдовалъ указъ Св. Синода, возлагавшій на послушника Іеремію, черезъ духовника его, *послушание*—слушать богословскія лекціи въ С.-Петербургской д. академіи. Послушникъ повиновался, прибылъ въ С.-Петербургъ и сталъ не опустительно ходить въ классы высшаго отдѣленія академіи. По окончаніи курса, онъ не принялъ ученой степени ¹⁾; но его уговорили принять законоучительство въ кадетскомъ корпусѣ съ принятіемъ сана священника-іеромонаха и этимъ отслужить за свое содержаніе въ Академіи. Среда военно-учебныхъ заведеній такъ подѣйствовала на отшельника, что, когда Иннокентій назначенъ былъ ректоромъ кіевской академіи и просилъ, чтобы дали ему инспекторомъ Іеремію, этотъ не протестовалъ и даже принялъ санъ архимандрита. Не помню, чтобы Іеремія прѣпо-

(²) По этому въ списокъ воспитанниковъ 7-го курса С.-Петербургской д. Академіи (выпуска 1827 г.) Іеремія поставленъ *самымъ послѣднимъ* подъ № 51-мъ и значится тамъ: „*Іередиаконъ Іеремія Соловьевъ*“.—См. Ил. А. Чистовича: „Исторія С.-Петербургской д. Академіи“ (С.-П.-Б., 1857 г.)—стран. 446-я.—Л. М.

давалъ что-либо въ академіи; кажется, онъ былъ только инспекторомъ.

Предъ прибытіемъ Иннокентія и Іереміи я провелъ каникулы 1830 года въ купаньи въ Днѣпрѣ, въ чтеніи книгъ изъ Академической бібліотеки, какія относились къ избранной мною курсовой задачѣ, а также и въ экскурсіяхъ археологическихъ. Такъ, съ Максимовичемъ и Спаскимъ я вылазилъ всѣ закоулки Кіево-Софійскаго Собора; къ этому поводомъ послужилъ трактатъ митроп. Евгенія о Софійскомъ соборѣ; ходилъ по Лаврскимъ пещерамъ уже не какъ богомолецъ, а какъ туристъ и археологъ; не разъ подходилъ къ Варяжскимъ пещерамъ и находилъ ихъ закладенными кирпичемъ. Свинынь посѣщалъ и эти пещеры, какъ я передъ этимъ прочелъ въ его „Отечественныхъ запискахъ“, и вынесъ оттуда только конскую сбрую. Еще тогда у меня заронила мысль: всѣ вообще кіевскія пещеры не есть ли работа просвѣщенныхъ народовъ, жившихъ въ Кіевѣ? Тогда я еще не зналъ о катакомбахъ римскихъ и пещерахъ крымскихъ. Уже не Иларіонъ же и препод. Феодосій строили такіе искусные ходы и подземные храмы. Это работа инженеровъ.

Въ эти же каникулы инспекторъ Нилъ былъ столько добръ, что разрѣшилъ намъ сдѣлать экскурсію въ Вышгородъ, чтобы видѣть тотъ колодезь, въ которомъ или на половинѣ его, по преданію, сокрыты были мощи Бориса и Глѣба во время нашествія татаръ. Мы видѣли этотъ колодезь и ночевали у священника Вышгородской церкви. Утромъ отправились въ Межигорье, отстоящее отъ Вышгорода на 6 верстъ дальше по Днѣпру. Тамъ видѣли ручей, вытекающій изъ угла двухъ горъ, вода котораго такъ понравилась Екатеринѣ II. Ручьемъ этимъ воспользовались, чтобы сдѣлать на немъ водяную мельницу. Огромнѣйшее колесо, принимая воды малаго ручья на одну сторону свою, отъ тяжести этой воды движется и приводитъ въ движеніе жерновъ. Въ Межигорьи была тогда фаянсовая фабрика. Мы видѣли самый процессъ работы; но, какъ невѣжды въ химіи, не совсѣмъ поняли его. Тамъ была церковь. Священникъ *Левандовскій* радушно принялъ насъ, угостилъ обѣдомъ и вечернимъ чаемъ. Все семейство—отецъ, мать и двѣ дочери—далеко провожали насъ на гору и пѣли при этомъ малорусскія пѣсни, а также нѣкоторыя образцы польскихъ колендныхъ пѣсенъ. Въ памяти у меня остался только голосъ и немногія слова одной изъ послѣднихъ пѣсеней: „Іезусови

Христусови, Пану Богу Нашему“. ¹⁾ Но все удовольствіе испортилъ увязавшійся съ нами студентъ *Семенъ Иларіоновичъ Липинскій* ²⁾. Этотъ свинья до того упился, что едва могъ итти,—и мы краснѣли за него.

Всѣ эти каникулы Ниль былъ такъ добрѣ, что позволилъ Максимовичу, мнѣ и Спасскому пойти въ театрѣ. Видно, онъ получилъ извѣстіе о переводѣ его изъ академіи на должность ректора семинаріи. Тогда прибыла въ Кіевъ труппа актеровъ изъ Харькова. Максимовичъ былъ ходатаемъ за насъ; онъ объяснялъ наше желаніе видѣть сценическое представленіе тѣмъ, что никогда мы не были въ театрѣ и что считаемъ для себя нужнымъ имѣть о немъ понятіе. Играли *Богемскихъ разбойниковъ*. Я былъ пораженъ сценою...

Странный обычай былъ въ академіи: студентъ, сказавшій проповѣдь по назначенію, долженъ былъ тотчасъ послѣ обѣдни ставить всему старшему отдѣленію четверть водки; пили изъ плошки или стаканчика отъ иллюминаціи и закусывали хлѣбомъ. Неимѣющій денегъ долженъ былъ продавать казенную рубаху. Я и безъ того продавалъ по одной рубашкѣ въ годъ, потому что отъ отца получалъ не болѣе 5 рубл. сер. въ годъ, а продажную замѣнялъ домашнею. Воспитаннику выдавалось по три рубахи и по три подштанниковъ отличнаго холста, двое сапогъ и одни головки, двое панталонъ—суконные на два года и нанковыя на одинъ годъ, жилетъ изъ бѣлаго тика и чорный шолковый галстукъ тоже на два года, шинель на четыре года; картузъ и

Это была, очевидно, древняя и популярная польская колядка, начинающаяся такъ:

W żłobie leże, —
 Kto ż pobieże
 Kolędować małemu,
 Jezusowi Chrystusowi,
 Dziś nam narodzonemu?
 Pastuszkowie przybiegajcie.
 Jemu wdzięcznie przygrawajcie —
 Jako Panu naszemu. —

Въ Юго-Западной Руси, гдѣ малороссы жили и живутъ обокъ съ поляками, нѣкоторыя польскія колядки, наиболѣе старыя и популярныя, извѣстны были и среди малороссовъ, и распѣвались иногда особенно въ семействахъ духовенства.—Въ старинныхъ рукописныхъ сборничкахъ малорусскихъ колядокъ непремѣнно попадаютъ и польскія колядки.—Л. М.

²⁾ Товарищъ автора—изъ курской губерніи.—Л. М.

шляпа—не помню на какое время ¹⁾). Носковъ, перчатокъ и носовыхъ платковъ не полагалось; не помню, были ль полотенцы.— Въ столовой посуда была оловяная, тарелки каменные, ложки деревянные.

Пища въ академіи, для меня, не изнѣженнаго по началу, казалась роскошною. Въ скоромные дни—борщъ съ говядиной и каша съ масломъ коровымъ, или вмѣсто каши жаркое съ подливою изъ сливъ. Въ праздничные дни—три кушанья: борщъ, соусъ и каша. Хлѣбъ былъ по обычаю ржаной, но всегда хорошей муки и выпеченный; квасъ заварной или спускной. Десерту и салаты, кажется, никогда не было.—Завтракомъ и полудникомъ служилъ ржаной хлѣбъ съ солью. Чаю не знали; но многіе имѣли свой, а я—самоизобрѣтенный 1-й—изъ липоваго цвѣта; 2-й—изъ буковицы и ягоdnика и 3-й—лѣкарственный, изъ деревьев. Я былъ изъ бѣдныхъ: болѣе 5 рубл. не получалъ отъ отца.

Однажды, въ 4 года, на святкахъ, кажется, на Новый годъ, при посѣщеніи столовой митрополитомъ Евгеніемъ, было поставлено на столъ пиво, но въ такихъ же поливенныхъ кувшинахъ, въ какихъ подавали квасъ. Я первый попробовалъ — чувствую: *пиво!* Я тихонько сказалъ сосѣду, и тогда только открыли другимъ, когда въ ближайшемъ кувшинѣ не много осталось. И до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ, кто это распорядился и почему предварительно не было сказано студентамъ.—

Критицизмъ овладѣлъ не однимъ мною, но и многими мыслящими студентами. Мы вѣровали въ догматы христіанской вѣры, но слишкомъ вольно относились къ заповѣдямъ церковнымъ. Вотъ случай, который можетъ характеризовать направленіе, господствовавшее между воздержными и нравственными студентами. На страстной недѣлѣ говѣли; въ четвергъ благоговѣйно причастились. Вечеромъ начались *страсти*, или чтеніе 12 страстныхъ Евангелій. Насталъ Великій Пятокъ. До выноса Плащаницы, студенты, имѣвшіе деньги, заготовляли себѣ на недѣлю Пасхи, что кому нравилось: иной запасался масломъ коровымъ и ветчиной, другіе чаемъ и сахаромъ и кизляркой для пунша, а иные обзаводились штофиками водки и колбасами. Вотъ послѣ Плащаницы я пошелъ въ 3-й номеръ стараго корпуса такъ, отъ нечего дѣлать. Гляжу—двери на крючкѣ. Я стучу, меня не

¹⁾ Авторъ пропустилъ въ числѣ выдававшейся студентамъ казенной одежды—*сюртуки*.—Въ концѣ курса выдавался форменный *фракъ*.—Л. М.

пускають, спрашивая: кто?—Я отозвался—и меня впустили. Когда я вошелъ къ любимымъ мною полтавцамъ, они пили водку и закусывали колбасой. Я сконфузился и покраснѣлъ. Но меня тотчасъ вывели изъ замѣшательства. Наливъ рюмку, спрашиваютъ: хочешь?—Пожалуй! А хорошая?—Попробуй!—Я выпилъ и хотѣлъ этимъ только отдѣлаться; но мнѣ предложили колбасы. Не принять—было бы обидно для нихъ. Чтожъ? Я принялъ кусокъ небольшой и съѣлъ, говоря,—что „я болѣе люблю ветчину, чѣмъ колбасу; на моей родинѣ рѣдко готовятъ колбасу“. Не тутъ-то было.—„А вотъ отрѣжь кусокъ отъ окорока“,—говорятъ мнѣ; но я отказался, сказавъ: „слишкомъ жирный!“—Вотъ вамъ и будущіе охранители православія!

Приближался выпускъ. Я подалъ курсовое сочиненіе. Оно было прочитано какимъ-то бакалавромъ. Но инспекторъ замѣтилъ, что его опасно посылать въ Синодъ; въ немъ проведенъ слишкомъ смѣлнй взглядъ на происхожденіе Евангельской рѣчи (sic). Объ этомъ извѣстилъ меня бакалавръ Амфитеатровъ. Я спѣшилъ поправить дѣло. Взялъ новую тему: „О формахъ и характерѣ русской церковной проповѣди до Петра I“, и у меня написалась исторія древней церковной литературы, тогда еще не существовавшая въ Россіи. Началъ я съ Кирилла Туровскаго, съ Лѣтописей, черезъ Нила Сорскаго перешелъ къ послѣдующимъ іерархамъ и настоятелямъ монастырей. Не упустилъ ничего, что теперь пишутъ объ этомъ предметѣ.—Приближаются конференціи. Я упросилъ студента низшаго отдѣленія—земляка *Якова Федоровича Александрова* переписать приготовленное мною сочиненіе и успѣлъ представить его ректору Иннокентію наканунѣ конференціи. Но это не помогло. Я не удостоенъ даже *старшаго кандидата*, слѣдовательно лишенъ даже права когда-либо имѣть степень магистра. Разсужденіе о Евангельскомъ царствіи ходило въ Синодъ и возвращено мнѣ безъ всякаго признака, что оно кѣмъ-либо было читано. Жаль, что послѣ оно къ несчастью затерялось у *Левинскаго*, теперь протоіерея въ г. Симферополѣ, при лазаретной церкви.—Этой моей неудачѣ со степенью много способствовали три обстоятельства: 1) Въ нашемъ, *пятомъ*, курсѣ было двое родственниковъ профессоровъ,—оба они получили магистра; было два монаха неучившихся ¹⁾,—имъ дали старшаго кандидата. 2) Я не могъ не остаться незамѣченнымъ у самого

1) „*Неучившихся*“ т. е. не особенно усердно изучавшихъ академическія науки, пользуясь привилегією монастырскаго званія.—Л. М.

Ректора. Однажды до того была худа говядина, что вызвала ропотъ студентовъ. Экономъ объяснялъ это неимѣніемъ лучшей въ мясныхъ лавкахъ. Иннокентій представилъ кому-либо изъ студентовъ выбрать лучшую говядину. Тѣ, которые были поумнѣй, отказались незнаніемъ толку въ этомъ припасѣ. Я не хотѣлъ подличать и сказалъ: „выборъ хорошей говядины—дѣло очень простое“. Товарищи подбили меня пойти въ лавки. Я взялъ свѣжую и перваго сорта. Всѣ изумились перемѣнѣ борща и жаркого. Столъ былъ отличный. Послѣ этого и экономъ бралъ вмѣсто третьяго сорта первый. Но опять не надолго. 3] *Яковъ Козьмичъ Амфиотровъ* не имѣлъ запоя, но весь день пилъ черезъ чась по малой рюмочкѣ; безъ чего немогъ работать головою. И чтожь? Черезъ недѣлю или двѣ всегда онъ впадалъ въ тоску. Онъ старался разогнать тоску уже частымъ пріемомъ рюмочки. Вотъ тутъ-то давали мнѣ знать, и я спѣшилъ къ нему на помощь. Я старался удерживать его,—онъ ругался и метался отъ тоски. Я просилъ служителя на это время скрыться и отпаивалъ Якова Козьмича чаемъ; а настанетъ ночь,—я разваживалъ его по академическому двору. Какъ ни старался скрыть я свои ночныя хожденія съ больнымъ по тротуарамъ; но онѣ доходили и до начальства. Нѣкоторые мою помощь объясняли участіемъ въ его пьянствѣ. 1]

Въ теченіе 4-хлѣтняго пребыванія моего въ академіи, отечество участвовало въ Наваринской битвѣ, вело войну съ Персіей, съ Турціей, боролось съ польскимъ бунтомъ и холерою. Студенты принимали живое участіе въ этихъ событіяхъ, насколько онѣ извѣстны становились изъ газетъ.

Истребленіе турецкаго флота при Наваринѣ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ участвовали и корабли другихъ державъ, не казалось

1) Авторъ коснулся причинъ, которыя попрепятствовали ему получить степень *магистра богословія*, во первыхъ—потому, что самъ сознавалъ себя заслуживавшимъ этой степени—въ сравненіи съ нѣкоторыми своими товарищами, получившими ее; а во вторыхъ—также, вѣроятно, въ виду недоумѣнія своихъ въ послѣдствіи сослуживцевъ и знакомыхъ, которые удивлялись его уму и образованности и между тѣмъ видѣли его только со степенью младшаго кандидата. Такъ, отъ одного стараго одессита мы слышали такой анекдотъ; „разъ въ гостяхъ—среди духовнаго общества—одесскій протоіерей *Іоаннъ Знаменскій* (*магистръ* московской д. академіи) спросилъ протоіерея Н. И. Соколова (автора сихъ *записокъ*): „почему Вы—такой умный человекъ, а состоите только *кандидатомъ*?“—Да, потому,—отвѣчалъ онъ, что если бы Вы учились съ нами,—то врядъ ли были бы *магистромъ*.“—Л. М.

тогда важнымъ событіемъ и никто тогда не входилъ, какъ оно подготовилось и какія имѣло послѣдствія. Повторялось имя вице-адмирала *Спиридова*, какъ героя въ этомъ морскомъ сраженіи, и появились изъ Франціи матеріи *наваринскаго дыма* года два бывшія въ модѣ. ¹⁾

Въ персидской войнѣ красовалось имя *Паскевича*. Но одинъ подвигъ генерала *Красовскаго* пріобрѣлъ тогда симпатію къ герою. Наша бригада или полкъ подъ командою Красовскаго, въ знойное время, по пескамъ, должна была поспѣшить къ г. Армянскому монастырю. Разстояніе было 20 верстъ, дорога шла между горами. Персы окружили бригаду съ обѣихъ сторонъ и расположились по горамъ. Отрядъ нашъ долженъ былъ итти подъ сильнымъ огнемъ непріятелей. Но командиръ не растерялся. Отражая напеденіе, онъ продолжалъ итти впередъ, поставивъ обозъ въ средину. Въ одномъ мѣстѣ подбитъ былъ или сломался лафетъ. Думали бросить пушку. Но Красовскій бросился къ пушкѣ и закричалъ: „Ребята! Спасите пушку!“—и солдаты утомленные, изнемогающіе отъ жажды и жары и песчаной дороги, хриплымъ голосомъ заревѣли: *ура!*—и пушка спасена.—Не доходя немного до монастыря протекалъ ручей. Солдаты бросились къ ручью и, не слушая команды, припали къ водѣ. Отъ излишняго употребленія холодной воды, вдругъ ослабѣли: многихъ спасли, а многіе были побиты Персами. Когда достигли монастыря, всѣ бросились на землю подъ стѣнами его. Стѣны были вооружены пушками, и Персы оставили въ покоѣ отрядъ.

Изъ турецкой войны, изъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ одинъ эпизодъ принятъ былъ студентами съ восторгомъ. Это—*взятіе Ахалцыха* Ширванскимъ полкомъ безъ выстрѣла со стороны полка. Полкъ двинулся противъ крѣпости съ захватскою пѣснью. Крѣпость молчала. Но когда пѣлся стихъ пѣсни. *Выгоняли животину на попову десятину*, раздался залпъ изъ всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ. Командиръ полка Бурцевъ скомандовалъ: *ружья на перевѣсъ*—скорымъ шагомъ маршъ! Въ это мгновеніе ядро попало ему въ ротъ—и голова разлетѣлась. Тогда по всѣмъ шеренгамъ послѣдовала команда: „Сомкнись-ура!“ Полкъ, не давъ ни одного выстрѣла, въ нѣсколько минутъ очутился на стѣнахъ

¹⁾ Эту матерію увѣковѣчилъ Гоголь, описывая фракъ одного изъ главныхъ героевъ „Мертвыхъ душъ“, именно знаменитаго Павла Ивановича Чичикова. Фракъ этотъ былъ не изъ какой иной матеріи, а именно изъ сукна цвѣта „наваринскаго дыма“ съ пламенемъ“.—Л. М.

крѣпости, и крѣпость пала. Дѣйствовали только холоднымъ оружіемъ.

Всѣ студенты русскихъ губерній старались припомнить голосъ вышеупомянутой пѣсни; но по стиху, взятому изъ середины, никто не могъ припомнить. И я, знатокъ великороссійскихъ пѣсенъ, никакъ не могъ привести на память ни начала, ни конца той пѣсни. Легли спать. Перебирая голоса веселыхъ пѣсенъ и начальныя стихи ихъ, наконецъ я вспомнилъ и пѣсню и голосъ. Вотъ она:

Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ!
Ну-тко, дѣвки, на лужокъ,
Гдѣ муравка и цвѣтокъ,
Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,
Въ хороводѣ веселились,
Пригоняли животину
На попову десятину!

А вотъ и голосъ пѣсни.... ¹⁾.

Я не утерпѣлъ, чтобы не запѣть, и, лежа въ постели, заоралъ. Оказалось, что и другіе еще не спали и, можетъ быть, думали о томъ же; они подхватили и, соскочивъ съ постели, начали горланить. Вдругъ бѣгутъ изъ сосѣдняго номера и присоединяются къ нашему хору. Дошло до того, что и всѣ собрались. Нашлись и плясуны. Старшіе въ номерахъ едва могли уговорить, опасаясь, чтобы не услышалъ инспекторъ. Однако инспекторъ слышалъ и на другой день вечеромъ, при обычномъ визитѣ къ инспектору, старшіе объяснили ему дѣло. Инспекторъ совершенно успокоился.

Съ театра войны на Балканскомъ полуостровѣ доходили непріятныя слухи; войска гибли не отъ оружія, а отъ болѣзней. Брали крѣпости, обложили и *Варну*. Приводили много плѣнныхъ турокъ; болѣе 1000 стояло ихъ въ Кіевѣ—лагеремъ. Мы ходили къ нимъ; подмѣчали нѣкоторыя слова; но у меня въ памяти до сихъ поръ осталось не много, только: *Саламъ леги*—миръ тебѣ;

¹⁾ Авторъ сообщаетъ и *ноты*, какъ пѣлась эта народная великорусская пѣсня, которая и теперь всегда почти фигурируетъ въ извѣстныхъ дешевыхъ *пѣсенникахъ*, выходящихъ изъ московскихъ типографій. Л. М.

ялимъ (или *имимъ*) хорошо ¹⁾. Любопытно было смотрѣть, какъ плѣнные бородись между собою. Оба противника снимали чалмы, скидали рубашки, оставались въ однихъ шароварахъ, и схвативъ другъ друга за плечи и упершись головами, неподвижно стояли какъ быки, пока одинъ не перетягивалъ другого и не бросалъ на землю. Что то напоминало олимпійскихъ борцовъ. Если такъ боролись олимпійскіе герои, то сцена была безобразная.

Во время войны съ турками посѣтилъ Кіевъ Императоръ Николай Павловичъ ²⁾. Я хотѣлъ его видѣть и во-время поспѣлъ въ Печерскую лавру. Здѣсь ожидалъ его митрополитъ Евгеній съ ликомъ монашескимъ; не помню, чтобы тутъ былъ кто-либо изъ бѣлаго духовенства. Отъ св. воротъ до самой соборной церкви по обѣ стороны тротуара были протянуты веревки. Я помѣстился вблизи самой веревки на половинѣ пути. Я ожидалъ видѣть въ государѣ человѣка высокаго, но согнутаго и худощаваго, какъ мнѣ изображали его въ Мценскѣ—съ разказа о немъ депутатовъ, хлопотавшихъ за рѣзную икону Николая Чудотворца. Каково-жъ было мое изумленіе! Я увидѣлъ великана—плечистаго, съ широкою грудью, державшагося прямо. Когда этотъ величественный императоръ поровнялся со мною, я оказался вровень съ его широкими бедрами. Я затрепеталъ и не могъ взглянуть на его лице. Когда онъ прошелъ, я замѣтилъ, что онъ цѣлою головою возвышается между генералами довольно большого росту, а одинъ изъ нихъ былъ даже высокаго росту. На возвратномъ пути изъ собора я лучше разсмотрѣлъ его. Лицо его—продолговатое, чело—возвышенное, глаза—большіе, голубые. Когда онъ миновалъ меня; я успѣлъ выбѣжать изъ лавры другимъ ходомъ и забѣжалъ далеко впередъ, чтобы еще видѣть его въ экипажѣ. Не могу объяснить, почему дорожныя экипажи его оставались за рѣкою. Государь сѣлъ на первыя дрожки, какіе попались ему. Когда отѣхалъ онъ сажень 200, рессора обломила. Государь соскочилъ на всемъ бѣгу. Тутъ полиціймейстеръ, ѣхавшій за нимъ верхомъ, остановилъ проѣзжавшую коляску, у которой будка и передъ соединялись и представляли родъ кареты. Оказалось—экипажъ биткомъ былъ набитъ дамами и дѣвками.

¹⁾ Эти *плѣнные турки* работали при возведеніи укрѣпленій нынѣшней кievской крѣпости. См. статью *Н. К. Шильдера*: „Императоръ Николай I и восточный вопросъ“—*Русская Старина*—1901 г. мартъ стран. 513.

²⁾ Это, описываемое авторомъ, посѣщеніе Кіева Императоромъ Николаемъ I происходило отъ 23 по 26 число м. іюня 1829 года.—Л. М.

Пока онѣ вылѣзали, государь стоялъ на разстояніи 4-хъ сажень. Потомъ, подошедши къ нимъ, что-то говорилъ,—должно быть—въ извиненіе и бралъ каждую особу за руку. Онѣ краснѣли и блѣднѣли. Государь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ на квартиру. Онъ остановился на Печерскѣ, въ одноэтажномъ домѣ, о 9-ти окнахъ съ воротами, большимъ дворомъ и позади двора садомъ. Вмѣстѣ съ толпою я очутился противъ оконъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздался голосъ въ комнатахъ дома: „человѣкъ! окна затвори!“ громкій и звучный голосъ до сихъ поръ стоитъ въ моей памяти.—Находясь въ толпѣ, я не замѣтилъ, что правая рука моя лежитъ на полныхъ и бѣлыхъ плечахъ дѣвицы, въ платьѣ декольте. Должно быть рука дрогнула, что дѣвица оглянулась—съ выраженіемъ неудовольствія. Я отдернулъ руку, извинился натискомъ толпы, покраснѣвъ до ушей, и отодвинулся на шагъ. Мнѣ чрезвычайно стыдно стало. Мнѣ казалось, что это замѣчено окружающими. Я стоялъ неподвижно, вперивъ взоры на затворенныя окна дома. Я рѣшился взглянуть на дѣвицу и глаза мои встрѣтились съ ея глазами. Она спокойно смотрѣла на меня и, какъ замѣтилъ я, занималась мною. Одежда моя, какъ студента, давала ей знать, кто я. Но я не выдержалъ и отошелъ на другую сторону толпы, къ воротамъ.—Черезъ нѣсколько минутъ послѣ сего раздается крикъ ямщика: „Пади!“, раздвигается толпа, къ воротамъ подлетаетъ тройка. Лошади въ мылѣ и шатались. Съ тележки соскакиваетъ офицеръ весь въ пыли и грязи, эполетъ не видно, такъ какъ тогда они были висячіе. На встрѣчу ему выбѣжали придворные и военные изъ царской свиты. Ведутъ къ государю. Черезъ 10 минутъ возвращается пріѣзжій,—и его обнимаютъ и цѣлуютъ военные и штатскіе. Кто бы это былъ такой? и за что цѣлуютъ его, пыльнаго и грязнаго?—Черезъ четверть часа узнаемъ: это—курьеръ изъ дѣйствующей арміи, съ ключами крѣпости Силистріи. Нѣсколько оконъ растворилось въ квартирѣ государя. Выбѣжалъ военный и, согнувшись, пробѣжалъ по толпѣ съ крикомъ: *ура!* За нимъ грянула толпа, которой до сихъ поръ запрещено было привѣтствовать государя этимъ крикомъ, даже при подѣздѣ его къ Лаврѣ¹⁾.

На другой день праздновано было взятіе крѣпости Силистріи. На валахъ стараго Кіева (тогда эта часть города была об-

¹⁾ Это извѣстіе изъ дѣйствующей арміи о взятіи крѣпости Силистріи получено было въ Кіевѣ 25 іюня—въ день рожденія Императора Николая Павловича,—См. въ указанной статьѣ Шильдера—стр. 513.

несена крѣпостнымъ валомъ, а на мѣстѣ *Крещатицкой* улицы былъ лугъ, на которомъ паслись коровы; за *Золотыми Воротами* стлалась покатистая равнина съ зеленою муравою; она оканчивалась ручьемъ *Лыбедью*; за *Лыбедью*—тоже равнина, оканчивалась митрополичьею рощею)—появились пушки, изъ которыхъ данъ былъ 101 выстрѣлъ. Государь шествовалъ въ Софійскій соборъ во всемъ парадѣ, встрѣченный духовенствомъ у св. воротъ, какъ и въ Лаврѣ; только тамъ онъ былъ въ военномъ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Народъ стоялъ по обѣимъ сторонамъ тротуара, какъ и въ Лаврѣ, только теперь явился въ праздничномъ платьѣ. Теперь я любовался своимъ царемъ. Мнѣ казалось—въ цѣлой Россіи нѣтъ такого величественнаго чело-вѣка: лицо его сіяло, какъ архистратига. Я сталъ первымъ въ ряду, держась каната. Когда государь миновалъ, взоръ мой остано-вился на другомъ ангелѣ, который стоялъ по другую сторону тротуара, какъ разъ противъ меня. Это была дѣвица 16 лѣтъ, блондинка съ большими свѣтлыми и вмѣстѣ кроткими глазами; бѣлые волосы зачесаны были вверхъ и обнажали прекрасное чело и продолговатое лицо, правильный небольшой носъ, свѣжія дѣвственныя щеки и алая губки,—все это въ цѣломъ, при вы-сокомъ ростѣ и тонкой таліи, представляло идеаль красоты не-беснаго ангела. Дѣвица была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, под-поясана голубою лентою; на шеѣ—маленькій голубой платочекъ. Безъ всякихъ украшеній, она казалась одѣтая лучше всѣхъ. Я не сводилъ съ нея глазъ. Со мной былъ Максимовичъ. Я ска-залъ ему: „какъ мало нужно для дѣвицы, чтобы быть хорошо одѣтой! Вотъ передъ нами дѣвица: бѣлое платьице, голубая лен-точка для пояса и маленький платочекъ на шеѣ—и больше для нея ничего не нужно!“—Да это потому, что она хороша собой,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.—„А кто эта дѣвица—не пріѣзжая ль откуда?—Онъ мнѣ шепчетъ: это, кажется, *Мѣдинцева*—съ на-шего Подола—“, *Мѣдинцевыхъ* я знаю; у тѣхъ красные волосы“, возразилъ я.—Это, кажется,—продолжалъ онъ,—двоюродная се-стра ихъ, дочь мѣщанина *Мѣдинцева*, брата купцовъ *Мѣдинце-выхъ*, чело-вѣка бѣднаго. Онъ запиваетъ, но имѣетъ свой домъ съ мезониномъ—противъ церкви Притиска-Николая.—Только бы-ло мнѣ и нужно. Съ тѣхъ поръ засѣла у меня въ головѣ и сердцѣ эта дѣвица. Я нашелъ домъ ея; узналъ, что она ходитъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь. Раза три я видѣлъ ее и не-далеко стоялъ отъ ней. Потомъ она стала ходить и въ Братскій монастырь.—Домъ мѣщанина *Мѣдинцева* примыкаетъ къ Андре-

евской горѣ,—и я часто сиживалъ на скатѣ горы, выжидая, не появится ли она дезабилье. Разъ увидѣлъ ее въ самомъ простомъ платьицѣ; волосы, перевязанные ленточкою, разстилались позади. Что жъ? И въ этомъ видѣ она была прекрасна. Я рѣшился ни на комъ не жениться, какъ на бѣдной, но прекрасной *Марѣ Стефановнѣ Мѣдинцевой*. Бѣдность ея даже обезпечивала успѣхъ предпріятія. Я мечталъ: какъ только получу мѣсто, такъ—подъ вѣнецъ, и на другой день—на почтовую повозку. Доѣхавъ до мѣста, нанимаю одну комнату съ пищею; не держу даже прислуги: мы другъ другу будемъ прислуживать. Какъ бы ни было скудно будущее жалованье, при такомъ образѣ жизни его всегда станетъ.

Не помню, прежде ли, или послѣ приѣзда государя была въ Кіевѣ императрица Александра Ѳеодоровна съ молодыми дочерьми Марією и Ольгою ¹⁾. Ей дѣлали пріемъ въ бесѣдкѣ Екатерининскаго сада. Садъ былъ иллюминованъ превосходно; на Днѣпрѣ взадъ и впередъ ѣздили иллюминованныя лодки съ пѣсенниками. Бесѣдка была залита огнемъ, и видъ изъ нея съ горы на Днѣпръ былъ восхитителенъ. Я пробрался къ самой бесѣдкѣ, въ которой была государыня съ дѣтьми и правителями города и пила чай. Двѣ музыки—инструментальная и духовая—исполняли самыя лучшія и мелодическія піесы. Въ 10 часовъ, когда кончился чай и, можетъ быть, ужинъ и пили шампанское, раздался гимнъ: *Боже Царя Храни!* Его исполняли два оркестра—музыкальный и пѣвческая капелла. Тогда былъ и другой напѣвъ, должно быть—англійскій, и другія слова гимна. Слова—не совсѣмъ складныя, но напѣвъ, по моему мнѣнію, болѣе простой и торжественный. Вотъ тогдашній напѣвъ и слова:

Боже, Царя храни,
Сильному долги дни
Дай на земли!

¹⁾ Это посѣщеніе Кіева императрицею Александрою Ѳеодоровною происходило раньше, чѣмъ описанное выше посѣщеніе Кіева Николаемъ Павловичемъ. Именно—государыня императрица была въ Кіевѣ во второй половинѣ сентября 1828 г., на пуги въ С.-Петербургъ изъ Одессы, куда она отправилась съ государемъ въ началѣ турецкой войны и гдѣ провела все лѣто 1828 года, пользуясь морскими ваннами на дачѣ барона Рено. Выѣхала она изъ Одессы 3 сентября 1828 г., была въ Вознесенскѣ, Бѣлой Церкви и затѣмъ въ Кіевѣ.—Государь же въ это время оставался въ дѣйствующей арміи.—Л. М.

Царствіе славное
Въ мірѣ прехвальное
Дай на земли!
Всежъ недостойное
Прочь отжени! ¹⁾.

Во время пѣнія этого гимна чувства восторга и умиленія захватили духъ мой и разрѣшились слезами.—Вслѣдъ за гимномъ поданы были одномѣстные дрожки безъ пролета; тогда съ пролетомъ не дѣлали, а—въ одну лошадь. Государыня сѣла бокомъ, посадивъ одно дитя рядомъ съ собою, другое—на колѣно къ себѣ. Лошадь повели за узду шагомъ—по аллеѣ. Я забѣжалъ впередъ и сталъ при аллеѣ. Какъ только дрожки поровнялись со мною, толпа двинула меня къ самымъ дрожкамъ. Я оперся на самыя дрожки. Испугъ овладѣлъ мною. Чтобы отодвинуть толпу, которую отодвигалъ и квартальный, я долженъ былъ протянуть ногу подъ дрожки, и, не чувствуя боли отъ переѣзда колеса, съ напряженіемъ всѣхъ силъ я такъ двинулся назадъ плечами, что повалилъ многихъ и самъ повалился. Никогда не забуду этого случая. Нога болѣла дня три.—Царевны, будущія красавицы, показались мнѣ скулистыми; лица ихъ къ низу слишкомъ были широки.

Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ академіи Россія перенесла двѣ невзгоды: новую, прежде не слыханную, болѣзнь холеру и первый польскій мятежъ.

Въ кievской духовной академіи небыло ни одного случая странной и даже неразгаданной болѣзни, хотя низменная мѣстность благопріятствовала холерѣ. Еще тогда замѣчено было, что эта болѣзнь любила низменные мѣста и не касалась жителей мѣстъ возвышенныхъ. Она распространялась отъ Каспійскаго моря изъ Азіи и, казалось, шла по рѣкамъ противъ теченія. Это обстоятельство подало мысль, не имѣла ли она подземное теченіе и потому обнаруживалась въ низменныхъ мѣстахъ, какъ близкихъ подземному току. Въ Астрахани и мѣстахъ, ближайшихъ къ Каспійскому морю, процессъ болѣзни не продолжался болѣе чаеу, двухъ и трехъ; люди умирали иногда среди улицы. Въ Кіевѣ болѣзнь убивала въ полсутокъ и въ сутки. Такъ

¹⁾ Это нѣсколько переименованныя строки изъ извѣстнаго стихотворенія Жуковского. Авторъ сообщаетъ и ноты, какъ пѣлся этотъ гимнъ.—Л. М.

умеръ на Подолѣ протоіерей, изъ древней академіи, кажется—*Маньковскій* или *Малиновскій*. Онъ въ послѣднее время занимался опытами *гальванизма* и *электричества*; къ нему на эти опыты ѣздилъ митрополитъ Евгеній.—Въ академіи на мѣсяцъ прекращены были уроки. Это-ли обстоятельство, или питье дехтярной воды, спасло студентовъ, или умѣренность въ пищѣ, обычная въ то время въ академіи.

Только-что кончилась война съ турками и еще возвращались съ Дуная войска въ слишкомъ уменьшенномъ составѣ полковъ,—какъ поднялся польскій мятежъ. Послѣ измѣны поляковъ въ нашествіе Наполеона I, императоръ Александръ I рѣшился привязать ихъ къ себѣ неразгаданнымъ великодушіемъ. Въ 1815 году, на европейскомъ конгрессѣ, никѣмъ не вынуждаемый, онъ возстановилъ Польшу подъ именемъ *Царства Польскаго*—съ отдѣльнымъ казначействомъ, отдѣльными войсками и отдѣльнымъ сенатомъ, и короновался въ Варшавѣ и оставилъ намѣстникомъ своимъ *Константина Павловича*, наслѣдника престола. Намѣстникъ образовалъ корпуса отличныхъ войскъ. По смерти Александра, Николай также короновался въ другой разъ въ Варшавѣ. Но въ 1830 году Польша взбунтовалась: выгнали намѣстника и войска, доведенныя имъ до совершенства, выставили противъ нашихъ войскъ, ослабленныхъ минушею войною. По началу они имѣли даже успѣхъ. Носился слухъ, что Константинъ наложилъ на себя руки, главнокомандующій—*Дибичъ-Забалканскій*—тоже; но въ дѣйствительности тотъ и другой сдѣлались жертвою холеры.—Война была упорная и кончилась взятіемъ Варшавы, сопровождавшимся кровопролитнымъ штурмомъ. Николай былъ челоуѣкъ съ сильною волею: съ тѣхъ поръ онъ держалъ поляковъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

При усмирении польскаго мятежа, между студентами академіи обнаружилась партія, симпатизировавшая полякамъ. Это были студенты западныхъ губерній. Они все твердили пѣсню: „Еще Польша не сгинела“. Противъ нихъ вооружились великороссы; студенты же—малороссы держали нейтралитетъ. И изъ нихъ многіе знали польскій языкъ. И неудивительно: отцы западныхъ и малорусскихъ студентовъ въ экономическомъ отношеніи иногда зависѣли отъ польскихъ пановъ, которымъ принадлежали села въ западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ. Не

знаю, по какому поводу и для какой цѣли передъ этимъ введено было въ Кіевской академіи преподаваніе польскаго языка для охотниковъ?..¹⁾—Слова польскихъ пѣсенъ мнѣ не нравились; языкъ, какъ пародія на русскій, тоже. Но голосъ былъ 'хорошъ'; подъ этотъ голосъ, къ досадѣ западныхъ студентовъ, я сочинилъ русскіе стихи. Такъ на голосъ пѣсни: „И ты, Жолкевскій“, я пѣлъ слѣдующіе стихи:

¹⁾ Студенты западныхъ губерній [ихъ въ описываемое авторомъ время было нѣсколько человѣкъ въ Кіевской академіи только изъ минской губерніи), а также Юго-западныхъ губерній (кіевской, подольской и воынской) могли пѣть польскія пѣсни просто потому, что, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ поляками, знали польскій языкъ и, хорошо понимая духъ и строй его,—могли даже увлекаться художественностію польской стихотворной композиціи въ пѣсняхъ, не говоря уже о напѣвѣ этихъ послѣднихъ... Для великоросовъ же, которые не понимали польскаго языка,—онъ, какъ въ этомъ сознается самъ нашъ авторъ, представлялся лишь пародіею на русскій языкъ и потому естественно не могъ возбуждать въ нихъ къ себѣ сочувствія и уваженія...—Польскій языкъ преподавался издавна въ старой кіевской академіи. На немъ, въ 17-мъ вѣкѣ, писались даже многія сочиненія кіевскими академиками въ защиту православной вѣры и русской народности... Такъ тогда необходимо было, по близкой связи Малороссіи съ Польшею... Но и впослѣдствіи польскій языкъ оставался въ старой кіевской академіи и перешелъ въ новую академію, такъ какъ знаніе его было въ высшей степени необходимо въ научныхъ цѣляхъ—именно для знакомства съ исторіею церкви въ Западной и Юго-западной Руси и вообще въ Малороссіи... Это въ особенности сознавалъ митр. Евгеній, самъ прекрасно знавшій польскій языкъ, пользовавшійся имъ въ своихъ историческихъ изысканіяхъ и покровительствовавшій изученію его въ кіевской академіи.—Каедре польскаго языка существовала въ этой академіи до 40-хъ гг., когда была открыта, вслѣдствіе того, что возобладали въ тогдашней духовной и свѣтской администраціи Кіева противъ-польскіе политическіе интересы, и въ самой академіи сократилась потребность въ изученіи прошлой исторіи родного края.—Когда эта потребность, въ началѣ 60-хъ гг., возродилась, то и почувствовалась опять необходимость въ академіи близкаго знакомства съ польскимъ языкомъ. И вотъ стали учиться ему самоучкою... Примѣры этого мы видимъ въ профессорахъ Кіевской академіи—великороссахъ: Н. И. Петровѣ, С. Т. Голубевѣ и протоіерейѣ Ѳ. И. Титовѣ—этомъ достопочтенномъ триумvirатѣ, которому Кіевская академія предоставила честь—быть ея исторіографомъ—въ виду наступающаго 300-лѣтняго юбилея ея жизни... Что же касается нынѣшнихъ студентовъ Кіевской академіи,—то они часто остаются безпомощными въ своихъ научныхъ работахъ, касающихся исторіи западно-русской и южно-русской церкви по незнанію польскаго языка. А между тѣмъ такія работы имъ задаются... И вотъ, безъ предварительнаго знанія польскаго языка, имъ приходится, наприм., читать и разбирать сочиненія Іоанникія Галытовскаго, написанныя по польски—для защиты догматовъ православія противъ католицизма!.. Какого научнаго значенія можно ожидать отъ такихъ студенческихъ работъ?...—Л. М.

Гдѣ нашъ Кутузовъ,
 Вождь незабвенный?
 Билъ онъ французовъ—
 Съ Наполеономъ...
 И ты, Суворовъ, непобѣдимый
 Твой молодецкій
 Штыкъ насъ прославилъ!..

Вотъ голосъ на эти стихи: ¹⁾

Настали послѣднія каникулы въ академіи для меня. Дѣло объ утвержденіи въ степеняхъ и опредѣленіи на мѣсто службы послано было въ комиссію духовныхъ училищъ. Праздныхъ мѣстъ профессорскихъ достаточно было только для перваго разряда окончившихъ курсъ ²⁾. Но были мѣста смотрительскія, и въ числѣ ихъ смотрительское мѣсто при орловскомъ дух. училищѣ, мѣсто умершаго *Василія Лукича Переверзева*, бывшаго уже, кажется, протоіереемъ. Мѣста смотрителей зависѣли непосредственно отъ академическаго правленія. Я подалъ прошеніе о представленіи мнѣ этого мѣста. Конкурентовъ не было—и я считалъ его своимъ. Инспекторъ Іеремія посовѣтовалъ мнѣ поѣхать на каникулы домой и воспользоваться даровою подводой, которую онъ нанялъ для болѣзненнаго брата своего—дьячка, пріѣхавшаго тогда на поклоненіе св. мощамъ. „Можетъ быть откроется для васъ,—говорилъ онъ,—и профессорское мѣсто въ какой-либо семинаріи (профессорскія мѣста считались тогда выше смотрительскаго); не лишне проститься вамъ съ родными“.—Я согласился. Не помню, какъ я ѣхалъ съ братомъ Іереміи. Но прибылъ домой—въ Спасское—до храмоваго праздника Преображенія. Родители мои были очень рады. Они увидѣли меня во фракѣ и панталонахъ чернаго тонкаго сукна. Особенно радовались тому, что я назначаюсь смотрителемъ орловскихъ духовныхъ училищъ. Но на меня напала тоска... Отецъ былъ здоровъ, но припадки падучей болѣзни стали повторяться съ нимъ очень часто. Сестра Варя была уже невѣста. Мать была спокойна и весела; она интересовалась будущимъ моимъ положеніемъ въ Орлѣ и досадо-

¹⁾ Авторъ сообщаетъ и ноты этой сочиненной имъ пѣсни.—Л. М.

²⁾ Здѣсь подъ профессорскими мѣстами разумѣются наставническія мѣста въ духовныхъ семинаріяхъ. Ибо тогда и наставники семинаріи носили званіе профессора, если только имѣли степень магистра богословія.—Л. М.

вала, что нѣтъ для меня достойныхъ невѣстъ; уже обыкновенныя священническія дочери, по ея мнѣнію, не годились для меня. А я ни гу-гу про свою Мѣдинцеву!..—Безъ книгъ и дѣла я не зналъ, какъ могъ проволочь каникулы. „Сіонскій Вѣстникъ“ хотя былъ отобранъ изъ церквей, но у отца сколько-то книжекъ его оставалось; ихъ-то я отъ скуки перечитывалъ, но тогда ничего въ нихъ не находилъ такого, за что бы ихъ отбирать и уничтожать...—Оканчивались каникулы. Въ Мценскѣ—свадьба. Сестра моя, двоюродная дочь о. Степана Ѳедоровича Александрова ¹⁾, выходила замужъ за окончившаго курсъ семинаріи. Мать моя поѣхала на свадьбу, но я не захотѣлъ ѣхать... Тоска душила меня... Какое-то было предчувствіе, что въ послѣдній разъ я дома.—Настало время плестись въ академію—за полученіемъ ученой степени и мѣста. Какъ тяжело было мнѣ вводить въ расходы отца! но я не могу теперь вспомнить, какъ удалось мнѣ найти дешевый случай возвратиться въ Кіевъ, не могу вспомнить, какъ и съ кѣмъ ѣхалъ... Помню только, что со мною прощались безъ слезъ, надѣясь, что я скоро возвращусь смотрителемъ орловскихъ училищъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Этого о. Степана Ѳедоровича авторъ прежде называлъ по фамиліи Троицкимъ. Вѣроятно, здѣсь ошибка.—Л. М.

Воспоминаніе и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.¹⁾

Поступленіе на службу и женитьба.

(1831— 1832.).

Опредѣленіе на должность Смотрителя духовныхъ училищъ въ г. Херсонѣ и настоятеля Херсонскаго Собора.—Неудачная попытка жениться въ Кіевѣ.—Путешествіе въ Екатеринославъ—на еврейской балагуль—въ компаніи съ товарищами.—Визиты по начальству въ Екатеринославъ.—Квартированье у земляка—учителя семинаріи, *Павла Иван. Данкова*, и знакомство съ его свояченицей дѣвицей *Варварой Ивановной Станиславской*.—Характеристика ея.—Авторъ рѣшается сдѣлать ей *предложеніе*.—Многочисленная родня невѣсты автора въ Екатеринославѣ.—Первая поѣздка автора въ Херсонъ на мѣсто службы.—Нѣчто о Херсонскомъ дух. училищѣ.—Поѣздка въ Корсунскій монастырь.—Игуменъ *Тихонъ*.—Возвращеніе въ Херсонъ и ночлегъ у бѣднаго сельскаго священника въ ночь подъ Рождество.—Визитъ къ Вице-Губернатору *Врюхачеву*.—Возвращеніе въ Екатеринославъ къ невѣстѣ и свадьба.—Рукоположеніе въ священника.—Обученіе Богослуженію въ архіерейской Загородней церкви.—Возведеніе автора въ санъ Протоіерея.—Дѣлежъ женинаго наслѣдства и *оптиздѣ* автора съ женою въ г. Херсонъ—на мѣсто постоянного жительства.

По возвращеніи въ Кіевъ съ родины, я засталъ въ академіи все по старому. Наѣхали новые студенты. Мы, окончившіе курсъ, какъ-нибудь помѣстились въ номерахъ бакалавровъ. Въ столовую ходили вмѣстѣ. Проходитъ сентябрь и октябрь; рѣшенія о нашихъ ученыхъ степеняхъ и мѣстахъ нѣтъ; только около 10-го ноября мы перестали быть дармоѣдами въ Академіи.

Принили наши дѣла, какъ тогда выражались. Я остался *младшимъ кандидатомъ богословія*... Моя степень *старшаго кандидата* и мѣсто смотрительское въ Орлѣ отданы новому монаху, который постоянно шелъ въ числѣ послѣднихъ студентовъ. По

1) См. Кіев. Стар. 1906 г. № 10.

отъѣздъ моемъ домой, онъ постриженъ въ монахи; это—пьяница забылъ я его фамилію. Богъ съ нимъ! онъ скоро потерялъ должность и умеръ ¹⁾—Что мнѣ оставалось дѣлать? итти учителемъ въ Орловское училище? Мѣсто было; но это казалось мнѣ послѣднимъ несчастіемъ: для чего же я былъ 4 года въ академіи? Одинъ изъ товарищей моихъ по семинаріи *Скурыдинъ*, и не бывъ въ академіи, уже занималъ тогда мѣсто смотрителя училищъ въ Сѣвскѣ. Что было дѣлать? Оставалась одна надежда—поступить учителемъ въ уѣздное училище въ ближайшей къ Орлу губерніи, и послѣ, черезъ Амфитеатрова и Іеремію, промышлять себѣ профессорское мѣсто. Тогда въ епархіальное вѣдомство не поступали. Назначеніемъ академіи главнымъ было приготовленіе учителей и профессоровъ. Притомъ епархіальные начальники почему-то не долюбливали воспитанниковъ академіи, а иногда и явно преслѣдовали ихъ. Но надежда изъ учителей уѣзднаго училища перешагнуть въ профессора семинаріи была слишкомъ несбыточа. Воспитанники *третьяго* академическаго курса *Яцинь* и *Малыревскій* уже 4 года учительствовали въ училищѣ ²⁾.

Но вдругъ моя участь рѣшилась... Въ одно утро призываетъ меня Иннокентій и говоритъ: „Ты отправляешься въ Херсонъ—Смотрителемъ училищъ, настоятелемъ собора, первоприсутствующимъ въ Духовномъ Правленіи.“—„Мое мѣсто смотрительское въ Орлѣ, какъ Вы...“,—началь было я.—„Свѣтскому тамъ не прилично быть“, прервалъ меня Иннокентій.—„а священническаго мѣста нѣтъ; туда нуженъ монахъ. Училище тамъ въ архіерейскомъ монастырѣ, тебѣ тамъ нѣтъ мѣста.“—„Херсонскій архіерей требуетъ, какъ я слышалъ, кого-либо изъ профессоровъ Академіи, бакалавровъ или по крайпей мѣрѣ магистровъ,“—возразилъ я,—а я—кандидатъ и при томъ младшій.“—„На что тебѣ эта степень? Ты будешь протоіереемъ. Архіерея въ Херсонѣ нѣтъ, онъ въ Екатеринославѣ; ты тамъ будешь вмѣсто его. Ступай,—я самъ буду писать къ архіерею.“—Я поклонился, поцѣло-

¹⁾ Это былъ, по всей вѣроятности, *Алексій Никитичъ Тихоміровъ*, принявшій монашество съ именемъ *Амвросія*. Онъ послѣ переведенъ былъ учителемъ Волынской Д. Семинаріи, въ каковой должности и скончался 28 ноября 1836 г.—Л. М.

²⁾ *Іокинъ Петръ Яцинь* былъ воспит. 2-го курса Кіевской академіи (вып. 1825 г.), а *Василій Петръ Малыревскій*—восп. 3-го курса—вып. 1827 г. Оба а—куряне и оба перешли потомъ на службу въ Одессу: *Яцинь*—священникомъ, а *Малыревскій*—секретаремъ духовной консисторіи, и оба пострадали по одному браковладному дѣлу... Л. М.

валь благословляющую руку и слезы навернулись у меня на глазахъ. Эти слезы были приняты ректоромъ за слезы радости, а онѣ были слезами безвыходнаго положенія и горя. Отъ ректора я не пошелъ въ номера, къ товарищамъ, а бросился въ ворота Братскаго монастыря и долго оплакивалъ судьбу свою на берегу Днѣпра. Что теперь будетъ съ родителями, что съ матерью, которая съ нетерпѣніемъ ожидаетъ меня, прінскивая невѣсту?...—думалъ я.—Успокоившись сколько-нибудь, я хотѣлъ обстоятельно узнать о херсонскомъ мѣстѣ.

И прежде между студентами и бакалаврами шли толки о херсонскомъ мѣстѣ. Но бакалавры, гордясь своимъ положеніемъ, не хотѣли мѣнять фрака на расу. Новые магистры не хотѣли профессорскихъ мѣстъ своихъ мѣнять на смотрительское. Я пошелъ въ Академическое Правленіе. Тамъ прочли мнѣ отношеніе архіепископа Гавріила ¹⁾ Архіепископъ пишетъ, что не находя въ трехъ губерніяхъ своей епархіи достойныхъ занять мѣсто смотрителя училищъ, протоіерея собора и перво-присутствующаго въ духовномъ правленіи въ г. Херсонѣ, проситъ предложить эти мѣста профессорамъ академіи, бакалаврамъ и въ крайнемъ случаѣ—магистрамъ, окончившимъ курсъ въ 1831 году—съ непремѣнною обязанностию немедленно принять духовный санъ.—Возвратился я къ товарищамъ, объявилъ имъ о своей судьбѣ; не было поздравленій. Обратился я къ Екатеринославскому студенту Лонгинову, не знаетъ ли онъ чего о Херсонскомъ училищѣ и соборѣ. Онъ ничего не зналъ, а говорилъ только, что этотъ городъ на краю моря—при устьѣ Днѣпра; что съ юга привозятъ виноградъ; что городъ богатый, страна роскошная: такъ-то студенты академіи знали въ то время географію и статистику!—Я зналъ о Херсонѣ, какъ странѣ ссылки и какъ убѣжищѣ бродягъ. Мой двоюродный братъ *Николай*, сынъ тетки *Марьи*, бывшей за магистратскимъ чиновникомъ въ Мценскѣ, бѣжалъ въ Херсонъ, а послѣ очутился въ Одессѣ. По его рассказамъ женился, имѣлъ каменный домъ. По требованію матери, прослышавшей о его пребываніи, возвращенъ былъ въ Мценскъ по пересылкѣ. Онъ опять бѣжалъ; узнавъ Мценскими богомольцами въ Кіевской Лаврѣ. Мать собралась взять его изъ Кіева. Но только-что по пути зашла въ наше село и отслужила

1) Это былъ преосвящ. *Гавріилъ Розановъ*—тотъ самый, который былъ въ Орлѣ и котораго авторъ сихъ записокъ раньше описывалъ... судьба опять сводила ихъ вмѣстѣ... Л. М.

на путь молебень, какъ бѣглець явился къ церкви и съ певѣстою. Мать упала въ обморокъ. Послѣ—мать и мои родители уговорили его отпустить дѣвицу, которую онъ увезъ, обратно въ Кіевъ—къ ея родителямъ. Провожая ее, Николай отдалъ ей всѣ деньги, какія приобрѣлъ, служа письмоводителемъ въ Лаврѣ. Мать его отправлялась таки въ Кіевъ, а онъ, до возвращенія ея, жилъ у моего отца и тутъ-то познакомилъ мое семейство съ южными краемъ, а отъ семейства слышалъ кой-что и я. Это было еще въ 1819 году.

Теперь нужна была мнѣ невѣста. У меня была уже наготовѣ Мѣдинцева. Прежде мнѣ напоминали объ ней въ шутку; теперь я объявилъ Максимовичу и Спасскому рѣшительное намѣреніе жениться на ней, и просилъ Максимовича что-нибудь обстоятельнѣе узнать объ ней.—„Да вотъ Лаврентій Егоровичъ спросить брата своего Іоакима Егоровича, священника Притиско-Николаевской церкви. Она его прихожанка и домъ ея вблизи его.“¹⁾ Лаврентій приноситъ извѣстіе, что Мѣдинцевой только 15 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Не вѣрю. Умоляю Максимовича справиться покороче,—и горе! Максимовичъ принесъ даже справку изъ метрическихъ книгъ, добытую имъ черезъ діакона Николаевской церкви! Недоставало до совершеннолѣтія полгода и нѣсколькихъ дней. А тогда только-что вышелъ строжайшій указъ—не вѣнчать не достигшихъ 16 лѣтъ даже и однимъ днемъ. Это обстоятельство совершенно убilo меня.—Была еще одна хорошая дѣвица—*Саша Яворская*, дочь священника, домъ котораго тутъ же на Подолѣ. Я часто видѣлъ ее въ ея палисадникѣ; но послѣ Мѣдинцевой она была только сносною; притомъ и она оказалась не достигшею двухъ или трехъ мѣсяцевъ до совершеннолѣтія.

Написалъ я письмо домой. Признался въ неудачѣ относительно невѣсты. Старался утѣшить мать. Но она не перенесла разрушенія своей мечты. Они считали, что я посланъ въ ссылку. Стала болѣть...

Стали мы собираться въ дорогу. Получили на обзаведеніе по 100 рублей. Выдали намъ прогоны, въ которыхъ я самъ себя обсчиталъ, потому что самъ высчитывалъ по дорожнику и ошиб-

¹⁾ *Іоакимъ Егор. Орловъ*, магистръ 3-го курса С.-Петербургской Д. Академіи (вып. 1819 г.), былъ профессоромъ Кіевской академіи и вмѣстѣ настоятелемъ Притиско-Николаевской церкви на Подолѣ. Его родной братъ, *Лаврентій Егор. Орловъ*, товарищъ по академіи автора сихъ записокъ, служилъ послѣ по духовному вѣдомству въ г. Каменецъ-Подольскомъ.

ся рублей на 20; при томъ мнѣ выдали ихъ не до Херсона, а кажется только до Екатеринослава. Въ Екатеринославѣ назначено было изъ моихъ товарищей трое: *Лонгиновъ*—профессоромъ семинаріи, *Иванюкскій* и *Литинскій*—учителями въ духовное училище. Подъ моимъ начальствомъ въ Херсонѣ пожелалъ служить тоже одинъ изъ моихъ товарищей—*Софроновичъ*. Ъхалъ-ли съ нами, или особо этотъ Сафроновичъ,—не помню. Кажется, онъ прямо поѣхалъ въ Херсонъ. А мнѣ непременно надобно было заѣхать въ Екатеринославъ—представиться семинарскому начальству и архіерею и принятіемъ присяги облечься въ званіе смотрителя училищъ. Простившись за пуншикомъ съ товарищами, я отправился вмѣстѣ съ екатеринославскими на жидкъ.

Холоду большого не было. Ъхали весело. Только я былъ мраченъ. Сопутники вздумали эксплуатировать мое положеніе: такъ, ни съ того—ни съ сего заѣхали въ Переяславскую семинарію. Тамъ рекомендовали меня, какъ смотрителя и будущаго протоіеря собора. Это обстоятельство открыло имъ пріемъ женатыхъ профессоровъ, у которыхъ жили дѣвицы родственницы, и пунши. Но я былъ мраченъ и, чувствуя отчего-то боль въ груди, жаловался на здоровье и откровенно говорилъ, что я не пріиму духовнаго сана и останусь только смотрителемъ. Но мнѣ не вѣрили, потому что я былъ лицомъ полный и краснощекій; огромные бакеносники... Затѣмъ по дорогѣ спутники заволокли меня въ *Крюковъ*—къ старому протоіерею; у него было двѣ дѣвицы, давно переросшья,—и тутъ тоже дали знать о моемъ назначеніи и о необходимости для меня жениться.—Пришлось намъ шабашевать въ мѣстечкѣ *Заверталовкѣ*, верстѣ 15 не доѣзжая до села—родины Лонгинова¹⁾; Лонгиновъ нанялъ подводу и приглашалъ всѣхъ къ себѣ. Я не поѣхалъ подъ предлогомъ необходимости остаться кому нибудь для охраненія багажа. На другой день пошелъ я на базарчикъ и изумился дешевизнѣ птицы. Я сначала купилъ битую утку за семь копѣекъ мѣдью, потомъ навязываютъ мнѣ битую индюшку за 10 коп.,—

¹⁾ *Шабашевать*—пришлось потому, что подводчикомъ былъ еврей, непременно соблюдавшій покой *субботы* и низачто не рѣшавшійся ѣхать дальше въ субботу. Это *шабашеванье* вмѣстѣ съ подводчикомъ—евреемъ—вещь хорошо знакомая людямъ старого времени, когда совершалось путешествіе большею частію на такъ называемыхъ *жидовскихъ балагулахъ*. Вотъ на такой-то балагулѣ, какъ выразился выше нашъ авторъ, на *жидкъ*, и ѣхали наши спутники въ Екатеринославъ.—Л. М.

купилъ и ее. Думаю, вотъ угрожу товарищамъ, и велѣлъ сжарить обѣ птицы. Когда на другой день приѣхалъ я къ Лонгиновымъ, я засталъ тамъ пиръ горой, а птицы столько нажарено было, что кажется, тремъ семействамъ на три дня стало бы. Священница, вдова Лонгинова, такъ рада была приѣзду сына и поступленію его въ Екатеринославъ на службу, что изъ села собрала всѣхъ старухъ и дѣлилась съ ними своею радостію. Послѣ жирнаго обѣда у Лонгиновой, пошли старухи водить насъ по селу. У той—водочка, у другой—закусочка, а у иной—цѣлый обѣдъ. Къ полдню мнѣ сдѣлалось не-хорошо. Я почувствовалъ лихорадочное состояніе; почему, когда другіе сидѣли за столомъ, а я на печкѣ; но меня никакъ не отпускали отъ себя. День потеряли въ хожденіи по гостямъ. У покойнаго Лонгинова изба была свѣтлая, довольно просторная, но полъ глиняный. Всѣмъ была постель на полу, а я вообразился на печь, гдѣ, вспотивъ, я совершенно поправился въ здоровьи.

На другой день подѣхали мы къ Екатеринославу. Но нужно было переѣзжать Днѣпръ паромомъ, а по рѣкѣ шелъ ледъ. Паромишка—дрянной, скопилось на немъ подводъ много. На всякій несчастный случай я приготовлялся спастись въ плавы: для чего скинулъ шинель и ваточный плафортъ; остался въ одномъ сюртукѣ. Какъ я не простудился тогда!

Въ Екатеринославѣ мы размѣстились по квартирамъ профессоровъ и учителей училища. Я съ кѣмъ-то остановился у учителя *Петрова*, кандидата богословія, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ кончилъ курсъ 32-хъ лѣтъ; до 19 лѣтъ не зналъ грамоты, выучился ей въ кабацѣ, будучи тамъ подносчикомъ. Человѣкъ добрый ¹⁾. У него тогда проживалъ отставной профессоръ, имѣвшій несчастье запивать. Онъ составилъ по Карамзину учебникъ по русской исторіи. Я читалъ рукопись и изумился изъ ней краткости, живости изложенія и полнотѣ, но авторъ не имѣлъ ни гроша, чтобы отправиться на родину.—Тутъ я узналъ, что мѣстные воспитанники академіи, служившіе при семинаріи и училищѣ, подавали прошеніе на Херсонское смотрительство, и въ томъ числѣ Петровъ. Но Гавріиль всѣмъ отказалъ.

Тогда духовныя училища непосредственно зависѣли отъ семинаріи въ учебномъ и экономическомъ отношеніи; почему на

¹⁾ *Алексѣй Діонисіевичъ Петровъ*, младшій кандидатъ Кіевской а. академіи 3-го курса (выпуска 1827 г.), былъ родомъ изъ Курской губерніи.

другой день я явился къ ректору семинаріи архимандриту *Іакову Вечеркову*, прежде извѣстному мѣ по Орловской семинаріи ¹⁾; затѣмъ къ инспектору *Кутузову*. Наконецъ явился къ архіерею Гавріилу съ обычнымъ трепетомъ и ужасомъ; не помню подробностей этого моего представленія; должно быть—и принять былъ безъ особенныхъ приключеній. Въ тотъ же день я увидѣлся съ землякомъ своимъ профессоромъ семинаріи *Павломъ Ивановичемъ Данковымъ*, котораго я видѣлъ въ Орловской семинаріи и въ академіи, когда онъ цѣлую треть ожидалъ мѣста. Онъ былъ *третьяго курса* Кіевской академіи. Не помню, онъ ли первый пришелъ ко мнѣ, или я къ нему, но хорошо помню, что я скоро перенесся къ нему на квартиру. Онъ былъ уже женатъ на дочери умершаго Кафедральнаго протоіерея *Станиславскаго* и жилъ въ домѣ его ²⁾. Онъ женился на младшей дочери *Анни Иванов-*

1) Архим. *Іаковъ Вечерковъ* былъ раньше инспекторомъ Орловской д. семинаріи, когда она находилась еще въ г. Сѣвскѣ. О немъ, какъ объ инспекторѣ, говорилъ нашъ авторъ выше въ своихъ запискахъ, но допустилъ хронологическую погрѣшность, представляя дѣло такъ, что будтобы *Іаковъ* поступилъ инспекторомъ въ Сѣвскъ послѣ инспектора *Степана Левицкаго*, окончившаго жизнь свою столь печальнымъ образомъ. А между тѣмъ *Іаковъ* былъ инспекторомъ Сѣвской семинаріи *прежде* Левицкаго, поступившаго на эту должность непосредственно уже послѣ *Іакова*—*Іаковъ* окончилъ курсъ С.-Петерб. д. академіи въ 1819 г. и былъ назначенъ въ тотъ же годъ въ г. Сѣвскъ инспекторомъ семинаріи и профессоромъ въ ней церковной исторіи и еврейскаго языка. Въ 1820 г. онъ принялъ монашество (въ Сѣвскѣ онъ пріѣхалъ еще въ свѣтскомъ званіи—съ именемъ *Іосифа*) и опредѣленъ былъ, кромѣ инспекторства въ семинаріи, еще ректоромъ Сѣвскихъ духовныхъ училищъ. Въ 1823 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ семинаріи въ г. Екатеринославѣ, а его мѣсто въ Сѣвскѣ занялъ *Степанъ Левицкій*, который именно въ *этомъ 1823 г.* окончилъ курсъ С.-Петербургской д. академіи и потому, конечно, не могъ служить въ Сѣвскѣ раньше *Іакова Вечеркова*.—Нашъ авторъ допустилъ эту погрѣшность—потому, что писалъ свои записки въ глубокой старости и не могъ всего помнить въ точности. Но мы раньше не замѣтили этой ошибки и не исправили ея потому, что не имѣли подъ руками *послужнаго списка* *Іакова Вечеркова*. А теперь мы добыли этотъ списокъ.—Л. М.

2) Кафедральный протоіерей Екатеринославскаго Успенскаго Собора, *Іоаннъ Іоанновичъ Станиславскій*, скончался въ 1827 г. на 67 году жизни своей. Съ 1783 г. по 1791 г.—онъ былъ учителемъ поэзіи и риторики въ епархіальной семинаріи Екатеринославской епархіи, которая (семинарія), какъ извѣстно, сначала помѣщалась въ г. Полтавѣ и въ которой учился знаменитый начинатель новой Украинской литературы *Іванъ Петровичъ Котляревскій*. Его-то и училъ поэзіи и риторикѣ учитель Станиславскій—Въ 1791 г. апрѣля 17-го Станиславскій произведенъ въ протоіерея къ соборной церкви—въ *Новые Кайдаци* (предмѣстье Екатеринослава); въ 1796 г. переведенъ въ Екатеринославъ къ соборной Успенской церкви; въ 1801 г. былъ посланъ въ Москву на коронацію депутатомъ отъ Екатериносл. епархіи; съ 1817 г. былъ кафедральнымъ протопопомъ—въ г. Екатеринославѣ.—Л. М.

нѣ, по оставалась старшая, *Варвара Ивановна*, которая жила съ сестрою пока нераздѣльно.

На третій день я присягнулъ на должность въ правленіи семинаріи. Это было деревянное зданіе, окна побитыя и залатанныя; была ли печка въ немъ, не могу сказать,—только оно было нетопленное. Флигелекъ ректора былъ не лучше старинной сѣвской квартиры его; въ немъ едвали было больше трехъ маленькихъ комнатокъ.

На 4-й день узнаю, что инспекторъ Кутузовъ—свойкъ Павла Ивановича: женатъ на средней дочери протоіерея Станиславскаго. Другая средняя была за учителемъ гимназіи, а старшая—за казначеемъ.

Когда я жилъ у Павла Ивановича, Варвары Ивановны не было дома. Спальня ея была заперта. Она жила у сестры своей, Кутузовой. Но вотъ насталь постъ; чрезъ нѣсколько дней я былъ приглашенъ къ инспектору на именинный вечеръ. Тамъ были архіерей, ректоръ и многіе учащіе. Тамъ мнѣ Павелъ Ивановичъ указаль сестру жены своей—*Варвару Ивановну*. Сначала показалась мнѣ она приличною и здоровою, но она вела себя не совсемъ скромно. Сидя въ гостинной маленькой, она слишкомъ громко хохотала и заглушала рѣчь архіерея. Я съ ней ничего не говорилъ. Но когда на другой день явилась она домой, я ей отрекомендовался, нашель ее скромною и приличною. Каждый день за чаемъ и обѣдомъ я наблюдалъ ея характеръ.

Живя въ квартирѣ Павла Ивановича, я на сторонѣ разспрашивалъ и разыскивалъ невѣсть. Я видѣлъ дочь кафедральнаго протоіерея *Моторного*—*Манюньку*. Это была полвенькая, свѣженькая дѣвица, по ей было не больше 13 или 14 лѣтъ. О дочери *Дьяковскаго*, протоіерея, служившаго въ церкви при суконной казенной фабрикѣ, говорили, что и она еще несовершеннолѣтняя. Былъ я у протоіерея *Мартинова*, совершенно мнѣ не знакомаго, и просилъ совѣта: что мнѣ дѣлать въ моемъ положеніи?—„Чтобы не утерять мѣста, надобно скорѣе жениться“,—сказаль онъ.—„Да вотъ невѣсты все несовершеннолѣтнія“,—говорилъ я.—„Узнавъ, что мнѣ уже скоро 27 лѣтъ и что невѣста подъ руками, но не совсемъ правится, т. е. не чувствую къ ней любви, онъ сказаль: „Да кто женится по любви? Послѣ сдѣлываются и привыкають другъ къ другу. Женитесь на той, какую Богъ посылаетъ“.

И такъ я предложиль Варварѣ Ивановнѣ свое желаніе—желаніе жениться на ней, но не скрылъ отъ нея своей грудной

болѣзни,—и получилъ согласіе. Романа у насъ не было. Совѣтоваться не съ кѣмъ. Отца и матери нѣтъ у нея, мон—далеко... Сами согласились и сами объявили всѣмъ о своемъ рѣшеніи—и роднымъ, и чужимъ.—Черезъ нѣсколько дней собрались родные моей невѣсты и поздравили насъ фѣрмально; не помню, было ли обрученіе, или какой-либо обрядъ, но я получилъ кольцо, а своего не могъ дать, потому что не имѣлъ. Тутъ я познакомился со всѣми родными невѣсты своей; то были: 1) старшая сестра ея *Елена Ивановна* и мужъ ея *Корній Ѳомищъ Шамраевскій*, губерпскій казначей, люди почтенные; 2) средняя сестра—*Марья Ивановна* и мужъ ея *Романъ Николаевичъ Кутузовъ*, магистръ 2-го курса с.-петербургской духовной академіи, инспекторъ семинаріи и смотритель духовныхъ училищъ, предметъ зависти для служащихъ въ семинаріи и училищъ и сплетень для студентовъ академіи, поступающихъ изъ Екатеринослава. Человѣкъ высокій ростомъ и тучный, строгій къ подчиненнымъ, но самъ по себѣ добрый ¹⁾. 3) Другая средняя сестра *Наталья Ивановна*, бывшая прежде за секретаремъ приказа общественнаго призрѣнія и только-что вышедшая вновь за учителя гимназіи *Аристарха Матвѣевича Черкасова*, имѣвшаго отъ первой жены двухъ прелестныхъ малютокъ 5 и 8-хъ лѣтъ—дѣвчушекъ, которыми я любовался, особенно послѣднюю, напоминавшую мнѣ мою кievскую невѣсту. 4) Меньшая сестра *Анна Ивановна* за извѣстнымъ уже намъ *Павломъ Ивановичемъ Данковымъ*, учителемъ и эконономъ семинаріи. Она отличалась отъ всѣхъ хорошимъ голосомъ и умѣньемъ пѣть; ростомъ высокая, носъ острый и длинный, глаза продолговатые и красивые.—Наталья Ивановна была худощавая и беззубая. Марья Ивановна—желтая съ впалыми глазами.—Худощавая и беззубая всѣхъ пережила и доселѣ (1877 г.) здравствуетъ.—О приданномъ не было толку. Отецъ, похоронивши жену, сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ предоставлялъ не вышедшимъ замужъ Варварѣ и Аннѣ изъ всего имущества по двойной части. Духовное завѣщаніе было домашнее и безъ свидѣтелей; но оно принято было родными безспорно. Все это открылось мнѣ постѣ зарученья. Но мною овладѣла такая апатія, что я относился къ этому дѣлу, какъ бы оно до меня не касалось.

¹⁾ *Романъ Николаевичъ Кутузовъ* былъ родомъ изъ Петербургской губерніи. Въ Екатеринославѣ онъ славился, какъ прекрасный преподаватель философіи — Л. М.

Я рвался на должность, но меня задерживали и не безъ причины. Предмѣстникъ мой въ Херсонѣ, протоіерей и кандидатъ *Наумовъ*, страдалъ чахоткою ¹⁾. Дураки медики посовѣтовали ему Евпаторійскія грязи. Денегъ не было. Онъ, дождавшись іюля, получилъ изъ казначейства окладъ на содержаніе училища во второй годовиный года. Въмѣсто того, чтобы вложить деньги въ кассу, хранившуюся, по тогдашнему порядку, въ церковномъ сундукѣ Херсонскаго собора, онъ взялъ ихъ съ собою. Инспекторъ Херсонскаго училища кандидатъ богословія *Осипъ Никифоровичъ Михайловскій* ²⁾, по закову вмѣстѣ съ смотрителемъ завѣдывавшій суммами, не могъ предотвратить поступка смотрителя Наумова. Онъ подписалъ бумагу въ казначейство, но когда пришелъ къ смотрителю, чтобы вложить деньги въ кассу,—его уже не было въ Херсонѣ. Но не предвидя смерти смотрителя,—*Михайловскій* не доносилъ о поступкѣ его правленію семинаріи. И вотъ всю вину свалили на Михайловскаго. Должность смотрителя была временно поручена не ему, а старшему учителю *Турчановскому*, священнику собора. Деньги, конечно, смотритель не все растратилъ, но безсовѣстная жена его припрятала и успѣшила распродать все имущество мужа. Послѣ, имѣя двухъ дѣтей, вышла замужъ за товарища моего, кандидата *Семена Иларіон. Липинскаго*, человѣка въ высшей степени легкомысленнаго и безалабернаго.

Въ половинѣ декабря 1831 года я отправился въ Херсонъ. У меня были деньги; но какъ я въ разграбленномъ училищѣ долженъ былъ жить безъ жалованья, то не отказался отъ своей невѣсты принять 42 р. на случай.—Ѣхалъ я на почтовыхъ всю дорогу благополучно; только, въѣхавъ въ Херсонъ и проѣжая мимо собора, опрокинулся. Сани наскочили на камень. Что это? Не предзнаменованіе ли чего худаго? Но тотчасъ самъ я устыдился своей мысли.—Первую ночь, кажется, провелъ я у *Турчановскаго*. На другой день ходилъ по классамъ, познакомился съ учителями. Ученіе шло по Уставу. Учители служили безъ жалованья и Богъ въсть чѣмъ жили; но какъ увѣрялъ *Турчановскій*, классовъ не опускали. Съ прибытіемъ моимъ они ожидали

¹⁾ Протоіерей *Стефанъ Наумовъ*, бывшій смотрителемъ Херсонскаго д. училища, былъ воспитанникъ втораго курса С.-Петербургской д. академіи (выпуска 1817 г.).

²⁾ *Осипъ Никиф. Михайловскій*—былъ воспитанникъ третьяго курса Кіевской д. академіи [выпуска 1827 г.], а родомъ изъ Харьковской губ.

какой-нибудь милости отъ начальства; думали, что правленіе семинаріи психопотало новую ассигновку суммъ въ замѣнъ потеряннихъ. Не тутъ-то было. Я пріѣхалъ только раздѣлить ихъ бѣдствіе. Въ рапортѣ о бѣдственномъ состояніи училища я донесъ о примѣрномъ усердіи учителей и хорошихъ успѣхахъ учениковъ. Показавъ всѣмъ такой рапортъ, я старался хоть сколько-нибудь ободрить несчастныхъ...

Училище не имѣло своего собственнаго помѣщенія. Оно занимало флигель, принадлежавшій греческой церкви и нанимавшійся за 100 рублей. На наемъ употреблялась та сумма, которая отпускалась на содержаніе училища, на отопленіе, служителей и канцелярскіе расходы. Я склонялъ грековъ пожертвовать зданіе училищу; ихъ было семействъ шесть; но согласить ихъ трудно было. Они указали мнѣ на Корсунское подворье, которое легко можетъ быть пожертвовано богатымъ монастыремъ. Осмотрѣвъ двухъ-этажное зданіе этого подворья и мѣсто его, я нашелъ возможнымъ приспособить его къ училищу, если изъ зданія вынести никому не нужную домовую церковь, и только что распустилъ училище на Рождественскіе праздники, бросился въ Корсунскій монастырь собрать свѣдѣнія о подворьи и о возможности даромъ приобрести его для училища. За день до Рождества вечеромъ я прибылъ туда и остановился въ монастырской гостинницѣ. Въ гостинницѣ никого кромѣ меня не было, а между тѣмъ всѣ комнаты были отоплены и готовы были принять множество посѣтителей. Гостинница была за оградой монастыря. Мнѣ доставлено было все нужное. Утромъ часовъ въ 8 я былъ у настоятеля игумена *Тихона*. Это—простецъ, но благочестивый человѣкъ. Какъ великороссъ, я ему понравился. Онъ до того былъ со мною откровененъ, что разсказалъ мнѣ всю свою жизнь. Это былъ бѣлевскій или московскій купецъ—раскольникъ, очень богатый и имѣлъ большое семейство; но въ одну ночь лишился всего. Домъ, капиталъ и все семейство сгорѣли. Дворъ былъ кольцомъ, вымощенный досками, домъ—посреди двора. Пожаръ начался съ воротъ. Горѣли не только окружающіе домъ амбары, сараи, но въ самое жаркое время лѣта горѣла и самая земля во дворѣ. Его дома не было. Когда возвратился домой, ничего изъ имущества и никого изъ семейства не было! дочь съ зятемъ нашла обгорѣлыми въ сгорѣвшей банѣ; жену—въ ледникѣ, заваленную пепломъ въ сидячемъ положеніи и обхватившую дѣтей. Это заставило его бросить міръ и поселиться въ монастырѣ, который изъ раскольничьяго скоро сдѣлался единовѣрческимъ.—

Игуменъ не могъ подробно разсказать исторію монастыря. Но у меня, въ теченіе 7-лѣтней жизни моей въ Херсонѣ, на основаніи разсказовъ многихъ тогдашнихъ знатоковъ края, составилось такое понятіе о Корсунскомъ монастырѣ. Когда гнѣздо Крымскихъ разбойниковъ было разорено и Таврическій край вошелъ въ часть Россіи,—раскольничьи монахи искали въ немъ пріюта и основали скитъ; за ними шли другіе и вслѣдъ ихъ изъ всей Россіи текли пожертвованія, на которыя построенъ вмѣсто Скита монастырь съ церковію, келліями и обширною каменною оградю. Потемкинъ надѣлилъ монастырь огромнымъ количествомъ земли, въ составъ которой вошли и соленныя озера. Последнія скоро были отобраны въ вѣдомство казны за 40 тысячъ р. ассигнаціями ежегодной аренды въ пользу монастыря.—Корсунскій монастырь, по времени построенія, не много старше *Бизюкова монастыря*, и онъ былъ, вѣроятно, надѣленъ отъ Потемкина такимъ-же количествомъ земли, какъ и Бизюковъ. Но къ нему присоединился помѣщикъ *Куликовскій*. Корсунцы, какъ и Бизюковцы, не могли наблюдать за предѣлами земли, заключавшейся въ нѣсколькихъ *десятикахъ тысячъ* десятинъ. Но у Бизюкова монастыря не было такихъ сосѣдей, какъ Куликовскій, и у него изъ 27 тысячъ десятинъ, благодаря сохранившемуся Потемкинскому документу, осталось по крайней мѣрѣ 24 тысячи десят. А. Корсунскій, во время моего пребыванія въ немъ, имѣлъ уже только тысячъ до 8 десятинъ. Бизюковъ отдавалъ тогда свои земли одному турку или турецко-подданному татарину за 600 р. с. А Корсунскій держалъ на своей землѣ воловъ отличнаго завода и ежегодно продавалъ ихъ до 200 штукъ.—Упомянутый Куликовскій похороненъ въ Корсунскомъ монастырѣ ¹⁾.

Дѣло о подворьи рѣшено менѣе, чѣмъ въ 10 минутъ. Игуменъ охотно жертвовалъ его подъ училище—тѣмъ болѣе, что въ церкви его служили не монахи, а безприходные священники; а для пріѣзда монаха или послушника за покупками игуменъ оставлялъ одинъ изъ многихъ флигельковъ на дворѣ подворья.

¹⁾ Въ описываемое авторомъ время оба монастыря—и *Корсунскій*, и *Бизюковъ*, принадлежали къ епархіи Екатеринославской, которая вмѣщала въ себя тогда и нынѣшнія Херсонскую и Таврическую епархіи. Затѣмъ, по раздѣленіи въ 1837 г. Екатеринославной епархіи на двѣ самостоятельныя епархіи,—оба монастыря отошли къ новообразовавшейся епархіи Херсонской и Таврической.—Въ 1861 г., при образованіи новой самостоятельной Таврической епархіи,—Корсунскій монастырь отошелъ къ ней,—а Бизюковъ остался въ Херсонской епархіи. Корсунскій монастырь находится вблизи города *Алешекъ*, Таврич. г., а Бизюковъ—вблизи г. *Берислава*, Херс. г.—Л. М.

Послѣ бесѣды съ игуменомъ, я съ нимъ пошелъ на часы. Часы подъ Рождество служились царскіе, по уставу. Церковь тогда была богатая серебромъ и золотомъ, иконами и утварью. Послѣ часовъ, простившись съ игуменомъ, я отправился въ обратный путь. Не доѣхавъ до Херсона 15 верстъ, я долженъ былъ переночевать въ селѣ *Тягинкѣ*—у священника. Священникъ былъ лѣтъ 50 и одинокъ. Тѣсный и бѣдный бытъ его поразилъ меня. Домъ его состоялъ изъ одной тѣсной и бѣдной хаты съ дворомъ, огороженнымъ навозомъ. Въ хатѣ была печь, столъ и около стола скамьи. Священникъ не имѣлъ чайнаго прибора. Я попросилъ хлѣба. Хлѣбъ былъ ни ржаной, ни пшеничный, а какой-то сѣрый и прѣсный. Попросилъ квашеной капусты; подано, но безъ масла; масла въ домѣ не было. Столъ былъ занятъ свиною тушею. Поставивъ блюдо деревянное на скамьѣ, я немного поѣлъ хлѣба съ капустой и просилъ женщину постлать мнѣ на полу соломы. Священникъ предлагалъ соединить двѣ скамьи, а самъ полѣзъ на печь. Полъ былъ глиняный и мокрый,—но сухая солома, молодость и не-извѣженность доставили мнѣ хорошій сонъ.—Впрочемъ—я много лучше жили и другіе сельскіе священники Херсонскаго уѣзда въ то время. Тогда и помѣшники, обладавшіе тысячею десятинъ, жили въ домахъ съ глиняными полами. Въдѣ это было въ 1831 г.

Проснувшись утромъ, я не видался съ священникомъ,—онъ! былъ въ утрени,—отправился въ путь и прибылъ въ Херсонъ къ 9 часамъ; но былъ ли я въ обѣднѣ, или нѣтъ,—не помню. Въ 12 часовъ дня, не помню—съ рекомендательнымъ ли письмомъ отъ кого-то изъ Екатеринослава, или только съ поклономъ, я былъ у вице-губернатора *Брюхачева*. Былъ принятъ ласково и оставленъ обѣдать; но предъ самымъ обѣдомъ пришло съ крестомъ духовенство—и я, сидя въ гостинной, былъ очевидцемъ, съ какими подозрительными улыбками и даже смѣхомъ относились къ посѣтителю, горланявшимъ въ залѣ праздничный тропарь и принимаемому хозяиномъ; даже въ выраженіи этого презрѣнія участвовали дѣти... Такъ и меня будутъ принимать,—подумалъ я. Но потомъ узналъ, что вице-губернаторша была католичка, а зятекъ ея, секретарь губернской канцеляріи—воспитанникъ Харьковскаго университета, имѣлъ не просвѣщенное, а развратное вліяніе на семейство. Объ немъ предстоитъ мнѣ еще говорить...

На новый годъ я былъ въ Соборѣ, стоялъ въ правомъ придѣлѣ. На мнѣ былъ фракъ и холодная шинельшка.—Когда куда

ѣхалъ, я сверху сюртука пододѣвалъ теплый шлафортъ и подпоясывалъ платкомъ. А тутъ я имѣлъ подѣ фракомъ двѣ рубашки и двое подштаниковъ. Служба шла соборнѣ. Первенствовали протоіерей *Базилевичъ*, лѣтъ 55-ти въ зеленой скуфѣ, которую награждать духовенство присвоилъ себѣ право Екатеринославскій Архіепископъ *Іовъ Потемкинъ*.—Базилевичъ—вдовецъ, человекъ скромный и бѣдный. На молебнѣ между городскимъ духовенствомъ первенствовалъ *Серединскій*, протоіерей привозной церкви. Онъ служилъ прежде въ военномъ духовенствѣ и имѣлъ кампавку. Все прочее духовенство городское было безъ отличій. Всѣ старались издали видѣть меня; но я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, кромѣ Турчановскаго.

Еще до Новаго года я трудился надъ приведеніемъ въ порядокъ Училищнаго Архива. Трудъ этотъ былъ не мой; но мнѣ совѣстно было требовать этого труда отъ Михайловскаго и Турчановскаго, которымъ не могъ сдавать дѣлъ покойный мой предмѣстникъ. Послѣ новаго года, когда была окончена мною эта работа, я остался безъ дѣла. Съ духовенствомъ я не хотѣлъ знакомиться, съ подчиненными я не хотѣлъ сближаться. Мною овладѣло сильное недовольство и невыносимая тоска. Зачѣмъ я поддался Иннокентію и забился въ такую даль; зачѣмъ не поѣхалъ учителемъ въ Орловское училище: пылица—монахъ современемъ уступилъ бы мнѣ мѣсто. Главное—я могъ бы болѣе осмотрѣться; жениться не по необходимости и не съ такою поспѣшностію... Не помню, писалъ ли я изъ Херсона что-нибудь моей невѣстѣ? Но въ воображеніи моемъ носились дѣвицы—все въ родѣ Мѣдинцевой. Можетъ быть, я не женился бы на мѣщанкѣ, дочери пьяницы. Но всеже я имѣлъ бы время избрать другую, ей подобную; по крайней мѣрѣ—похожую на моихъ Мценскихъ двоюродныхъ сестеръ. Въ сестрахъ моей невѣсты я замѣтилъ отвращеніе къ духовному званію: что—если и моя суженая такихъ же мыслей?—Въ такихъ мрачныхъ размышленіяхъ проходило, или, правильнѣе, тянулось все время—до паціатія ученія.

Послѣ Крещенія я познакомился, не помню какъ, съ протоіереемъ *Павловскимъ* и священникомъ *Дьяковскимъ*. Протоіерей Павловскій былъ 69 лѣтъ, вдовецъ, студентъ древней Екатеринославской Семинаріи¹⁾; служилъ сперва въ Никополѣ, малое

1) *Древняя* Екатеринославская семинарія — вотъ именно та, которая основана была въ г. Полтавѣ въ 1778 г. архіепископомъ *Евгеніемъ Булгаковимъ* и

время—въ Херсонскомъ Соборѣ; потомъ перемѣстился въ привозную церковь; простецъ, говорилъ чистымъ малороссійскимъ языкомъ. На него было донесено, что онъ повѣнчалъ дѣвицу, недостигшую 2 мѣсяцевъ до совершеннолѣтія. У дѣвки уже былъ годовой ребенокъ, а онъ все оставался подѣ запрещеніемъ. Дѣло велось въ консисторіи и еще не послѣдовало рѣшенія, а на его мѣсто опредѣленъ былъ протоіерей Серединскій. Такъ тогда дѣйствовала консисторія, а можетъ быть—архіерей. Впрочемъ старикъ переносилъ несчастье благодушно.—У него я познакомился съ священникомъ той же церкви *Андреемъ Дьяковскимъ*. Всякій разъ когда этотъ Дьяковскій отправлялся почему-либо въ Екатеринославъ, онъ бралъ съ собою св. тайны, муро, ризы и нужныя для церковныхъ требъ книги. Онъ ѣхалъ обыкновенно по кошарамъ и хуторамъ и—куда ни пріѣзжалъ, работы прекращались: однихъ онъ исповѣдывалъ, другихъ вѣнчалъ, надъ умершими и погребенными безъ священника совершалъ погребеніе, *печатавъ*—по тогдашнему выраженію, не вышедшему изъ употребленія и доселѣ. Инымъ служилъ панихиды, другимъ—молебны. Поѣздка эта не только ничего не стоила ему, но даже обогащала его. Его дарили телятами и лошадьми, и онъ оставлялъ ихъ у хуторянъ. Такъ, по дорогѣ въ Екатеринославъ у него считалось 13 лошадей на выпасѣ. Вотъ онъ-то доставилъ мнѣ средство даромъ возвратиться въ Екатеринославъ.—Выѣхалъ я на одной лошади Дьяковского, но по дорогѣ приобрѣтъ въ указанныхъ мѣстахъ еще двѣ.

19 января, получивши ассигновку на первую половину 1832 года, я, по предварительно исходатайствованному разрѣшенію, выдалъ учителямъ за мѣсяцъ жалованье. Остальныя деньги сложилъ въ кассу, хранившуюся въ Соборѣ, и поспѣшилъ выѣхать въ Екатеринославъ.

Не помню, чтобы дорогою я заѣзжалъ къ кому изъ духовенства. Не доѣзжая до Екатеринослава верстъ 20-ти, я признавалъ нужнымъ побриться. Зеркала не было, и едва мыла досталъ,—„Какъ же вы обходитесь безъ зеркала?“—спрашиваю

по имени епархіи называлась сначала *Славянскою*, а потомъ уже (съ 1787 г.) переименована въ *Екатеринославскую*. Въ Полтавѣ она была до 1797 г., а потомъ была перемѣщена въ г. *Новомігородъ* (нынѣ Херсонской губ.); и только въ 1803 г. перешла въ г. Екатеринославъ, гдѣ и существуетъ въ настоящее время. Вотъ въ этой-то древней Екатеринославской семинаріи, помѣщавшейся въ Полтавѣ, и учился нашъ *Николай Петровичъ Котляревскій*. — Л. М.

семейство дома, въ которомъ я остановился. „Ну—принцъ появится на лицѣ, царапина или грязное лятно—какъ его увидать безъ зеркальца?“—„А мы смотримъ въ воду на сковородѣ“,—отвѣчали мнѣ.—„Покажите мнѣ—какъ?“ попросилъ я.—Женщина налила на черную сковороду воды и подала мнѣ. Глянулъ,—все видно, не надо зеркала,—и благополучно обрился.

По прибытіи въ Екатеринославъ, я нашелъ свою невѣсту довольною моимъ прїѣздомъ, и она мнѣ стала нравиться лучше, чѣмъ прежде. Романъ Николаевичъ передалъ мнѣ хорошій отзывъ о первоначальной моей дѣятельности въ Херсонѣ. „Смотрите,—говорилъ онъ въ присутствіи многихъ,—недавно—изъ-за скамьи, а показалъ больше заботливости объ училищѣ, чѣмъ опытные его предшественники,—ѣздили въ Корсунскій монастырь и выпросилъ себѣ у игумена съ братією подворье для училища. Такой прыткой!“—Когда же я представился архіерею, онъ принялъ меня сухо и хотъ бы слово сказалъ о моихъ репортахъ къ нему какъ о состояніи училища, такъ и о аданіи, необходимомъ для него, а сказалъ только: „ну—скорѣй женись, да прошеніе объ опредѣленіи къ Собору“.

Я готовъ былъ къ вѣнцу хотъ въ тотъ же день, а тутъ сестры невѣсты стали готовить свадьбу. Дни были тяжелые для меня. Нѣтъ дѣла, да и вѣтъ ни одной книжки почитать. Кажется, семинарія не выписывала ни одного журнала. Я ни къ кому не ходилъ; до самой свадьбы не видался ни съ однимъ товарищемъ.

Разъ назвалъ меня *Теодоритъ* іеромонахъ, экономъ архіерейскаго дома, тотъ самый, который былъ экономъ и въ Орлѣ и строилъ тамъ семинарію. Это было вечеромъ; только-что поданъ былъ чай; пришелъ и домашній секретарь архіерея.—*Николаевскій*, кажется—тотъ же, что былъ и въ Орлѣ. Они со мною обходились, какъ съ землякомъ. За чаемъ, по тогдашнему обычаю, слѣдовали пунши. Они стали намекать на то, что если бы я, по прїѣздѣ изъ Академіи, прямо обратился къ нимъ, они бы со мной объѣздили всю епархію и достали бы лучшую невѣсту, и архіерей бы принялъ участіе. Я имъ напомнилъ участь орловскихъ красавицъ, и какъ 16-лѣтняя красавица, дочь кафедральнаго орловскаго, въ первый мѣсяцъ бѣжала съ офицеромъ. И старался склонить разговоръ на постройку орловской Семинарии, любимый предметъ Теодарита, на выгодное положеніе Орловскаго архіерейскаго дома почти-что въ самомъ городѣ и на множество церквей и семействъ духовныхъ, чѣмъ пробудить воспоминанія

Никеласяскаго. Послѣ третьяго пунша начались между ними откровенныя воспоминанія объ орловской жизни, потомъ споры, кто изъ нихъ больше служить видамъ архіерея и пользамъ архіерейскаго дома, наконецъ—ссоры. Между похвальбами они выбрехали всю секретную домашнюю жизнь архіерея, „Не я ли,—кричалъ Феодоритъ, досталъ Владыкѣ мальчика *Ваню Дрокова*? Вѣдь онъ теперь не дыхнетъ безъ него¹⁾. А ты только знаешь свои карманы набивать“. Эти откровенныя рѣчи и споры ведены были впрочемъ съ цѣлію показать мнѣ, что оба они—самыя ближайшія лица къ архіерею. Наконецъ они учили меня, какъ взять духовенство въ руки. Я не отставалъ отъ нихъ въ числѣ стакановъ пунша, но развратныя рѣчи ихъ постоянно вытверзывали меня—я видѣлъ, что архіерей—тотъ же, что былъ въ Орлѣ, нисколько не перемѣнилъ своего поведенія. Только въ обращеніи сталъ мягче, можетъ быть лукавѣй... Я видѣлъ, что мнѣ придется зависѣть отъ мерзавцевъ, окружающихъ его. Хмѣль падалъ мнѣ на грудь, и я возвратился на квартиру съ головою болью, и на утро почувствовалъ сильную тяжесть въ груди. Вечеромъ я признался невѣстѣ, что у меня и неперестаетъ боль въ груди и что я не надѣюсь долго жить. Я говорилъ это по искреннему убѣжденію. Я тогда не догадывался, что грудь больна собственно отъ полипкривіа.

Насталъ день вѣнчанья моего. Я рѣшился провести его въ постѣ, размышленіяхъ, молитвѣ,—и для того просилъ у Романа Николаевича кабинета. Кабинетъ въ его домѣ мнѣ уступленъ былъ. Здѣсь предался я размышленіямъ; молитвы не было на сердцѣ, но слезы навертывались на глазахъ. Спасибо,—никто не мѣшалъ мнѣ. Марья Ивановна собиралась на свадьбу, притирая желтое лице свое и наряжая куклами своихъ дѣтей. Саша и Коля вышли прелестныя дѣти, я очень любовался ими. Часовъ въ 5 пополудни, умывъ лице, я возвратился въ домъ невѣсты. Тамъ все было готово; но дѣло стало за каретою. Наконецъ прибыла карета съ крупною вдовою—Генеральшею. Хотя церковь

¹⁾ *Иванъ Дроковъ* былъ воспитанникъ архіеп. *Гавріила Розанова*, который впоследствии сдѣлалъ его своимъ келейникомъ и домашнимъ секретаремъ. Въ Одессѣ нѣкоторые старожилы изъ духовенства еще хорошо помнятъ любимца Гавріилова — *Ивана Дрокова*. Изъ Одессы онъ перешелъ съ Гавріиломъ и въ Тверь; но послѣ Гавріиль пристроилъ его на службу гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Гавріиль любилъ вообще воспитывать при себѣ сиротъ мальчишковъ и послѣ выводить ихъ въ люди. Л. М.

была черезъ дорогу и противъ воротъ, но, послѣ обычнаго благословенія, невѣсту усадили съ свахами въ карету; я поѣхалъ съ Данковымъ впередъ. Въначалъ протоіерей *Моторный*. Я не замѣчалъ, какъ невѣста старалась занести ногу за порогъ церкви перною,—я съ благоговѣніемъ принималъ таинство брака и рѣшился не отвергать обычая края, а покориться имъ. Посему я позволилъ привязать свою руку къ рукѣ невѣсты.—По окончаніи таинства и принятіи поадравленій отъ присутствовавшихъ,—я пошелъ съ женою въ экипажъ. Шляпы? Шляпы нѣтъ; сѣлъ въ карету и безъ шляпы. Встрѣча по обычаю съ иконою и хлѣбомъ съ солью. Кажется, мы не заняли перваго мѣста на диванѣ въ гостиной, а разсѣлась тамъ генеральша, доставившая карету. Послѣ чая, по обычаю—танцы; послѣ танцовъ—ужинъ. Я покорился всѣмъ требованіямъ обычая, подслащая гостей поцѣлуями своей жены. Но я не позволилъ, чтобы кто-либо сопровождалъ меня къ брачному ложу.—На свадьбѣ была одна хорошепѣкая дѣвица, бѣдная нѣмка *Вильгельмина*, и она тутъ нашла себѣ жениха въ лицѣ *Василія Алексѣевича Лонгинова* ¹⁾. Я любовался болѣе дѣтми Кутузовыми, Черкасовыми; были дѣвочка Моторная и Шамраевская. Я тогда ничего не желалъ, какъ чтобы у меня были такіа дѣти, какъ Кутузовы и Черкасовы.

На утро—въ 12 часовъ—свадебный обѣдъ. На третій день я и жена ѣздили къ архіерею съ свадебнымъ пирогомъ. Но недгадливые родственники не распорядились, чтобы ему поднести и материн па рясѣ, а онъ ожидалъ и этого, какъ можно было замѣтить. Впрочемъ приняты были довольно ласково.

На 4-й день я поѣхалъ къ архіерею съ прошеніемъ о посвященіи меня во священники къ Херсонской соборной церкви

¹⁾ *Василій Алекс. Лонгиновъ*, магистръ Кіевской д. академіи, товарищ по курсу автора сихъ *записокъ*. Онъ былъ назначенъ профессоромъ словесности въ Екатеринославскую семинарію и ѣхалъ изъ Кіева въ Екатеринославъ вмѣстѣ съ авторомъ, какъ объ этомъ послѣдній рассказывалъ выше. Впослѣдствіи онъ оставилъ духовно-учебное вѣдомство и перешелъ на свѣтскую службу въ Петербургъ, гдѣ въ Горномъ вѣдомствѣ министерства финансовъ дослужился высокихъ чиновъ и орденовъ. — Сынъ его *Аркадій Васильевичъ Лонгиновъ*, извѣстный современный русскій археологъ. Онъ живетъ теперь въ Одессѣ и занимаетъ мѣсто председателя департамента Одесской судебной палаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ дѣятельнѣйшимъ членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Рецензіи на историко-археологическія сочиненія Арк. Вас. Лонгинова помѣшались и въ *Кіевской Старинѣ* (такъ см. 1883 г. № 9 и 10; 1886 г. № 5). Въ настоящее время этотъ трудолюбивѣйшій русскій археологъ занятъ изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ остальныхъ вопросовъ о поэмѣ *слово о полку Игоревѣ* Л. М.

—на протоіерейскую вакансію. Я не подписался въ прошеніи *послушникомъ*; но это не годилось,—и меня остановили; я подписался *послушникомъ*. Тогда Николаевскій открылъ мнѣ, что Преосвященный очень не доволенъ былъ тѣмъ, что на репортѣ по дѣламъ училищнымъ я не подписался: *нижайшій послушникъ* — „Да! что будетъ съ дѣломъ о зданіи для училища?—, спросилъ я Николаевского—„Да едвали что,—отвѣчалъ онъ. „Владыка самъ начнетъ это дѣло когда—нибудъ. Онъ сказалъ „Ишь, безъ него не знали Корсунскаго подворья!“—Дѣло объ училищномъ зданіи такъ и брошено было.—Подворье существуетъ и доселѣ; тамъ служить священникъ, объѣдая и ограбляя соборный приходъ...

Оставалось до великаго поста двѣ недѣли. Мнѣ слѣдовало принять санъ діаконскій въ мясопустную недѣлю; но родственники хотѣли, чтобы я проводилъ масленицу еще свѣтскимъ, не въ рясѣ, которая была имъ противна, но въ куцой одеждѣ—фрактѣ, и черезъ Кутузова обдѣлалъ, что посвященіе мое въ діаконы отложено до недѣли сырной. Первая недѣля прошла въ жраньѣ и питьѣ, по очереди—то у той, то у другой сестры; а масленица сверхъ того и въ катаньи. Но послѣ вечеровъ оставался цѣлый день, который нечѣмъ было наполнить. Книгъ не было, занятій тоже. Мои мысли были заняты уже Херсонскимъ училищемъ; все думалъ я, что и какъ тамъ; писалъ къ Турчановскому, писалъ къ Софроновичу; отвѣта не было ни отъ того ни отъ другого. Душа просила дѣятельности.—Прошли тяжелыя двѣ недѣли. Въ недѣлю сырную я благоговѣнно принялъ санъ діаконскій, а въ первую недѣлю поста Пресвитерскій. Въ минуты посвященія я смотрѣлъ на Гавріила какъ на преемника апостольскаго служенія и какъ на орудіе Духа Святаго, и не помнилъ его человѣческихъ слабостей. Во время посвященія во священника я былъ переполненъ чувствами благоговѣнія къ дару священства, который принималъ, и едва удерживалъ слезы... Только тормошеніе при облаченіи охладило меня. И къ чему спѣшить? Эта поспѣшность показываетъ только пренебреженіе служащихъ къ священному дѣйствию, и уэкономливается не больше полъ-минуты времени. Торжественно и трогательно было для меня то священнодѣйствіе, когда, по совершеніи Таинъ тѣла и Крови Христовой, часть перваго вида архіерей вручилъ мнѣ—для того, чтобы и держалъ его въ рукахъ позади престола до времени причащенія. Архіерей говорилъ при этомъ: „Се Агнецъ Божій, вземляи грѣхи міра! прими залогъ сей и сохрани его до послѣдняго твоего

надыханіи!“—Эти слова послужили мнѣ содержаніемъ и рѣчи, которую я сказалъ архіерею, при выходѣ его изъ алтаря по окончаніи службы, стоя предъ амвономъ. Рѣчь была краткая, выражена была въ краткихъ изреченіяхъ и произнесена была съ чувствомъ. Въ ней я выразилъ важность залога, врученнаго мнѣ, обѣщалъ сохранить его до послѣднихъ минутъ надыханія и, признавая свою немощь, просилъ святительскихъ молитвъ. Голосъ мой громкій и разстроенный обратилъ вниманіе многихъ. Товарищи по академіи не узнавали меня, „Откуда сіе бысть?“, говорили они. Духовные говорили: „слишкомъ просто и далеко отъ правилъ церковнаго краснорѣчія.“ Мнѣніе архіерея осталось неизвѣстнымъ, но онъ не могъ не думать: „всего только кандидатъ, а не Баккалавръ, ни профессоръ академіи, котораго я желалъ бы имѣть въ своей епархіи“.

Возвратившись домой, я уже не цѣловалъ ручекъ у дамъ, поадравливавшихъ меня. Въ извиненіе говорилъ имъ: „теперь я не тотъ. что былъ: теперь не танцую и не могу цѣловать рукъ у васъ.“

Мнѣ назначено было служить не въ городѣ, а полторы версты за городомъ, въ церкви архіерейскаго дома. Прежде, какъ я былъ свѣтскимъ, то обыкновенно вѣзжалъ въ архіерейскій дворъ и подѣзжалъ къ самому дому, отстоящему отъ воротъ на 80 саженьей. Теперь экипажа моего во дворъ не пускаютъ, а требуютъ, чтобы я шелъ по двору пѣший. Покорился—пошелъ *тѣмъ*; на половинѣ двора подбѣгаютъ ко мнѣ и требуютъ, чтобы я шелъ безъ трости. Воротился, отдалъ трость кучеру. Думаю, потребуютъ еще, чтобы снялъ и верхнюю теплую шубу?—Нѣтъ, дозволили снять ее въ прихожей. Такъ я цѣлую недѣлю ѣздилъ на утрени, часы и вечерню. Спасибо за то, что послѣ этихъ Богослуженій не посылали въ комнаты архіерея за благословеніемъ. Но послѣ преждеосвященныхъ литургій я ходилъ и поклонялся въ ноги и принималъ благословеніе отъ архіерея. а въ субботу —и съ просфорой. Монахъ, слѣдившій за моимъ служеніемъ, не смотря на то, что я ни на іоту не отступалъ отъ устава, находилъ ошибки и безпрестанно тормозилъ меня, особенно на преждеосвященной литургіи и литургіи Златоустаго. Иеромонахъ этотъ не зналъ устава, а зналъ все по практикѣ. „Когда отверзается завѣса и когда царскія врата? Какъ бы мнѣ видѣть все это въ уставѣ, или въ Богослужебныхъ книгахъ?“—спросилъ я разъ у него.—„Что надо узнать изъ практики“,—отвѣчалъ онъ. Тоже онъ сказалъ о молебнѣ и панихидѣ и заставилъ меня списывать

активнѣи—и заздравныя и заупокойныя.—Какъ-то я заглянулъ на оглавленіе устава и нашелъ тамъ объ отверстіи церковной завѣсы; прочитавъ эту статью, —указываю ее монаху. Чтожь? Онъ обидѣлся.—Просилъ я богослужебныхъ книгъ для просмотра,—не далъ. Да на клиросѣ и не было ихъ, кромѣ *Трїоди постной, цвѣтной* и *большого псалтыря при часослова*. Ни *октоиха*, ни *мѣсячныхъ миней* въ церкви не было. Да я тогда не только не зналъ содержанія ихъ, но и не слышалъ объ ихъ существованіи. Такъ приготовляли меня къ священнической должности 16 лѣтъ!...

Монахъ худо отозвался о знаніи моемъ въ Богослуженіи и мнѣ назначена была другая педѣля. По 3-мъ воскресеньи мнѣ объявили, чтобы я бралъ священническую грамоту и хлопоталъ въ консисторіи объ указѣ на мѣсто. Священническая грамотка выята и въ ней прописано, что я посвященъ въ іерея къ Херсонской Соборной церкви на вакансію протоіерея. Архіерей сказалъ мнѣ: „Вотъ послужилъ,—произведемъ въ протоіереи.“—Я передалъ это домашнимъ; всѣ забудоражились. „Какъ? Ѣхать священникомъ и настоятелемъ къ церкви, при которой есть въ числѣ служащихъ протоіерей?! да протоіерейство можетъ быть отложено въ долгій ящикъ!... Такъ говорили мои домашніе.

Черезъ два дня Романъ Николаевичъ Кутузовъ пришелъ и крехтя сказалъ: „ѣдемъ къ архіерею, попытаемъ счастья.“—Когда вошли мы къ архіерею, я поклонился ему, какъ священникъ въ ноги. Гляжу—и Романъ Николаевичъ съ огромнымъ пузомъ валится наземъ. Архіерей бѣжитъ къ нему и, поднимая его, говоритъ: „къ чему это?“—„Окажите отеческую милость,—крехтя и кашляя отвѣчалъ Кутузовъ и объяснилъ просьбу.—„Да пусть бы хоть обросъ волосами да по привыкѣ къ священническому званію“, говорилъ Гавріиль.—Не помню, какіе примѣры представлялъ Кутузовъ, но наконецъ архіерей, обратился ко мнѣ, сказалъ: „Ну, ужъ готовься въ протоіереи на воскресенье!“ я поклонился въ ноги и поцѣловалъ руку. Кутузовъ себя, поднимаясь со стула, протягиваетъ руки къ землѣ. Архіерей не позволяетъ ему кланяться, но остается совершенно довольнымъ. Сталъ ласково говорить съ Кутузовымъ о постороннихъ предметахъ.

Съ сіяющимъ лицомъ Кутузовъ возвратился домой и называлъ Варвару Ивановну *Протоіерейшею*. Та покраснѣла до ушей отъ восторга. А я грустно высматривалъ. Униженіе, какому подвергался изъ-за меня Кутузовъ, тяжкимъ бременемъ лежало на душѣ моей. Я даже не благодарилъ Романа Николаевича. Вы-

ходитъ: я не заслужилъ протоіерейства, а вымолилъ его поклонами, купилъ самоупищеніемъ, подлостью...

Дѣйствительно, въ воскресенье 4-й недѣли Великаго поста архіерей пропавель меня въ протоіерей и, кажется, въ тотъ же день родственники мои давали ему обѣдъ. Я, по наставленію своихъ руководителей, ѣздить по членамъ консисторіи и отвезъ голову сахару и фунтъ чаю секретарю консисторіи *Неводчикову*. Неводчиковъ принялъ меня очень радушно, угощалъ чаемъ—и я видѣлъ его малютокъ и, можетъ быть, пынѣшняго издателя „Одесскаго Воскреснаго Листка“ о. *Николай Васильевича Неводчикова* ¹⁾.

Наступало время дѣлежа наслѣдства и сборовъ моихъ къ отъѣзду въ Херсонъ. Вещи подѣлены между наслѣдниками тотчасъ по смерти отца—и въ томъ разѣ не соблюдено было завѣ-

¹⁾ *Николай Вас. Неводчиковъ*, сынъ секретаря Екатеринославской д. консисторіи, воспитанникъ Екатеринославской д. семинаріи, а затѣмъ—московской д. академіи (выпуска 1844 г.), личность въ духовномъ и литературномъ мірѣ очень замѣчательная. Служа въ г. Одессѣ священникомъ,—онъ былъ основателемъ въ 1860 г. и затѣмъ около 10 лѣтъ сряду фактическимъ редакторомъ „Херсонскихъ Епархіальн. Вѣдомостей“,—гдѣ много помѣстилъ статей, особенно по мѣстной исторіи. Въ 1876 г. онъ основалъ собственный духовный журналъ въ Одессѣ подъ названіемъ „Одесскій Воскресный Листокъ“, существовавшій два года. Въ 1880 г. онъ постригся въ монашество—съ именемъ *Неофита* и вскорѣ посвященъ былъ во епископа Елисаветградскаго; въ 1883 г.—переведенъ на епископскую кафедру въ Туркестанъ; въ 1892 г.—назначенъ архіепископомъ кишиневскимъ. Въ 1898 г. уволился на покой и имѣетъ теперь мѣстопребываніе въ г. Измзиль, Бессар. губ.—Есть одна еще замѣчательная подробность въ біографіи гресов. Неофита Неводчикова. По окончаніи академическаго курса, онъ былъ нѣсколько лѣтъ (съ 1844 по 1851 г.) домашнимъ секретаремъ у извѣстнаго писателя и филантропа *Александра Скарлатовича Стурдзы*, жившаго въ Одессѣ. И такъ какъ Стурдза былъ знакомъ съ Гоголемъ,—то и Ник. Вас. Неводчиковъ познакомился съ великимъ нашимъ писателемъ, когда этотъ послѣдній былъ въ Одессѣ въ 1848 г. и навѣщалъ Стурдзу. Неводчиковъ имѣлъ даже переписку съ Гоголемъ.—Впоследствии онъ напечаталъ свои воспоминанія о знакомствѣ съ Гоголемъ въ „Библиографич. Запискахъ“ 1859 и 1861 гг.—Подробности обо всемъ этомъ смотр. въ „Матеріалахъ для біографіи Н. В. Гоголя“, изд. В. И. Шенрока, т. VI, стр. 697.—См. также „Письма Н. В. Гоголя“ подъ редакцію В. И. Шенрока—изд. А. Ф. Маркса—т. IV, стр. 324.—Кромѣ того, у Н. В. Неводчикова хранится дневникъ одной образованной дамы, которая была сначала гувернантною въ семействѣ проживавшаго тогда въ Одессѣ князя В. Н. Репнина (брата извѣстной покровительницы Т. Г. Шевченка княгини *Варвары Николаевны Репниной*, которая тоже жила тогда, т. е. въ началѣ 50-хъ гг. XIX в.; въ Одессѣ), а потомъ сестрой милосердія въ общинѣ сердобольныхъ сестеръ, основанной въ Одессѣ А. С. Стурдзою въ 1850 г. Въ своемъ дневникѣ эта дама записывала всѣ подробности пребыванія Гоголя въ Одессѣ, въ гостяхъ у Репниныхъ. Копію этого днев-

паніе его. Младшія дѣти, не вышедшія тогда замужъ, не получали по двойной части, а по равной. Странно подѣлили бібліотеку, не по названіямъ и цѣнности книгъ, а по томамъ и величинѣ книгъ, такъ что томы одного и того же сочиненія очутились въ рукахъ многихъ.—Теперь дѣлились деньги, лошади, экипажи и распределялись крѣпостные люди. У протоіерея Станиславскаго было до 20 душъ этихъ людей. Деньги заключались въ наличныхъ и векселяхъ, а какъ Кутузовъ оставилъ за собой домъ въ 4000 р., то къ деньгамъ наличнымъ присоединена и эта сумма. Наслѣдниковъ было семеро: пять дочерей и два брата—одинъ умершій, а вмѣсто его наслѣдникъ; и какъ дѣль дочери получали по двойной части, то деньги дѣлились на 9 частей. Изъ цѣны за домъ и наличныхъ Варвара Ивановна получила 1300 р., или около того. Не помню, на сколько было векселей; но всѣ они были на имя моей жены. Эти векселя при сорѣ по всѣмъ правамъ должны были остаться собственностію Варвары Ивановны. Но она и я не подумали объ этомъ, хотя хорошо знали это. Варвара Ивановна представила ихъ роднымъ. Ихъ, кажется, было до 5 тысячъ цѣною. Такъ какъ дѣла по заемнымъ письмамъ хорошо понималъ Корнѣй Фомичъ, то ему сообщали и дали довѣренность взыскивать. Спустя годъ онъ два раза присылалъ намъ въ Херсонъ деньги—разъ 300 р., другой—150 р.; но полнаго отчета никому не далъ. Мы дали рессорную

ника Н. В. Наводчиковъ (то есть нынѣ архіепископъ *Неофитъ*) сообщилъ г. Шенроку и этотъ послѣдній напечаталъ ее въ *Русскомъ Архивѣ* 1900 г.—во 2-мъ №.—См. брошюру покойнаго протоіер. *Алексыя Иван. Маркевича*: „Гоголь въ Одессѣ“, оттискъ изъ 88 тома „Записокъ Императ. Новороссійскаго Университета“, стран. 32. См. также письмо къ А. И. Маркевичу князя *Ник. Вас. Репнина*, нынѣшняго Кіевскаго губернскаго предводителя дворянства, напечатанное въ XXVI т. „Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей“ (въ *протоколахъ общества*).—Кстати замѣтимъ здѣсь, что изъ дневника именно упомянутой дамы видно, какъ Гоголю нравились проповѣди архіеп. *Іакова Вечеркова* (бывшаго инспектора орловской семинаріи въ Сѣвскѣ). Объ этомъ также упоминаетъ и княжна *Варвара Ник. Репнина* въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 г. (кн. 10-я).—Архіепископу *Неофиту* Наводникову идетъ въ настоящее время 86-й годъ отъ роду; но онъ еще бодръ и еще живы въ немъ умственные и литературные интересы. Подобно тому, какъ въ молодости своей онъ любилъ писать стихи на религіозныя темы и печаталъ ихъ въ дѣтскихъ журналахъ извѣстной писательницы *Александры Осип. Ишимовай* (въ „Лучахъ“ и „Звѣздочкѣ“),—такъ и теперь онъ еще пишетъ стихи—но не для печати, а только лишь въ письмахъ къ своимъ искреннимъ друзьямъ и пріятелямъ.—Л. М.

бричку, огромныя дрожки. Изъ прислуги—*Никифора* съ женою его, нянькою Варвары Ивановны, и дочерью ихъ 8 лѣтъ; и старую, но отличную лошадь.

На 5-й недѣлѣ Вел. поста я собрался въ дорогу. Въ бричку напаялъ двухъ лошадей, двѣ въ телегу, а свою лошадь употребилъ на перевозъ дрожекъ. На телегѣ уложено было въ сундукѣ имущество и посуда.—Варвара Ивановна съ горькими слезами оставила родину и родныхъ; а я радъ былъ, что развязался съ Екатеринославскими хлопотами. Очень былъ веселъ и цѣлую дорогу на досугѣ обдумывалъ свою вступительную проповѣдь.

Весенняя растаѣ захватила меня въ дорогѣ. Рѣчку Камен-лу едва могъ переѣхать. Во Вишневѣ ночевалъ у апохондрика священника Смирнова, который вмѣстѣ съ женою отъ души вѣрили, что мужикъ ихъ обошелъ.—Въ Херсонѣ по грязи едва добрался въ пятницу на 6-й недѣлѣ Вел. Поста. Квартира, по довѣрію моему, напята была за 240 р. въ годъ, не слишкомъ далеко отъ собора и училища. Она была небольшая, кухня подъ зданіемъ. Я съ собою привезъ всѣ принадлежности кухни и стола. Купилъ только стульевъ 6-ть и кровать.—Бросился въ училище и велѣлъ распустить учениковъ на Праздникъ Пасхи.
